

СТАСИК

Завет. 5.

Хороший день

Стасиков дед немногословен и монументален. Он сидит на диване, как памятник, когда расшалившийся Стасик, воображая себя юным героем-альпинистом, взбирается на могучую вершину и торжествующе водружает на плечах цели восхождения воображаемый флаг первопроходца. После чего крепкие руки покорённого монумента снимают Стасика на пол. Одна с мягкой тяжестью проводит по голове внука, другая даёт ласковый увесистый поджопник вкупе с непонятным: «Ишь, какой прыткий Балыбердин. Ну, беги, играй».

А собственно, чем ещё заниматься пятилетнему человеку в гостях у деда с бабой? Нет, можно, конечно, нарисовать на обоях в укромном уголке за диваном Волка из «Ну, погоди!», но это в первый раз интересно, а в третий уже и не так чтобы очень. Динозавров из пластилина они с бабушкой уже налепили на целую динозаврову ферму, картинки в книжках писателя Чуковского благополучно изучены и частью вырваны от избытка эстетических чувств. В тёмной кладовке прятаться хорошо, если тебя кто-то ищет, приговаривая: «А где у нас Стасик? Деда, ты Стасика не видел?», а потом выпрыгивать оттуда с радостным воплем — сам нашёлся! Но если искателям не до тебя, то в темноте быстро становится неудобно и страшно. Впрочем, можно же и просто носиться по дому с весёлым призывом маленького поросёнка, которому легко и интересно жить вообще и в гостях в частности.

И тут вдруг из бабушкиной кухни донесётся запах жареной картошки. Если вы настолько старый, что вам уже, допустим, семь или даже десять лет, то ваш вкус давно и безнадежно испорчен всякими котлетами, сосисками или тортом наполеон. Но нет ничего вкуснее жареной картошки, когда ты ещё настолько юн, что не подвержен ни в малейшей степени условностям взрослого мира, где радуются куриному супу, газировке или вдруг селёдке иваси. С жареной картошкой может иногда сравниться корка серого хлеба, с которой хорошо не сидеть за столом, а бегать по комнатам в поисках злого Бармалея, но тут уж только по отдельности: или хлеб, или картошка — вместе их ни один нормальный человек есть не станет, только удовольствие портить.

Стало быть, баба нажарила картошки и уже зовёт к столу. Картошка вкусная, спору нет, но нельзя же просто так взять и пойти на кухню есть картошку вилкой, которую ещё и нужно держать правильно, а не как удобно, в кулаке. А дед сидит в кресле у открытого балконного окна, курит свою папиросу и газету читает — любому понятно, что дело это скучное и никому не интересное.

Обязательно нужно его привлечь к угощению картошкой, он же нам не чужой. Дед пробормочет «сейчас, сейчас», не отрываясь от газеты и смахивая дым в сторону балкона, потом затушит папиросу в смешной железной пепельнице из головы чёрта (не забыть добраться потом до неё, и да, коробок со спичками же там рядом! — их позажигать непременно, дело решённое), встанет с кресла огромный, голова под потолок, протянет руку — пойдём, дескать, Стасик, к бабушке. Сам ты бабушка, кто же так ходит на кухню, совсем ты уже, дед.

Нужно встать на твои ступни, обхватить тебя за спину или что там у тебя ниже и так и идти, поднимая одновременно ноги: ты шагаешь, и я шагаю твоими ногами, только спиной. «Как обезьяна?» — «Сам ты обезьяна! Как робот!»

Ничего эти взрослые не понимают.

Вкусная картошка, лучше бабушки никто её готовить не умеет. А котлету пусть они сами едят, если им нравится. Дед вон ест с удовольствием, между делом из графина себе в рюмку наливая. А баба то хлеб заставляет кусать, то руками картошку брать не разрешает. Но все равно она хорошая, добрая. Графин со стола убрала, спрятала в шкаф за стеклянную дверку. Не забыть после картошки спасибо сказать, а то они в два голоса обязательно начнут про эту свою вежливость. Какая ещё такая вежливость, когда Бармалей не пойман и Айболит не освобождён, придумают тоже. Пусть сидят за столом, а тут уже пора бежать всех спасать. «Спасибо, баба».

Но Бармалей подождёт — здесь вдруг фашисты плывут на подводной лодке прямо по дивану, а фашисты ещё хуже Бармалея или даже Змея Горыныча, так папа говорит. Потому нужно залезть на спинку дивана, выбрать удачный момент и прыгнуть сверху на них, чтобы утопить, пока деда с бабой не видят. «А-а-а!» — этот диван плохой, он взял и выбросил вниз с подлодки на стремительно вырастающие перед глазами доски крашеного пола, который больно ударил по голове. Плохой пол! «А-а-а! Не дуй на шишку, баба, ты тоже плохая! Вы фашисты, я вас не люблю, я вас буду бить и пинать! А-а-а!» Нет, пусть, пусть баба меня качает на руках и спрашивает: «Где, Стасик, больно? Где?» А я всё равно её буду царапать, потому что все вы плохие, вот почему. «А-а-а!»

И тут дед говорит: «Нельзя так, так нельзя». И отбирает раненого героя из успокоительных бабушкиных рук, и кладёт его на этот предательский диван, и уводит бабу на кухню, и закрывает за собой дверь, и как теперь жить? Совсем они уже. «А-а-а!» Но ведь скучно громко рыдать одному, если они такие, если обижают, а сами не хотят дуть на шишку и гладить по голове. «А-а-а! А-а! А!» Ну и пусть тогда живут сами, отдельно. Пусть отведут домой к маме с папой, там мультики в телевизоре и ножницы знаю где лежат. А ножницами можно новый мамин ремень порезать на красные лаковые кусочки, потому что это красиво и весело, и чтобы папа никогда не грозил им меня по попе ударить, если я ещё раз буду пробовать на вкус землю из цветочного горшка. Здесь на кухне тоже цветы у бабы растут, между прочим. На подоконнике у холодильника. А в холодильнике прошлый раз мороженое было, а вдруг и сегодня есть? Если есть, то баба с дедой хорошие, я их люблю. А если нет, тоже люблю. И шишка на голове уже не болит, просто выросла. «Баба, а почему на голове шишка и на ёлке шишка?» Ладно, так и быть, съем это их мороженое, если сами предлагают. Вкусное, вон и дед подмигивает, понимает.

Пусть он поднимет меня на подоконник, посмотреть, что там во дворе. Ух ты! Машины стоят: «москвич», «жигули», а это грузовик «зил стотридцать», а может, «газ», тут трудно запомнить, как их папа называет. А дед отпустил, сказал: «Держись крепко, а то вторую шишку набьёшь». Не хочу шишку, буду держаться за эту ручку, смотреть, как дворник свою голубятню открывает. Там интересно, там почтари, дутьши, турманы и ещё какие-то: он нам с мамой показывал, когда мы в прошлый раз подходили. Дворник на Бармалея похож, но мама сказала, что Бармалей давно бы этих голубей съел, а не любил бы их, не кормил, в небо бы не запускаял. Так что в дворнике больше от Айболита, чем от Бармалея, объяснила мама. Похоже, так, можно согласиться.

Деда опять себе в рюмку из графина налил, прямо в шкафу. Как будто он бабу боится. Да нет, взрослые никого не боятся, чего зря на них придумывать: дед

может и ремень ножницами порезать, и землю из цветочного горшка попробовать, и ничего ему за это не будет. Вот ведь можно, а не делает. Странные они. Хоть ту же бабушку взять. «Стасик, помоги мне носок распустить», — сказала давно ещё, зимой. Распускали вместе с ней: тянешь за толстую нитку, она дёргается смешно, а носок всё меньше и меньше становится. И всем весело и радостно, как я носок уменьшаю. А недавно увидел знакомый клубок со спицами, в него воткнутыми, и нитку, тянущуюся к какой-то тряпке, — на кресле лежали. Тряпка эта так быстро уменьшилась, что и клубок в нитке, из неё получившейся, запутался, в футбол им не попинаешь даже. А баба пришла, рассердилась: «Что же ты, Стасик, натворил, два дня работы угробил. Свитерок тебе вязала ведь». Ну, бабушка долго сердиться не умеет — сразу мне слёзы вытерла и кусок хлеба со смородиновым вареньем дала. С молоком. Вку-усно. Но они, правда, странные.

Всё, надоело во двор смотреть, снимай меня, дед. Да не на пол, а себе на спину: поедем верхом. Какая ещё конница Будённого? Не выдумывай. Ты будешь осликом или, по-другому, ишаком, а я Ходжой Насреддином, мне мама читала. А ещё папа пел под гитару смешную такую песню про «бричмулу». Но, но, ослик, поскакали в большую комнату.

Ну и что, что тут игрушки разбросаны? Ты их потом соберёшь, или баба соберёт. Потому что разбрасывать весело, а собирать скучно — это взрослое занятие, не детское. Ладно, давай вместе собирать, если бабушке трудно наклоняться. Она придёт из гастронома, а мы с тобой уже всё убрали, мы молодцы будем.

Устал, пусть дедушка один дальше. Вот он уже и коробку с кубиками поставил на полку, рядом сел, руку на плечи положил, гладит по голове шершавой ладонью. Приятно. Разговорчивый он какой-то сегодня, на себя не похож. «Не то хорошо, Стасик, — говорит, — что ты делаешь доброе дело, когда тебя попросят. Ты сам должен понимать, когда твоя помощь необходима. Бывает так, что люди и не просят, — или потому, что гордые, или не верят в свои силы, или смирились с неизбежной бедой. А ты потихоньку возьми и помоги им справиться. И будешь ты такой тихой скорой помощью, без сирены, без мигалки, без воздаяния за доброе дело. Тимуровцы так в наше время делали, но они целыми отрядами справлялись, с дисциплиной, с клятвами всякими, а это лишнее. Каждый человек должен быть для другого опорой и поддержкой, даже для совсем чужих людей, не говоря уже о близких. К этому стремиться нужно людям, тогда и к коммунизму придём, или что там нам партия обещает. Не бойся творить добро, Стасик, и оно обязательно вернётся к тебе сторицей. Не бойся творить добро».

Скорей бы вырасти, чтобы понимать всякие взрослые слова: «коммунизм», «воздаяние», «сторица». Но и без них понятно, что помогать людям — это хорошо и правильно. Как бы нам бабе помочь, пока она в магазине? Чтобы пришла и порадовалась. Игрушки-то мы с пола уже убрали. А, дед?

Ну, точно же! Бабушка ведь никогда не додумается саму себя из пластилина вылепить, ей некогда. Смотри, деда, какую я голову бабе выкатал круглую, а ты всего только две руки и две ноги сделал. Вот так мы их к туловищу прилепим, а к голове уши и волосы тонкими колбасками. Отличная бабушка получилась, очень похожая. Обязательно обрадуется, когда вернётся. Иди, иди к своему графину, я сам тут доделаю.

Ну нет, так на подоконнике она может и не увидеть себя сразу, а нужно, чтобы

сразу, чтобы захлопала в ладоши, разулыбалась и сказала: «Вот же какой молодец у нас Стасик! Как живую меня вылепил!» И, наверное, ещё мороженого даст тогда. Лучше прилепить бабу к окну, на твёрдое стекло, тогда сразу заметит. Вот так, и ещё солнце наклеить большое, жёлтое, с лучами, а то сегодня на улице тучи, а нужно, чтобы хорошо было, ласково.

Вот и дверь входная хлопнула, и дед сумки бабушкины из прихожей понёс на кухню. Сейчас она войдёт, а я как будто и ничего, я просто книжку Агнии Барто читаю, вот здесь, про бычка. Пусть сама увидит и обрадуется. Дед вернулся, подмигнул, палец к губам прижал. Поискал глазами пластилиновую бабу, увидел, что я её на стекло приклеил, как-то странно глянул на меня да рукой махнул.

Вот и бабушка, и сразу карамельку мне из гастронома. Эй, дед, отойди от окна, ей же не видно, какую красоту Стасик вылепил. Вот я сейчас тебя оттолкну с разбега двумя руками.

Ага, увидела! «Это кто же такую бабушку слепил? Деда, наверное?» Совсем ты уже, баба. Дед помогал мне только, а я сам и голову, и уши, и глаза, и волосы. И на окно сам догадался, а то бы ты до вечера себя красивую пластилиновую не увидела. Подняла на руки, поцеловала: «Очень красивая я у тебя получилась, молодец, Стасик». И понесла на кухню, уговаривая кусочек колбаски съесть, докторской. А деду за спиной зачем-то сказала: «Сам будешь завтра окна мыть, я и порошок купила». Дедушка вздохнул только.

Вечером пришла мама, мы ей тоже бабушку на окне показали. Мама похвалила: «Молодец, умеешь». А баба сказала: «Дедовы проделки». Хотел объяснить, что не дедовы эти проделки, а исключительно мои, но зевать хотелось больше.

Потом шли с мамой домой по улице с фонарями, она спросила: «Хорошо день провёл, Стасик?» Очень хорошо, у деда с бабой всегда хорошо день проводить, только спать к вечеру хочется — они укладывают днём, но никак у них не спится, всё там такое новое, интересное.

Потом вспомнил: «А ты знаешь тихую скорую помощь?» Мама задумалась: «Нет, не знаю, расскажи». И Стасик рассказал, что нужно незаметно творить добро всем и каждому, это и есть тихая скорая помощь. Вот как сегодня мы бабушку слепили, чтобы её порадовать. Дед ещё слово такое сказал про это, «сервиз», что ли. «Сюрприз, — поправила мама. — Ну, вам с дедом виднее». Конечно, виднее, мы с дедом настоящая тихая скорая помощь. Всегда буду стараться творить добро. Очень хороший день сегодня, только спать сильно хочется.

И Стасик снова зевнул — долго, с тонким подвыванием. Мама засмеялась и взяла Стасика на руки.

Часть первая. 10–21

Глава 1. Лорд

— На, Стасик, — Витька Отчалов протянул жевательную резинку в яркой обёртке. — «Дональд», со вкладышем.

— Ух, ты! Спасибо, Витя, — жвачка с утёнком была символом пацанячьего счастья в скудные времена ярких лозунгов и пустых прилавков, оттого Стасик подобные подарки товарища принимал с искренней и радостной благодарностью.

Витькина семья принадлежала к категории прорабов перестройки, Стасикова — к обществу счастливых обладателей талонов на мыло и сахар. Впрочем, в штабе

социальное неравенство никакого значения не имело.

Сам штаб дислоцировался в густых зарослях кустарника у подножия старого клёна, на который легко взбираться по наклонному стволу, чтобы запускать вниз пригоршни кленовых вертолётников, медленно планирующих на крыши окружающих гаражей. К тайному укрытию, кроме Вити и Стасика, были допущены Игорь Смирнов — рослый очкарик из третьего подъезда, известный тем, что в запале драки до крови разбил нос Вовке, среднему из хулиганистого семейства Рыжовых, и Витькина младшая сестра Лера, которую всё равно приходилось таскать с собой во время долгих и счастливых летних каникул. Сегодня её повезли родители на своей «ладе-девятке» удалять какой-то неправильный молочный зуб, и друзья наслаждались ровным течением дня, уютно расположившись за столом из магазинных ящичков под штабной крышей, крытой обрывками рубероида, прибранными на недалёкой стройке.

На узкой тропинке, проложенной в кустах, послышался шум. Стасик направил в подозрительную сторону втайне от мамы изготовленный папой деревянный пистолет с боевой частью из натянутой резины. Витёк приготовил к броску гранату из ударного целлофанового пакета, наполненного водой, и отдал строгий приказ:

— Стоять на месте! Пароль!

Шаги замерли, из кустов донеслась фраза:

— «Боюсь, что вам известен мой любимый коньяк». Отзыв?

Стасик положил пистолет на стол.

— «Не считайте себя фигурой, равной Черчиллю», — Витька расслабился и добавил уже от себя: — Проходите, дружище, не стесняйтесь.

Из кустов выбрался улыбающийся Игорь, выпрямился в полный рост: «Привет, штирлицы». Штирлицы чинно пожали коллеге протянутую руку. Игорь учился в параллельном 3 «А», и межклассовые противоречия делали друзей тайными разведчиками внутришкольных формальных сообществ. Стасик с Витей рассказывали Игорю о повадках их одноклассника Вовки Рыжова, а Игорь делился наблюдениями за своей классной руководительницей Ольгой Викентьевной — самой красивой из школьных педагогов, по их общему непредвзятому мнению. Игорёк сел на свободный ящик. Помолчали.

— Пошли на котлован? — предложил Стасик.

Котлован под строительство многоэтажного дома на соседней улице был вырыт лет пять назад и так с тех пор и стоял, наполненный талой и дождевой водой. Там у друзей был пришвартован к бетонной опоре хлипкий плот, с которого Витька навернулся посреди очередного водного путешествия на прошлой неделе.

— Да ну его, — предсказуемо отверг приглашение незадачливый котлованоплаватель. — Давайте лучше в арсенал.

— Там ничего нового, скучно, — в свою очередь не согласился Игорь.

Военный оружейный склад так и назывался — «Арсенал». И автобусная остановка за углом тоже называлась «Арсенал». Зарубежным шпионам никакие свои штирлицы не были нужны, чтобы разведать расположение секретной воинской части. Весь город знал, что на улице Чапаева за длинным бетонным забором размещены длинные армейские хранилища, к которым подведены рельсы от Второго разъезда. Тоже мне, военная тайна.

Ещё в прошлом году через две дыры в заборе окрестные горожане срезали угол между Чапаева и 1-й Военной, чтобы пройти через арсенал к Нижнему

гастроному, где чаще, чем в Верхнем, «выбрасывали» колбасу, масло и туалетную бумагу. Слух о возможности отоварить талоны быстро разносился по близлежащим кварталам, и конец очереди, бывало, начинался аккуратно внутри воинской части с грозным названием. Весной дыры в заборе заварили металлическими решётками, как будто они кому-то мешали проползти под бетонной плитой в трёх десятков шагов дальше. Но действительно, месяц за месяцем ничего нового и интересного в арсенале не происходило, если не считать бурного прорастания зарослей чертополоха вокруг хранилищ боеприпасов. Ну, один раз в нём можно шаров с колючками набрать, чтобы бросаться потом в девчонок, ну, повторить экспедицию, а в третий раз и правда скучно.

— А вы кем хотите стать, когда вырастете? — вдруг задал трудную задачу Игорёк.

Стасик задумался. Ещё месяц назад он перед сном представлял себя бравым пожарником, который может отважно спасти из огня любого, даже кудрявую Марину с первой парты. Но за прошедший каникулярный июнь облик Марины-хохотушки как-то поплёк, как и всё связанное со школой. Теперь больше всего хотелось снега и зимы.

— Не знаю, хоккеистом, наверное, — неуверенно ответил Стасик.

— Мне бы и в голову не пришло, — похвалил Игорёк. — А ты?

— Пограничником, — сразу и убеждённо ответил Витя. — Только кинологом, это такой пограничник, который всегда с собакой.

— Я знаю, — Игорь поправил очки. — Армию любишь, дисциплину? Чтобы в военной форме ходить и девчонкам нравиться?

— Я собак люблю, — вдруг зло огрызнулся Витька. — При чём тут девчонки?

— Девчонки всегда при чём, — авторитетно заявил Игорь. — У меня Эдик так родителям отвечает, когда они его ругают за выпендрёж внешнего вида. А брату восемнадцать уже в сентябре исполнится. Ладно, забудем про них. Так заведи себе собаку, если любишь, в чём проблема?

— В родителях, — глаза Витьки неожиданно набухли слезами. — Папа говорит, что на породистую служебную очередь в кинологическом клубе. И он вообще против, потому что собака — это ответственность, а я даже постель за собой не убираю, если один дома остаюсь.

— Такая же песня и у моих, — вздохнул Стасик. — Так ты застилай постель-то, тебе важнее.

— Да я что угодно готов делать, но они же не верят! Мама говорит, что позволила бы пекинса, но боится аллергии у Леры. А мне и не нужен её пекинс, я большую собаку хочу, настоящую!

Витька сердито утирал со щёк обидные слёзы. Ребята понимали, молчали сочувственно.

— Ты вот что, Вить, тебе вот как нужно сделать, — Игорёк решительно стукнул кулаком по колену друга. — Просто приведи домой собаку, возьми и приведи, сам приведи, не рассчитывай на них. Родители поругаются, конечно, для начала, сильно будут ругать. А потом сами её полюбят, потому что собаку нельзя не любить, если она уже рядом с тобой, если она уже дома. Вот и всё, вот и решится дело.

— Да где её взять-то? — всхлипнул Витя. — Собаки на улице не валяются.

— Ещё как валяются, — поправил Стасик. — Кому ещё валяться на улице, как не собакам.

— Пьяным ещё, — уточнил Игорь. — Пьяные, бывает, на улицах валяются.

Друзья рассмеялись точному дополнению. Слезы у Витька совсем уже высохли.
— Значит, собак любишь? — зачем-то отдельно уточнил Стасик.
— Даже больше вас, — показал язык Витька. — Ладно, пошли на котлован, я сегодня на всё уже согласный.

Игорю давно надоела эта игра в пароли и отзывы, он и головы не повернул на шум из-за кустов — свой кто-то, больше некому. Однако вместо Витьки или Стасика к штабу вышла собака: крупная, непонятного светлого окраса в лёгкую рыжину, с вислыми ушами и добрыми глазами.

— Не бойся, — за собакой к столу выбрался Стасик, держащий в руке верёвку, другой конец которой замыкался на псине наподобие ошейника. — Это Лорд, он добрый. Привет.

— Я не боюсь, — почти не соврал Игорь. — Привет. Садись, рассказывай. Собака деликатно обнюхала стол и неожиданно, боднув широким лбом руки Игорька, села рядом с ним и положила башку ему на колени. Стасик привязал свой конец верёвки к ветке куста и объявил:

— Вот, подарок Витьке. Помнишь, он позавчера тут сопли распустил?

— Ого, — обрадовался Игорь. — Это ты гениально придумал, отличная собака. Где взял?

Стасик отвернулся в сторону гаражей, пожал плечами:

— Долгая история, неважно. Смотри, какой красавец, никакие родители не откажутся от такой собаки. Да же?

— Да же.

Игорь осторожно погладил пса по голове, почесал за ушами. Тот сразу завалился на бок, предлагая к почёсыванию розоватый лохматый живот.

— Лорд, говоришь?

— Ага.

— А порода какая?

— Неизвестная, — пожал плечами Стасик. — Но точно не дворняга, за это ручаюсь. Витёк не появлялся ещё?

— Не видел, я недавно пришёл, — заметно было, что Игорёк продумывает план действий. — Значит, так: я сейчас домой быстро сбегаю за детской энциклопедией — там картинки со всякими породами собак, чтобы определиться с этим твоим Лордом. И по дороге Витьке позвоню из автомата, чтобы быстро сюда шёл. У тебя двушка есть? Давай.

Игорь уже собрался поднырнуть на тропинку в кустарнике, но опять выпрямился в сторону Стасика:

— Он бутерброды ест?

— Витька? — удивился несурзости вопроса временный хозяин собаки.

— При чём тут Витька? Лорд.

— А. Он всё ест, кажется, — не вполне убеждённо ответил Стасик.

Игорёк ушмыгнул в кусты, только ветки затрещали.

Стасик притянул ещё качавшуюся ветку акации, сорвал стручок, сделал свистульку, попищал в неё. Лорд встал, насторожился и неожиданно гавкнул низким басом. Сделав вид, что не испугался, Стасик встал, поднял вверх согнутую правую руку и сказал: «Сидеть!» Лорд сел. «Стоять!» Лорд встал. «Рядом!» Лорд обошёл юного дрессировщика и аккуратно встал с правой стороны. «Лежать!» Лорд лёг. «Вот так-то», — удовлетворённо заметил Стасик и пожалел, что нет под рукой игоревского бутерброда, чтобы поощрить пса: он видел в киножурнале «На службе Родине», что так работают со служебными

собаками военные кинологи. А то, что Лорд — собака умелая, опытная, и без того всякому было понятно.

Поощрительный бутерброд с колбасой появился в штабе через десять минут вместе с запыхавшимся Игорем. Лорд проглотил бутерброд в один приём и завилял лохматым хвостом, наблюдая, как пацаны с неменьшим азартом доедают свои подкрепительные сухпайки.

— В энциклопедии нифего про такую породу не нафёл, — объяснил с набитым ртом Игорёк. — Но дома Эдька был, подсказал по описанию: это золотистый ретривер, служебная порода и охотничья, редкая в России. И где ты его только отыскать сумел?

— В общем, тут такая история, — решился объяснить Стасик, но в этот момент из кустов скороговоркой донеслось «боюсьчтовамизвестенмойлюбимыйконьяк» и к штабу вывалились Витя с Леркой.

— Ух, какой! — заорал на все гаражи Витька и сразу хотел броситься обниматься с собакой, но на секунду притормозил. — Не кусается?

— Если только ты душман, — успокоил Стасик.

И Витёк с размаху кинулся обнимать пса, за ним с опаской подошла Лера, погладила собаку по голове. Лорд только вздыхал и вдруг лизнул девочку по всему носу широченным языком. И все захохотали от внезапного счастья. И Лорд, показалось, тоже.

— Это мне? — никак не мог поверить Витька. — Ты, Стас, да? Вот спасибоще. Ох, какой. А он слушается?

Стасик степенно встал, показал класс дрессировки. Лорд не подвёл. Лера хлопала в ладоши.

— Лерка, ты только дома молчок, — Витёк суетился, никак не мог прийти в себя от свалившегося на его голову счастья. — Я сам, потом. Может, его здесь пока, а? Конуру соорудим. Вы как?

Игорь погладил собаку, поправил очки.

— Да ну, — отверг малодушное предложение. — Лучше сразу. Родители на работе? Вот и забирай. Миску ему там пока подберёшь, место покажешь, коврик найдёшь какой-нибудь. Они придут, а он уже освоился. И кто такого красавца потом на улицу выгонит? Ты за, Лера?

— Я за! — завопила мелкая. — Я ещё как за!

И начала тормошить Лорда за уши и целовать в морду. Пёс смущённо вилял хвостом.

Потом они все потренировались в выполнении кинологических команд. Лорду было всё равно, кого слушаться — хоть Витю, хоть Игоря, хоть Лерку. Он беспрекословно и спокойно исполнял приказания ребят, как будто они были его хозяевами всю жизнь. Витька совсем успокоился, только не сводил с пса влюблённых глаз.

Наконец Витёк отвязал от куста верёвочный поводок и совсем уже собрался домой вместе с Лордом. Подошёл к Стасику, протянул руку: «Я тебе этого никогда не забуду». И вдруг обнял друга, не стесняясь телячьих нежностей. Дал команду «Лорд, вперёд!» и потянулся за собакой в кусты, из которых донеслось: «Я вечером позвоню, как всё прошло!» Понятно, что Стасику — у Игоря дома телефона не было.

Стасик читал у себя на диване рекомендованную позавчера папой книгу про собак «Джерри-островитянин» писателя Джека Лондона, когда в комнату постучалась мама: «Не спишь? Иди, тебя Витя к телефону. Возбуждённый он

какой-то». Трубка сразу заорала Витькиным голосом: «Всё, ура! Всем понравился, Лорд наш! Он уже кашу вчерашнюю поел, и я его на прогулку сводил. Теперь у меня есть собака!» Стасик еле его успокоил, чтобы прояснить подробности. Выяснилось, что первой с работы вернулась мама, очень удивилась, но Лорд её быстро очаровал, «как он умеет», и мама сказала: «Что ж, я не против. Но последнее слово остаётся за папой». Потом пришёл папа, и вначале они долго говорили в спальне с мамой. Затем папа собрал всю семью и объяснил, что ничего ещё не решено, он подумает до завтра, но тут вступила в дело Лера, забралась к нему на колени и стала рассказывать, как они уже с Лордом подружились и как им всем теперь хорошо и весело будет жить. Папа сдался, сказал: «Ладно, посмотрим. Пусть живёт пока. Но если я ещё один раз увижу незаправленную кровать...» И тут Лорд к нему подошёл и протянул лапу. И всё на этом закончилось. И Витька теперь вечный должник Стасика, только тому нужно на днях обязательно прийти и рассказать Витькиным родителям, откуда он взял такую чудесную редкую собаку. Но это уже не важно, поскольку в неё все влюбились и никто Лорда никогда не решится теперь выбросить на улицу.

На другой день Витин отец купил для домашнего питомца настоящий поводок с настоящим строгим ошейником, и Витька важный ходил с Лордом по двору. А потом они все носились с ним и по ипподромному пустырю, и по спортивной школьной площадке, и катались на плоту по котловану. И так прошло три счастливых Витькиных дня. А на четвёртый вечер мама опять оторвала Стасика от «Джерри-островитянина»: «Одевайся, пойдём к Вите». И мамин ровный голос не предвещал ничего хорошего от этого похода в гости. То есть совсем ничего.

Дверь открыла заплаканная Лера и провела их в большую комнату, где за круглым столом мирно пили чай Витькины родители и ещё незнакомая женщина и худой старик в чёрных очках. Лобастая голова Лорда лежала на его коленях. Витька видно не было.

— Здравствуйте, — поздоровалась мама Стасика.

И Стасик вежливо сказал:

— Здрасьте.

— Добрый вечер, Елена Дмитриевна, — отозвалась Витина мама. — Здравствуй, Стас.

Женщина и старик тоже поздоровались, а папа Витьки вздохнул:

— Не уверен, что вечер такой уж добрый. Вот стулья, присаживайтесь к чаю.

Извините, Герман Егорович, продолжайте.

— Да, в общем, я уже, считай, закончил, — старик отхлебнул из чашки, глядя строго перед собой в полированную румынскую стенку за спинами хозяев дома. — С эшелона маршем выдвинулись в сторону города Эссен, там нашу колонну и разбомбили. Последнее, что запомнил: летит на наш грузовик самолёт с крестами на крыльях, очень низко летит, потом вспышка — и всё. Про победу я уже в госпитале узнал. Так что ничего особо геройского нет в моей биографии, я ни разу по немцам выстрелить даже не успел. Родительский дом, потом школа, экскурсия на войну, дальше — темнота. Вот и всё. Благодарю за чай, и печенье у вас очень вкусное. Нет, больше не хочу, Евгений Олегович, спасибо.

Старик аккуратно поставил чашку на блюдце, продолжая смотреть выше голов сидящих за столом.

— Ладно, — не стал спорить дядя Женя. — Что ж, теперь ты, Стасик. Не возражаете, Елена Дмитриевна?

Мама не возражала, и Витькин папа попросил:

— Расскажи правду, как ты раздобыл эту собаку, которую потом презентовал Вите.

И Стасик рассказал, как папа его отправил в Нижний гастроном купить подсолнечного масла, потому что оно закончилось, а папа хотел пожарить курицу к маминому возвращению, у него выходной был. И у магазина сидела вот эта собака, привязанная к металлическому ограждению газона, у неё ещё такая рамка была к ошейнику прикреплена, которую он потом, когда уже к штабу шёл, в кустах там недалеко спрятал. Масло в отделе закончилось, обещали после обеда завезти, сказала продавщица, и Стасик вышел, хотел погладить собаку, но боялся, а потом все равно погладил, а она позволила. И такая эта собака была хорошая, что Стасик сразу подумал, что она — живая мечта Вити, а Витя жить без собаки не может, так её хочет, и что Стасик, как его верный друг, не может допустить, чтобы тот ещё раз заплакал, оттого что родители не хотят собаку. Тогда Стасик отвязал её и повёл с собой прямо в штаб, чтобы потом отдать Вите, потому что нельзя, чтобы человек так мучился. А пока шёл, придумал, что собаку будут звать Лорд, как в одном кино кого-то называли про рыцарей. Лорд не возражал, слушался. Потом он передал собаку Вите, а дальше все и так уже всё знают.

Перед рассказом Витина мама привела сына из спальни. Витька тоже был зарёванный, сидел, слушал, хмуро грыз печенье.

— Хорошо, — Витин папа потёр виски. — Хотя в целом ничего хорошего. Но почему ты сразу не сказал Вите, откуда у тебя собака? Он бы никогда её не взял при открывшихся обстоятельствах. Так, Виктор?

Витька пожал плечами, глянул на Стасика исподлобья, но показалось, что чуть ему подмигнул, вернее, поддерживающе моргнул обоими глазами. Никто и не заметил.

— Вот, не взял бы, — ответил за Витьку Евгений Олегович. — В любом случае, прошу всех нас извинить за случившееся недоразумение.

— Ничего, бывает, — отозвалась незнакомая Стасику женщина. — Время позднее, мы, пожалуй, засиделись у вас. Папе завтра вставать рано, ему очередь нужно будет занять за заказом в ветеранском магазине. Пойдём, мальчик, покажешь, где ты шлейку спрятал. Ну, ту самую рамку, которую ты от Тёплого отцепил.

— Какого тёплого? — не понял Стасик.

— Вот от него, — кивнула на Лорда женщина. — Его Тёплый зовут, с самого его щенячества.

— Завтра, — вмешалась мама. — Завтра они всей своей тёплой компанией принесут эту шлейку, обещаю. С самого раннего утра. Сейчас действительно уже поздно.

— Хорошо, — не стала спорить женщина. — Адрес мы Ольге Владимировне оставили. Пойдём, папа.

Старик поднялся из-за стола. Он оказался на голову выше Витькиного отца. Дочь взяла его под руку, повернула в сторону двери, Лорд, то есть Тёплый, встал у правой ноги хозяина, как и положено грамотной собаке-поводырю.

— Подожди, Маша, — сказал старик и протянул руку в сторону Стасика. — Подойди, мальчик.

Стасик подошёл. Старик положил ему руку на голову, провёл тёплой ладонью по лицу.

— Ты хороший парень, — сказал старик. — Я давно живу, мне шестьдесят один год, и я вижу людей лучше многих зрячих. Ты просто хотел помочь другу, очень хотел. Но так вышло, что Тёплый мне нужнее, чем ему. Никто тут не виноват. Не казни себя, и вы его не ругайте, пожалуйста.

Старик кивнул в сторону мамы, и они ушли вместе с Тёплым — Лордом. Тот даже не обернулся.

— Ладно, старики-разбойники, — подводя итог вечеру трудного дня, обратился к ребятам Евгений Олегович. — Что сделано, то сделано, обратно фарш не прокрутишь. Надеюсь, этот случай послужит вам уроком на всю оставшуюся жизнь. Не знаю, какие меры примут Елена Дмитриевна и Александр Витальевич, а тебе, Виктор, я сообщаю, что в клубе служебного собаководства через месяц должна была подойти моя очередь на щенка породы колли, такой мой должен был быть тебе сюрприз. Так вот, завтра я очередь свою сниму, потому что вижу, что ты ещё не дорос до ответственности за тех, кого мы приручаем. С другой стороны, я отчётливо понимаю твоё желание иметь собаку и потому обещаю вернуться к этому вопросу ровно через двенадцать месяцев, 29 июня 1988 года. Больше не смею тебя задерживать, скажи гостям «до свидания» и ложись спать.

— И нам пора, — отставила пустую чашку мама. — Попрощайся, Стасик, пойдём домой, папу «порадуем» твоим поступком.

Стасик сказал «спокойной ночи» и поглядел на Витьку. Тот вяло махнул рукой и отправился в свою комнату.

В прихожей мама Вити попросила за Стасика:

— Вы уж не очень с ним строго, он хотел как лучше, Елена Дмитриевна.

— Разберёмся, Ольга Владимировна. До свидания.

На улице мама молчала, а Стасик пытался продавить внутрь комок под горлом, который подступил во время расставания со слепым стариком Германом Егоровичем. У подъезда Игоря мама сказала: «Быстро, пять минут». И села на лавочку с отстранённым выражением лица.

Стасик бегом взлетел на третий этаж, позвонил в пятьдесят седьмую квартиру. Дверь открыл Эдик с сигаретой и серьгой в ухе: «Привет. Игоря спать уже лёг. Сейчас». Игорь вышел на площадку в трусах и накинутой на плечи ветровке, выслушал краткое изложение вечерних событий, сказал: «Ну ты даёшь. Ладно, завтра встречаемся у подъезда в полвосьмого утра. Схожу с вами попрощаться с Лордом».

До дома шли с мамой молча.

Папа выслушал подробный мамин доклад на кухне, почесал бороду и отреагировал словами Игоря:

— Ну ты даёшь, старик, — и уточнил у мамы: — А родители Вити как нашли настоящего владельца этого Лорда?

— Так Евгений Олегович сразу заподозрил неладное, расклеил по району объявление о том, что нашлась собака, ретривер. Вот они и пришли... Господи, стыдно-то как мне было, Саша. Ты представить себе не можешь.

— Могу, почему не могу, — ответил папа, полез в холодильник, достал початую трёхлитровую банку пива, налил в стакан, поинтересовался у мамы: — Будешь?

— Буду, — сказала мама и заплакала.

Стасик тоже хотел заплакать, но у него никак не получалось, хоть тресни.

— Ты же сам всё уже понял, старик? — спросил у Стасика папа. — Ты же больше так не будешь?

Стасик быстро и резко закивал головой — раз пять, наверное, или десять.

— Тогда ладно, проехали. Фронтовик, говоришь, этот старикан был? Подожди, закрепим урок.

Папа сходил в комнату, вернулся с гитарой. У него на всякий жизненный случай всегда находилась песня, Стасик привык. Мама уже не плакала, тихонько пила своё пиво.

Подтянув пару струн, папа задумался, а потом начал медленным перебором:

Над землёй бушуют травы,
облака плывут, как павы,
а одно, вон то, что справа, —
это я, это я, это я,
и мне не надо славы...

Мама прерывисто вздохнула и негромко подхватила — у них всегда хорошо получалось петь вдвоём, Стасик любил их слушать. И лишь когда под гитарной струной возникли строчки:

Эта боль не убывает,
где же ты, вода живая?
Ах, зачем война бывает?
Ах зачем, ах зачем, ах зачем,
зачем нас убивают?.. —

лишь тогда комок в горле у Стасика лопнул и прорвался ручьём самых горьких в его жизни слёз. Он плакал навзрыд у себя на диване, плакал о своей вине, о Витькиной беде, о давней войне, о том, как тяжело и страшно обидел своих родителей. Плакал и не мог остановиться, только сквозь рыдания прорывалось: «Прос...тите ме...ня. Прос...тите...»

Мама тоже плакала и гладила его по голове. Папа поправлял одеяло и говорил: «Не надо, старик. Всё уже прошло, теперь всё будет хорошо. Нынче не получилось, а следующим летом возьмём маму, байдарку и поедем с тобой на речку Холодную, на Урал. Там знаешь, какая вода? Чистая, звонкая, хрустальная: прямо с борта можно кружкой черпать и пить. Хариусов станем ловить, на костре их готовить, на звёзды смотреть, в палатке ночевать. Я тебя грести научу, мы с тобой и порог какой-нибудь пройдем. Знаешь, что такое порог?.. Вал метровый... мы о камень бортом... Петька на берег выплыл... спички мокрые...»

Так Стасик под разговор про речку и заснул. Приснился ему старик Герман Егорович, только молодой, в пилотке, гимнастёрке и с автоматом ПППШ на шее. И Лорд рядом с ним, конечно, — в смысле, Тёплый. А старик вдруг снял свои тёмные очки и посмотрел на Стасика. И глаза у него были весёлые, живые. Не мёртвые.

Глава 2. Шарф

Игорь грёб неумело, но старательно. Стасик удобно уместил ноги поверх рюкзака и подавал начальственные команды с кормы: «Левым табань! Под берегом идём! По струе держи!» Двухместная резиновая лодка рыскала носом

по всей ширине реки, но в общем и целом выдерживала верное направление в кильватере за родительской байдаркой.

Собственно, по такой речке особенно и не разрыскаешься: расстояние между берегами, заросшими тяжёлыми, склонявшимися до водной глади ивами, редко превышало двадцать-тридцать метров, но Стасик, как официальный капитан судна, не мог позволить команде самостоятельно выбирать траекторию движения. «Река несложная, препятствия простые, но вода шуток не понимает. Приказы капитана выполняются быстро и точно, не обсуждаются, не оспариваются. Это главная заповедь водного туризма», — так вчера инструктировал группу Адмирал, он же папа Стасика Александр Витальевич. Команда в лице матроса Игоря Смирнова указания капитана лодки не оспаривала, поскольку имела в туристической иерархии квалификацию первохода-чайника и никак не могла сравниться с уровнем многоопытного водника, прошедшего в прошлом году на байдарке уральскую реку целой второй категории сложности.

В том первом своём походе Стас Кружков научился понимать команды «табань!», «ход!», «чалка слева!», «суши вёсла!» и по его завершении получил заслуженный удар веслом ниже спины, стоя на четвереньках над байдаркой: так с незапамятных времён проводился обряд посвящения в водники у покорителей горных и прочих рек. Посвящал Стасика опытный Адмирал всей многочисленной группы, включавшей и байдарку семейства Кружковых. Говорят, он когда-то ходил на катамаране-двойке далёкую и страшную Оку Саянскую и оттого был в турклубе «Веслоход» личностью заслуженной, если не сказать легендарной. Получить от Адмирала байдарочным веслом по ягодицам считалось делом почётным и перспективным в плане дальнейшего развития воднотуристической личности.

«Куда?! — отвлёкся от воспоминаний Стасик. — Под расчёску тащит! Уходи вправо!» Игорь грамотно добавил ход левым, притабанил правым, сделал несколько гребков, глянул вопросительно. «Хорош, суши», — успокоительно скомандовал капитан. Говоря по правде, от нижнего края «расчёски» — она же наклонившаяся к воде ель с острыми, тянувшимися вниз ветками — до лодки по высоте было никак не меньше двух метров и судно вполне могло пройти под ней без всякого аварийного риска, но, во-первых, «чайникам» в походе расслабляться не положено, а во-вторых, с правого берега смотрел на туристов пастух на лошади в окружении вышедших на водопой коров. Он тоже должен был понимать, что тут люди серьёзным и рискованным делом занимаются, не то что какие-нибудь пляжники с их бадминтоном и волейболом. Стасик, как учили, поднял приветственно руку. Пастух выбросил в воду докуренную папиросу, сплюнул, развернул лошадь и погнал скотину наверх: «Но! Пошли, шалавы!» — Курить будем, когда станем взрослыми? — вспомнил давно назревший вопрос Стасик.

— Наверное, — пожал плечами Игорян. — Все курят.

Стасик хотел уточнить, что его мама не курит, но заметил, что байдарка родителей даёт отмашку веслом к песчаной косе левого берега. «Чалка влево!» — грозно взревел капитан, и салага-матрос хлопотливо заработал вёслами резиновой лодки, выделенной Игорю родителями для приобщения к водному туризму под руководством опытного семейства Кружковых.

На привальном песке отец Стасика устроил ребятам зачёт по разжиганию костра в походных условиях. Игорь сумел развести огонь с пятой спички, за что

получил отметку «хорошо» в журнале наблюдений за юным водником, который то ли в шутку, то ли всерьёз вёл Стасиков папа, обещая представить наблюдения родителям Игорька по возвращении из четырёхдневного «каботажного плавания». Почему дядя Саша так назвал их поход, Игорь толком не уяснил, но раздувал костёр старательно, сняв с шеи мохеровый шарф, чтобы его концы не опалил огонь. За что тут же получил замечание от тёти Лены: «Ветрено сегодня, Игорь, надень обратно». Мама Стасика отвернулась повесить над костром котелок с водой для чая, а разгорячённый Прометей местного разлива убрал от греха подальше надоевший шарф назад за бревно, на котором сидели участники похода в ожидании обеда.

Подкрепившись двумя банками сардин в масле и пряниками с горячим чаем, туристы собрались продолжать водное путешествие по рекам родного края. «Мы тут с мамой посуду помоем и продуктовую сумку пока увяжем, а вам разрешаю выдвинуться вперёд первым судном, — допустил заслуженную относительную автономность лодке юных водников Адмирал. — Далеко сегодня не пойдём, где-нибудь через час начинайте присматривать место для ночной стоянки. Такой будет для вас очередной экзамен. На воде поаккуратнее. Справитесь?» Чего тут справляться-то? Ребята подорвались наперегонки по песку к своей резиновой посудине, которая, понятно, не заслуженная туристическая байдарка «Таймень-3», но какая-никакая, а отдельная самостоятельная единица водного похода первой категории сложности. Облечённый поощрительным доверием капитан сам сел за вёсла и уверенно вывел лодку на центральную струю. «Оторвёмся от них подальше, да?» — угадал настроение старшего по судну Игорь. Стасик только кивнул и налёг на ходовую греблю: чайникам не понять, что быстроходная байдарка при желании сделает рыбацкую резинку на раз-два, но пока есть фора, можно уйти хотя бы за поворот, чтобы ощутить себя вполне самостоятельными путешественниками. Цель была благородная, и ребята усиленно гребли, сменяя друг друга и надеясь, что «взрослая» байдарка так и останется вне пределов видимости хотя бы несколько излучин реки.

А речка была прекрасна свежим ветром, гнавшим рябь по воде, соснами, украшавшими высокие глиняные крутояры, быстрыми облаками на синем небе — в общем, той самой свободой, недоступной жителям асфальтовых городов, бездарно проводящих каникулы в детских тайных штабах и дворовых футбольных баталиях.

— Передохнём? — спросил запыхавшийся Игорь.

Стасик хотел было строго, по-капитански отклонить просьбу низших чинов, но вспомнил, что сейчас его очередь братья за поднадоевшие вёсла, и согласился: — Давай, тем более что, похоже, час уже прошёл, нужно стоянку искать. Байдарки за кормой не наблюдалось, и ребята отдались на волю течения, слегка поправляя лодку при прохождении редких препятствий в виде торчавших посередине реки наклонных голых стволов затопленных деревьев и слабых прижимов к крутым берегам на поворотах главной струи. За очередным таким поворотом на противоположном берегу показалась набитая тропинка, ведущая вверх, к сосновому бору. Капитан дал команду править в направлении перспективного места стоянки. Берег здесь был ровный, удобный для чалки, лодка ткнулась в него мягко и тоже, казалось, устало.

— Рванули наперегонки! — заторопился наверх выпрыгнувший вслед за Стасиком из лодки Игорь.

— Куда? Стоять! — осадил нетерпеливого матроса многоопытный капитан. — А судно кто привязывать будет?

— Точно, забыл, — смешно хлопнул себя по лбу Игорёк и начал разматывать в направлении ближайшего дерева мокрую, жёлтую от натасканной сапогами речной глины верёвку со дна лодки.

А наверху было хорошо: на утоптанной площадке стоял врытый древними поколениями туристов стол с лавками, рядом размещался выложенный круговыми камнями очаг под удобной поперечиной, привязанной намертво к деревянным стоякам. На поперечине висели длинные крючки, на которые удобно подвешивать котелки с походным варевом. Землю выстилал ровный рыжий ковёр хвои.

— Ого, — оценил окружающее благолепие Игорь. — Удачно как ты место выбрал.

— Да уж, — скромно согласился Стасик. — Тут всяко лучше, чем как прошлой ночью на песке, который наутро хоть из ушей вытряхивай. Ладно, пошли за рюкзаками, надеюсь, Адмирал одобрит.

Они подняли на стоянку свои рюкзаки, спустились подтянуть повыше на берег пустую лодку, когда к ребятам наконец причалила родительская байдарка.

— Ловите ужин, — просиял довольной улыбкой папа Стасика и выбросил ребятам одну за другой двух щук, попросил Игоря: — Спиннинг прими.

Одна рыбина ещё была хвостом, пацаны опасно-уважительно ухватили щук неумело, но крепко.

— Вот это да, — сказал Игорь, взвешивая на руках щуку. — Килограмма три, да, дядя Саша?

— Ну, два точно, — поскромничал Александр Витальевич. — Вторая поменьше, уже на подходе к вам вытащил, за поворотом. Ладно, носи рыбу наверх, Игорь. Стасик, держи гитару.

Навстречу молодёжи уже спускалась Стасикова мама, потрепала их по головам: «Отличное место выбрали, ребята. Очередная пятёрка в журнале наблюдений». Большую синюю с оранжевым польскую палатку Адмирал поставил быстро. Пацаны легко натаскали целую кучу сосновых сучьев для костра. Солнце стояло высоко и не думало опускаться за реку. Впереди ждал долгий отдыхательный вечер со вкусным ужином и песнями под гитару у костра. Но отдых в походе — дело не то чтобы относительное, но то, которое надо заслужить. То есть краткое и редкое.

— Чистить рыбу, марш-марш, — придумал новую задачу ребятам неугомонный руководитель похода. — С итоговой оценкой многоуважаемой Елены Дмитриевны.

Мама Стасика церемонно поклонилась Адмиралу и с улыбкой посмотрела на юных водников. Те, вздохнув, потянулись со щуками на берег. Мама покачала головой, собрала со стола туристические ножи, две миски и пошла вслед за ребятами.

Рыбу чистить оказалось занятием не сказать чтобы очень весёлым и быстрым. Зато поднявшись обратно к походному столу, мама сообщила папе:

«Справились на отлично». Папа кивнул, он подстраивал гитару.

— Жареная щука сегодня на ужин, — сообщил, как церемониймейстер на королевской трапезе. — Кто не едал, тот жизни не видал. Но чуть позже, вечер только начинается. Час на личное время.

— Мы тогда на рыбалку, пап, сами? — спросил Стасик. — Я спиннинг возьму?

— Шагайте, — согласился папа. — Там чуть выше по течению перспективный залив с травкой. Рекомендую.

— Я останусь, — вдруг отказался Игорь, припомнив, что рыбалка в исполнении товарища выглядит большей частью скучным распутыванием «бороды» из лески, возникающей при каждом втором забросе блесны. — Всё равно не умею, лучше у костра посижу.

Мама Стасика насторожилась:

— Ты не простыл? — приложила тыльной стороной ладонь к его лбу. — А шарф где?

Игорёк растерянно обернулся, будто надеялся увидеть мохеровое изделие на стояночной площадке. Вздохнул:

— Оставил на берегу, где чай на обеде пили.

— Ну как же так, — всплеснула руками мама. — Вон ветер какой холодный сегодня. Подожди, у меня запасной есть.

Встала, пошла в палатку: рюкзаки туристов были составлены там в тамбуре.

Игорь подтолкнул Стасика к реке:

— Спасибо, тётя Лена, я потом его возьму, когда назад вернусь. Стаса схожу проводить до берега.

У реки Игорь неосознанно погладил рукой голую шею. Стасик заметил жест:

— Жалко шарф?

— Да надоел он мне. Мама хочет, чтобы я всегда в нём ходил, её бы воля — и в тридцатиградусную жару бы им шею укутывал.

— Зачем?

— Не зачем, а почему, — Игорь помолчал, снял очки, подышал на стёкла, протёр подолом свитера. — Эдькин шарф-то.

— Ох ты, — понял Стасик. — Дела.

— Видеть этот шарф уже не могу, и отказаться сил нет. Я его сюда-то взял только потому, что она хотела, чтобы я ещё и в берете Эдькином ехал. Ну, в том, что привезли. От берета напрочь отбоярился, пришлось хоть шарф надеть, а то бы она три часа плакала.

— Да, понимаю.

Сидели на стволе прибрежного топляка, молчали. Эдика, брата Игоря, забрали в Афганистан в самом конце войны. Цинковый гроб привезли уже в разгаре вывода войск: десантный майор приехал и сержант ещё. Стасик с Витькой пришли с похорон к Игорю домой, слушали, как майор за поминальным столом строго говорил верные и справедливые слова: про службу Эдьки, про интернациональный долг и про вечную славу героям. Отец Эдика, сам бывший старший прапорщик, кивал головой, соглашался. Мать просто сидела как каменная, неясно, слышала ли. Потом Игорь шепнул друзьям: «Надоело». Кивнул в сторону коридора, вышли на лестничную площадку. Там курил сержант-десантник, выпивший уже изрядно.

— Что, пацаны, интересно майор говорит? — зло затаился. — Только враньё это. Он и не знал парня вашего: замполит, ему врать по службе положено. Да и я толком не знал — он из молодых, только приехал, я его раз пять на построении видел мельком, и всё. Он в другой роте был, а мне за доставку «груза двести» дембель пораньше комбат оформил. А в последний момент к борту и замполит этот подтянулся: ему всё лучше в Союз слетать, чем снег месить на Саланге, колонны вывода прикрывая. Так что не верьте вы, не надо.

— И что, никто не знает, как на самом деле всё вышло? — голос Игоря тонко звенел. — Вообще никто?

— Почему, мне в общих чертах пацаны из его роты рассказали. Я же понимаю родительское горе, все мы там на его месте могли оказаться, к любому кто-то должен был вот так гроб привезти. Только отказываются почти все — дурная примета считается, так вот в Союзе побывать. Но говорят, есть и другие, которые раза по три с оказией на побывку съездили домой, и ничего с ними потом не случилось. Но сам таких не видел, только слухи ходят. А мне-то теперь уже всё равно: завтра билет на поезд и домой. Хватит, отстрелялся. — Так с Эдиком-то что там случилось? — вернул сержанта в текущую реальность Витька.

— А, с этим. Да ничего особенного. Вышли колонной из трёх БМД на Кабул из Баграма. По дороге там есть такой кишлак Мирбачикот, известное змеиное гнездо, его все на самой высокой скорости проскакивают. И тут у них какая-то поломка у головной бээмдухи случилась, встали все как на витрине, мехводы побежали совет держать к первой машине, десант на землю прыгнул, а он же наводчиком был по штату, им обычная команда «по-боевому!». Ну вот только ствол БМД успел в сторону кишлака развернуть, как по его машине и прилетело. Он один там погиб. Ещё один лёгкий «трёхсотый» был, кажется. Самая обычная история. Это если по правде... Говно эта война, пацаны, вот что я вам скажу. Никому не верьте, если будут звать воевать не пойми за что. Хорошо, что кончилась наконец.

Тут вышел отец Игоря, позвал: «Пошли за стол, мы вас там потеряли». Сержант с Игорем вернулись в квартиру, а Стасик с Витькой отправились по домам. И голубой Эдькин берет теперь всегда у них дома на комод лежат, рядом с его фотографией в рамке. Вот и всё.

«Игорь, ты где? — раздался над рекой голос мамы Стасика. — Поднимайся, я тебе шарф нашла!» Игорёк сморщился, сказал капитану: «Ох уж мне эти шарфы». И побрёл наверх, обернулся: «Щук только больше не лови. Нам же их опять чистить».

Стасик сделал целых пять удачных забросов и лишь на шестом не успел вовремя остановить полёт блесны. Леска традиционно запуталась вокруг старинной инерционной «невской» катушки. Отец обращался с ней ловко и обещал купить Стасу персональный спиннинг с персональной же новейшей безынерционкой, которая самостоятельно не допускает «борода» снасти, но выполнит он своё обещание лишь тогда, когда начинающий спиннингист научится успешно пользоваться его древним рыболовным атрибутом. В целом дело шло к тому, что к концу похода можно будет успешно сдать экзамен по спиннингу, но навык нарабатывался непросто.

Распутывая леску, Стасик постоянно возвращался мыслями к тётке Варе, маме Игоря. Как она прошлой зимой была вся остановившаяся, как будто замёрзшая на поминках по Эдику, как потом дома мимоходом проводила рукой по фотографии на комод, как провожала в этот поход Игоря, тревожно спрашивая у Стасиковых родителей: «Всё же в порядке будет, правда?» И поправляла шарф на шее сына, который тот благополучно потерял во время недавнего привала на берегу реки. На этом же самом, левом.

На этом же левом, да. И недалеко: сколько мы потом проплыли, километров пять, наверное? Человек идёт со средней скоростью пять километров в час, время сейчас — папа сказал, когда отложил готовку ужина, — шесть вечера, ну пусть половина седьмого. Если быстро сбегать туда-обратно, то никто и не заметит. Нет, заметят, конечно, отругают вечером, но победителей не судят. А

шарф потом пусть Игорян хоть в самую глубину своего рюкзака засунет, лишь бы тёте Варе его назад привёз. Потому что потому. Потому что так надо. Стасик прислонил спиннинг с нераспутанной «бородой» к лежащему рядом на песке большому топляку и скорым шагом отправился вдоль берега вверх по реке. Метров через сто топкий песок уткнулся в крутояр, и отважный капитан, продираясь сквозь прибрежный кустарник, поднялся наверх. Слабая тропинка вела по белому мшанику среди сосен уверенно и просто, ветер гнал по небу весёлые облака, и от полноты хороших чувств и предчувствий Стасик запел из мультика: «Мимо белого яблока луны, мимо красного яблока заката...» Песня закончилась вместе с тропинкой, потерявшейся на спуске к заросшей кустами смородины ложбине, тянувшейся к реке. Ручей, пробивавшийся там сквозь мокрые камни и поваленные деревья, оказался широким и глубоким, форсировать его по скользким стволам Стасик не решился, сообразив, что если подняться по ручью вверх, то там он наверняка окажется мельче и доступнее для переправы на другой берег. Но ложбина тянулась и тянулась, прибрежный сосняк сменился тёмным густым ельником, а выход на противоположную сторону всё не находился.

Наконец, после четвёртого или пятого спуска к ручью спасатель Игорев шарфа сумел перебраться через обмелевшее водное препятствие и поднялся в берёзовую рощу, за которой виднелось понижение в сторону реки. Облака на небе окрасились в розовый цвет, но Стасик ощущал, что конечная цель экспедиции уже близка, и, чтобы срезать угол, пошёл к речке не обратно вдоль ложбины, а по низменному травяному лугу.

Троп здесь не было, идти приходилось по высокой траве, обходя многочисленные кочки. Под ногами начала хлюпать грязная болотная вода, вокруг поднялись заросли камыша, но Стасик упорно, хоть и медленно, продвигался вперёд, уверенный в правильности выбранного направления и скором благополучном выходе к месту обеденной стоянки. Мысли о суровом разговоре с родителями по возвращении в лагерь отгонялись отдельным напряжением силы воли.

Неожиданно камыш поредел и сквозь него проглянула водная гладь. С трудом преодолев ещё с десятков кочек, Стас понял, что впереди озеро. Над головой свистели стаи уток, потянувшихся на вечернюю кормёжку.

Когда Стасик выбрался обратно из камышей, на небе уже висела ранняя вечерняя луна, вполне бледная на фоне последних лучей закатного солнца. Стало окончательно ясно, что шарф спасти сегодня уже точно не удастся и нужно постараться вернуться под справедливый удар родительского гнева до наступления финальной темноты стремительно гаснущего дня. Вода под ногами продолжала предательски хлюпать, когда вместо знакомого березняка впереди возникла стена темнохвойного леса. Стасик ещё надеялся, что где-то там в глубине он найдёт тот самый ручей, который вернёт его обратно к реке, но надежда таяла со скоростью появления между верхушек елей и лиственниц ночных звёзд.

Наконец некогда отважный капитан позволил себе признаться, что самостоятельная ночёвка в лесу неизбежна. Сразу нахлынула подспудно отгоняемая всю дорогу паника, включавшая в себя страх родительского гнева, непременных окрестных волков и ещё каких-нибудь инопланетян, которым где ещё и быть-то, если не в дремучих лесах местного значения. Прошла она лишь тогда, когда у комля вывороченного дерева запылал костёр, разожжённый Стасиком с третьей спички из коробка, вынутого из завязанного спущенного

воздушного шарика, вручённого перед походом в качестве крайнего спасательного средства каждому члену группы лично руководителем похода. Шарик с неприкосновенным запасом спичек всегда должен был висеть на шнурке и, соответственно, на шее любого туриста — так настоятельно обязывал всех папа. Вот, пригодился, — Адмирал мог бы быть доволен при каких-нибудь других, не столь печальных обстоятельствах. Стасик натаскал в свете костра несколько охапок травы для обустройства лежанки, вытянул вдоль горящих дров гудящие от усталости ноги, чуть поплакал от обиды и голода и неожиданно быстро и крепко уснул.

Поздним вечером четвёртого дня одиночного блуждания по лесу Стасик случайным чудом вышел на давно потерянную реку. Понять, в какой стороне должен быть покинутый им когда-то очень давно лагерь, было решительно невозможно. Желудок настойчиво требовал хоть какого-нибудь полезного наполнения, вниз по течению виднелись заросли красной смородины, и ноги сами понесли Стасика туда. Ну как понесли — медленно побрели, если точнее. Пока Стас собирал пригоршнями ягоды и отправлял их в организм, в стороне низко пролетел вертолёт. Организм проводил его равнодушным взглядом: за последнюю пару дней вертолёты пролетали над лесом несколько раз — ни одна попытка привлечь их внимание дикими криками, прыжками и размахиванием снятым свитером успеха не имела. Заросли смородины закончились песчаным берегом, где за поворотом открылось ровно то потерянное место очень давнего обеда — с сардинами и пряниками. Вот и кострище, и обеденное бревно, а за ним и тот самый мохеровый шарф невнятной расцветки, из-за которого всё и случилось. Стасик подобрал шарф, поднялся вверх по берегу от холодного по ночам песка к речной террасе под ивами, разжёг яркий костёр из топляка, который — он уже знал — быстро прогорит, лёг спиной к огню, положил под голову тёплый шарф и провалился в сон, которым нужно успеть воспользоваться, пока ночная промозглая прохлада не вынудит встать в поисках новых дров.

— Ты живой ли, слышь? — Стасика тормошила за плечо жёсткая ладонь. — Эй, парень!

— Живой, — ответил Стасик, не открывая глаз, и повернулся на другой бок.

— Нашёлся, потеряшка, — хохотнул хриплый голос. — Ну всё, вставай, поехали.

Напротив Стасика сидел на корточках мужчина с папиросой в углу рта и в телогрейке. От прогоревшего костерка поднимался белый дымок.

— Мне к маме с папой нужно, дядя, — сказал Стасик и заплакал, второй раз за дни потерянного одиночества.

— Будет тебе папа, будет тебе мама, будет тебе и по жопе на орехи, — туманно успокоил дяденька, снял с себя телогрейку, надел её на мальчика. Потом залез в карман, достал оттуда завёрнутый в тряпичный лоскут бутерброд с ливерной колбасой, протянул Стасику. — На, ешь. И пошли.

Он подвёл городского найдёныша к стоящей рядом лошади, взял под мышки и с размаху усадил Стасика к ней на спину, сказал: «Держись, не сверзись». Сам поднялся в седло, прижал спину мальчика к себе, обняв его левой рукой.

Правой тронул поводья и распорядился: «Пошла, шалава! Но!» И лошадь повезла седоков прочь от последнего Стасикова лесного приюта, где у костра остался лежать вновь забытый мохеровый шарф.

Потом всё немножко перепуталось: большой тёплый дом с полированными столами и выцветшими вымпелами «За победу в социалистическом соревновании» на стенах, весёлые люди в ярких комбинезонах и с большими фонариками, рассказывающий им историю счастливого нахождения дядя Паша в телогрейке, горячий сладкий чай, откуда-то прибежавшая плачущая мама, стиснувшая Стасика так, что рёбра захрустели, отодвинувшая её тётя с прозрачным пакетом в руках, сказавшая: «А вот сейчас мы ему глюкозу поставим, и будет как новенький», поездка в санитарной машине через всю деревню. И только уже лёжа укутанный в два одеяла в салоне летящего вертолётa, герой-одиночка спросил у держащей его за руку мамы:

— А где папа?

— В городе, по делу, — невесело ответила мама и снова заплакала.

Скукотень второго больничного дня развеял заглянувший после обеда Игорёк. Сунул в руки Стасику пакет с мандаринами, сказал:

— Вот, мама тебе передала.

Оглядел пустые койки, спросил:

— А где все?

— Внизу: время посещений, с роднёй общаются, передачи принимают. А мне сказали, что нельзя, постельный режим.

— Витёк вчера заходил, привет тебе передавал. Он бы и сам со мной пришёл, но они сегодня на море уехали, в Крым.

— Ладно. Давай по мандаринке?

— Давай.

Стасик первый раз попал в больницу и не очень себе представлял, как здесь положено вести себя с посетителями. Нужно ли показывать им, как тебе тяжело болеется, или же, наоборот, всячески бодриться и рассказывать, что всё у тебя хорошо. Так и не придумал, потому спросил нейтральное:

— Сильно вы там психовали? Ну, в первый день?

— В ночь. А сам-то ты как думаешь? Ну и вот. Следы твои изучали на песке, пока светло было, — поняли, что не утонул, а пошёл куда-то. Орала всю ночь, тебя звали. Утром дядя Саша карту поизучал, отправил нас с тётей Леной на байдарке за помощью. Там деревня Лиховка вниз по течению километрах в десяти была. Или село, большая. Там твоя мама сразу в сельсовет пошла, позвонила в город спасателям. Ну и местные засобирались на поиски, когда я с берега уже поднялся с лодкой. В три ходки вещи таскал. Вечером за мной папа приехал, да и твой к тому времени с деревенскими из леса вернулся. Три спасательных «уазика» встретились на дороге, когда мы в город уже отправились. А дальше я не знаю. Но ты козёл, конечно.

Стасик вздохнул: «козёл» — это справедливо, ласково даже, можно сказать. Не поспоришь. Вспомнил:

— Тётя Варя сильно за шарф ругала?

— Вообще не ругала. «Да провались он, этот шарф, — сказала. — Хорошо, что так всё закончилось». Больше себя ругала, что мне его навязала в поход. Так что всё нормально. Зря ты это там затеял.

— Сам понимаю, что зря. Кто ж знал.

Тут в палату буквально влетела мама Стасика в накинутом на плечи белом халате:

— Здравствуй, Игорь. Ты извини, мы сейчас к папе пойдём. Вставай, Стасик, одевайся быстренько. Нам на полчаса разрешили. А ты домой, марш-марш.

— Здравствуйте, тётя Лена, — вежливо встал Игорёк. — Я и так уже собирался. Привет дяде Саше и выздоровления быстрого.

Ободряюще махнул другу рукой и скрылся за дверями больничной палаты. Стасик натягивал штаны, не очень понимая, куда они сейчас, почему быстро и как это возможно, если у него постельный режим.

— Я договорилась, — успокоила мама. — Готов? Всё, пошли. Нам в другой корпус.

Они спустились по лестнице на первый этаж, потом по ещё одной прошли в подвальный коридор, вдоль стен которого стояли ряды больничных каталок, вышли к лифту с широкими металлическими дверями. Через какое-то время двери открылись, большая круглая бабушка задвинула за ними железную решётку, спросила: «Куда?» Мама ответила: «В кардиологию». Лифтёрша ткнула в кнопку с цифрой «6», и вскоре они вышли в широкий вестибюль, свернули в коридор, над которым горела надпись «Кардиологическое отделение». «Мы в двенадцатую палату, Валентин Степанович разрешил», — торопливо сообщила мама сидящей на посту медсестре, и они прошли к двери с табличкой «Палата интенсивной терапии». За дверью оказалась светлая комната с двумя высокими кроватями с рычажками и кнопками. Одна была аккуратно заправлена, а на другой полулежал-полусидел папа в прозрачной пластиковой маске, закрывающей рот и нос. Увидел их, обрадовался, снял маску:

— Здравствуй, Стасик. И ничего, и не такой уж он сильно худой, как ты говорила. Нормальный. Ну, проходите, проходите, садитесь прямо на кровать. К руке папы тянулась трубка от такого же пластикового пакета с жидкостью, из какого капал лечебный раствор в вену Стасику в вертолёте.

— Глюкоза? — спросил он понимающим сочувственным тоном.

— Наверное, не знаю, — беспечно отмахнулся папа. — Ну, рассказывай, как ты умудрился в том лесу заблудиться. За шарфом Игоря пошёл, мы правильно догадались?

Стасик пожал плечами: «Ну вот так, сам не знаю как». И кивнул, вздохнув: «Ага, за шарфом». Мама вмешалась:

— Потом он тебе всё расскажет. Нам буквально десять минут заотделением позволил с тобой тут. Лучше скажи, оперировать собираются? Может, мне всё-таки позвонить Арону Моисеевичу?

— Не будут, звонить не надо, — с нажимом ответил папа. — Подожди, мы хоть в общих чертах. Костры разводил, спички в НЗ пригодились? Я, знаешь, готов был молиться там, чтобы дождь не полил. Повезло, что тёплая погода установилась. Страшно было? Сильно голодал? Грибы правильные собирал?

— Там ручей такой глубокий был, — начал было Стасик долгий рассказ, но в двери показался строгий доктор, показал маме на циферблат наручных часов, покачал головой: «Без лишних эмоций, я же предупреждал».

— Мы сейчас, мы всё уже, — успокаивающе заторопилась мама. Доктор ушёл. — Ладно, дома наговоритесь. Посмотрели друг на друга — и будьте довольны. Один другого краше.

— А ты почему здесь? — решил наконец прояснить непонятное Стасик.

— Ты не сказала? — поглядел на маму папа, та покачала головой. — Сердце прихватило, брат, на третью ночь поисков. Инфаркт, говорят, был. Но сам видишь, уже как новенький тут лежу, кислородом вот балуюсь. Хочешь подышать?

Папа протянул Стасику пластиковую маску, но в палату вновь вернулся суровый доктор, строго-вопросительно посмотрел на маму.

— Уходим, уходим, — поднялась мама, взяла Стасика за руку.
— Всё будет отлично, старик, — пообещал им в спину папа. — Мы на следующий год в «троечку» с тобой пойдём. Есть у меня на примете хорошая речка.

Мама резко остановилась в дверях, обернулась:

— Никаких больше вам ни «двоечек», ни «троечек»! А байдарку эту несчастную продадим. И дачу купим, там развлекаться будете, как все нормальные люди.

Доктор кивнул, показал маме большой палец и отмахнул им кистью руки: кыш, мол, кыш отсюда. И они ушли.

Стасика выписали из больницы через два дня, папу через две недели. А к осени родители купили дачу, как мама и грозилась.

Глава 3. Пиво

«Жигулёвское» с малиной придумал Игорь. Он принёс в беседку пол-ковша спелых крупных ягод, бросал их в кружку с пивом, пил и нахваливал своё гастрономическое изобретение, не подозревая, что бельгийские пивовары догадались использовать в слабоалкогольном пенном напитке фруктово-ягодные аттрактанты ещё в прошлом веке, если не раньше. В десятом классе этого не проходили, а что будет в следующем, одиннадцатом, — бог весть, не для того же они собрались на Стасиковой даче, чтобы вспоминать на последних летних каникулах школу или, как ожидается теперь по новому распоряжению, гимназию.

Стасик с Витей тоже сыпанули себе в пиво малины, качественного улучшения вкуса не заметили, но так было интереснее, можно осенью в классе похвастаться — да хоть той же Вике Стрельцовой, которую сюда с ними родители не отпустили. Витька вон до сих пор расстроенный сидит, хмуро болтает веточкой в кружке красные ягоды.

— Завязывай, Витёк, — похоже, Игорян тоже уловил причину расстроенных чувств приятеля. — В следующий раз поедет. Ничего, бывает.

Витька дёрнул плечом, отмолчался.

— Да и так хорошо, — решил сменить тему Стасик. — Пошли, картошки копнём, ночью в костре запекать.

С двух кустов набрали дюжину мелких, ещё не набравших веса летних клубней в тонкой светлой кожуре. Отнесли к кострищу, которое родители Стаса обложили вокруг камнями в память о туристической пожарной безопасности. Из тех же соображений Стасик набрал из колодца ведро воды, поставил рядом.

Игорь с Витей доставили от поленницы две охапки берёзовых дров. Вечер только начал удлинять тени от окружающих дачных крыш садового товарищества «Энергетик-3», костёр разводить было рано, и подростки вернулись в беседку. Открыли не успевшую нагреться новую полторашку, налили по кружке свежего пива, малину уже добавлять не стали.

— Может, сигарет сходим купим? — зачем-то предложил Игорь. — Всё равно делать нечего.

— Да ну их, — отверг предложение Стасик. — До ларька три остановки идти. Ты как, Витёк?

Витёк пожал плечами, неопределённо мотнул головой. Ларёк с пивом и сигаретами находился на привокзальной площади посёлка Клёпово, плотно

окружённого большим дачным массивом, который так и назывался у горожан — «Клёповские дачи». По ним летом ходил из города круговым маршрутом автобус 132-го номера, но можно было доехать на электричке, как и сделали приятели, закупившись по ходу в Клёпово «жигулёвским» и вяленой рыбой. Пока несли девять литров до участка, намаялись. Курить они пробовали первый раз на даче ещё прошлым летом, но никто не втянулся, не понравилось, так что поход в посёлок никому не показался увлекательным делом. Да и пиво расслабляло, уже хотелось болтать под тенистой крышей о всяком важном, а не тащиться не пойми куда и не пойми зачем.

— В ларьках пиво новое чешское появилось, видели? — повернул тему другим боком Игорьь.

— Вкусное? — поинтересовался Стасик.

— Нормальное, не в этом дело, — подкрутил интригу Игорёк.

— А в чём тогда?

— В этикетке. Там такой значок специальный, если его стереть монеткой, то под ним фото девки без ничего.

— В смысле, без ничего? — заинтересовался и Витёк.

— В том самом. Голая. Вообще.

— Да ладно?

— Точно вам говорю, сам видел.

— Так может и правда тогда в Клёпово? — воодушевился Стас. — Как пиво называется?

— Забыл. Но там такого не было, я специально посмотрел, когда «жигулёвское» покупали.

— Ладно тогда. В городе найдём, покажешь. Дорогое?

— Что-то около сотни.

— Блин, кусается, — расстроился Стасик.

— Да ладно тебе, — не согласился Витька, которому легко не соглашаться, у него отец зампреда комиссии по приватизации. — Оно вчера, может, пятьдесят стоило, а завтра в город вернёмся — уже сто пятьдесят. Цены смотри как скачут, тут вообще ничего не поймёшь с этой инфляцией. Мне дома на карманные расходы уже по сто рублей выдавать стали. Наберём на такую экзотику. И как они там на этикетках? Ну, вот здесь.

Витёк показал круговыми движениями ладоней, где здесь.

— Как в «Эммануэль», — подтвердил Игорьь. — Или даже как у Стрельцовой.

— Ты прямо видел, как там у Стрельцовой, — опять скислился Витёк.

— Никто не видел, — согласился знаток новейших пивных этикеток. — Но и так заметно, красоту не спрячешь. Вы поругались с ней опять, что ли?

Витя почесал свою светлую лохматую шевелюру и разлил по кружкам остатки из полторашки. Четыре пустые пластиковые бутылки с родной этикеткой «жигулевского» без всяких новомодных просветительских технологий уже стояли под столом. Кивнул и рассказал невыносимо грустное.

Похоже, Вика его всё-таки не любит, хоть они и дружат с четвёртого класса, а знакомы так вообще с детского сада. И то, что поцеловались два раза — на Новый год и в апреле, — совсем ничего для неё не значит. Витёк предложил ей сходить в ночной клуб «Шекспир», открывшийся недавно на Набережной и быстро ставший культовым танцевальным местом взамен вчерашних дискотек, но Вика сказала, что он ещё маленький и её с ним туда не пустят. Ну да, он ниже Вики на полголовы, но все же знают, что процесс полового созревания быстрее происходит у особей женского пола, чем у мужского, и что через год

Витька вырастет со Стаса или даже с Игоря. Это же не повод отказывать ему в нетактичной форме. Но он тогда смиренно принял нанесённое оскорбление, потому что знал, что Вика не со зла, а просто по обычной взбалмошности своего характера. Потому что верил, что всё равно у них в итоге всё будет хорошо: через пару лет поженятся, проживут вместе долгую счастливую жизнь и когда-нибудь потом умрут в один день. Но когда вчера встретил её в Нижнем гастрономе и предложил поехать на дачу Стасика, Вика сказала, что сейчас она купит молоко и потом им нужно будет серьёзно поговорить. Витя подождал её на скамейке в соседнем парке, понимая, что ничего хорошего из этого разговора не выйдет, даже уйти хотел, но сообразил, что это трусость и лучше горькая правда, чем сладкая ложь. И Вика пришла, села рядом, молчала, а потом сказала, что он очень хороший и что она его знает тысячу лет, но именно сейчас им необходимо взять паузу в отношениях. Потому что она ему благодарна за всё минувшее, но они уже не дети и должны быть ответственны за свои решения, которые вовсе не обязаны определять их дальнейшую жизнь — не факт, что вместе, а не по отдельности. И даже скорее по отдельности, чем вместе. И потому пусть он не обижается, а пока отойдёт в сторону и подождёт, потому что Вике тоже сейчас непросто и у неё тоже есть свои причины для глубоких душевных волнений. И ещё кое-что сказала, но про это он говорить не станет, потому что дал Вике честное слово. Вот так, вот и вся любовь.

— И на дачу она сама не захотела, а никакие не родители её не пустили, — подвёл черту грубый, но сметливый Игорь Смирнов.

Витька кивнул.

— Да это она так, минутное настроение, — высказал осторожный оптимизм Стасик. — Она же не отказалась от тебя, просто предложила подождать немного. А может, это «немного» уже сегодня закончилось? Или завтра.

— Не закончилось и не закончится, — упрямо мотнул головой Витя. — Тебе не понять, ты тупой в этом направлении. Но тебя это не портит. Ладно, где у нас ещё пиво?

Стасик сходил до колодца, поднял ведро, в котором охлаждались последние три литра «жигулёвского».

Потом они спорили, кто талантливее: Титов или Черенков, строили планы на рыбалку, разбирались, какой вуз лучше (Игорь собирался в медицинский, Витёк в военное училище, а Стасик никуда не собирался, потому что вообще об этом не думал). Затем вспомнили про идею запечь картошку, пошли к костровищу уже не вполне трезвыми ногами. И пока Игорян путано возился с берестой и спичками, Витька неожиданно признался сидящему рядом на лавке Стасу:

— Завидую я тебе.

— С хрена ли? — удивился Стасик.

— А ты ничего никогда вокруг себя не замечаешь. И не любишь никого.

— Как это не люблю? Родителей люблю. Вас вот, дураков.

— Ладно, неважно.

— Чего это, неважно? Начал, так договаривай.

— Да ничего я не начинал. Просто болит вот тут и всё время хочется о ней говорить.

— О Стрельцовой?

Витька молча смотрел, как из-за спины Игоря поднимается дымок загорающегося костра. На небе проявлялись первые бледные звёзды. Наконец вздохнул:

— Ничего не могу с собой поделывать. Знаешь, какая тоска сейчас? Ничего ты не знаешь.

Игорь поднялся от костра, с гордостью сообщил:

— Всё, готово. Где тут у вас картошка?

— Рано картошку, сгорит, её в золе запекать нужно, — напомнил Стасик. — Я скоро.

И пошёл к дверной калитке, оставив за спиной дачу, костёр, друзей и это, как его, счастливое детство.

Маленький дощатый вокзал пригородной станции Клёпово тускло освещался одиноким фонарём на столбе, столь же одиноким и печальным, как сегодняшняя Витька. Не менее грустно выглядел и телефон-автомат у входа. И вообще, всё вокруг напоминало о грубом несовершенстве этого странного мира, который был создан, как подсказывало сегодняшнее Стасиково сознание, для добра и радости. И любви, конечно. Что же это за жизнь такая без любви? Подите и спросите о ней у Витьки. Подите и спросите. Плохая это жизнь, невыносимая. Уж он-то знает.

Монетка провалилась в щель автомата вместе с появлением в трубке женского голоса.

— Здравствуйте, тётя Света, — сказал в трубку Стасик. — Вику пригласите, пожалуйста... Нет, не из дома. Я на даче, завтра домой вернусь... Есть два лишних билета в драмтеатр на «Современник», в воскресенье?.. Хорошо, обязательно маме передам. И привет передам, спасибо... Вика, привет... Да отлично мы здесь. Пива набрали, картошку в костре запекаем... Чего завидовать, ехать надо было, звали же... Как кто? Витёк тебя звал. А мне-то чего звать, если он уже... Ну, нормально. Нормальный голос, мы и взяли-то по две полторашки «жигулёвского» на каждого. А Игорь рассказал, что сейчас пиво появилось чешское в бутылках, с такой, знаешь, этикеткой. Ладно, это неважно... Что тогда мне важно?.. Нет, и тебя услышать тоже хотел, но тут, знаешь, Отчалов, он... Как, говоришь, называется, «Основной инстинкт»? Нет, не видел. Ладно, посмотрим... Я про Витьку Отчалова с тобой хотел... Нет, Велигжанской нет тут... Никто её не звал, зачем она нам сдалась, мы сами, втроём... Она? На меня? Да ладно тебе... Да не видел я твою Ирку Велигжанскую с мая, как на каникулы ушли... Тем более. Подожди, мне с тобой про Витю нужно... Ну, он мой друг, он рассказал... Да почему трепло-то?.. Ну, подожди, давай спокойно... Вот и слушай тогда. Вы же с ним с детского сада, вы такие, когда вместе... Ну, какие такие? Хорошие вы, не знаю, даже когда ругаетесь. И смотреть на вас хорошо. Как это, идеальная пара, да? Ну вот так мы вас видим... С Игорем, да. И он так же думает... Зря ты Отчалова сейчас так вот, Вика. Он без тебя совсем не может, правда. Если Витька что-то не так сказал или там сделал — ты прости его, дурака. Он точно не со зла, он просто тебя любит, очень любит. Он жить без тебя не может, Вика. Помиришься с ним, пожалуйста... Да, мне это нужно, ему это нужно. Потому что видеть страшно, как он переживает. Ты не знаешь, а я знаю... Обещаешь? Вот и хорошо. Всё у вас наладится, обязательно... Вот и молодец, вот и спасибо тебе... Ага, пока. Спокойной ночи.

Мир окружающей станции Клёпово был тихим, спокойным и правильным — в полной гармонии с настроением Стасика: если ты в силах сделать его лучше, ты обязан это сделать. И мир заметит, оценит и придёт в равновесие, когда все друг друга любят, никто никого не обижает, и картошка уже наверняка испеклась, но пиво, похоже, там у них уже закончилось, впрочем, если есть деньги в

кармане — а они есть, вот, семьдесят пять рублей — то нужно взять ещё «жигулёвского», объяснить потом Смирнову и Отчалову, куда он пропал, не рассказывать же, что ходил менять мир к лучшему, они потом это сами поймут и оценят, а теперь нужно к привокзальным киоскам, хоть один уже и закрыт, но второй работает, знать бы, как выглядит это чешское пиво, про которое Игорян рассказывал, хоть денег всё равно хватит лишь на «жигулёвское», вот оно какое, холодное, приятное, не успеет нагреться, темно уже, прохладно на улице и тихо, только двое парней навстречу идут, наверное, местные, на городских не похожи, а закурить, так Стасик и не курит, пробовал, не понравилось, но это же не повод, чтобы сразу в ухо тебе летело с правой...

«О бескрайних морях, об открытых дверях, за которыми верят, и любят, и ждут меня-а-а...» Витёк, как всегда, безбожно фальшивил, а Игорян ничего так выводил, ровно. Песня оборвалась, когда Стасик вступил в круг ночного костра.

— Где, далеко? — подскочил Игорь.

— Много их? — уже подбирал себе сучковатую палку Витька.

Стасик махнул рукой, сел на лавочку, спросил:

— Пива не осталось?

— С чего бы ему остаться?

— Ну вот и я не донёс.

— Да хрен с ним, с пивом, — отмахнулся Игорь. — Наваляем им сейчас. Пошли, покажешь.

— Они сразу на мотоцикл и по газам, — Стасик осторожно трогал пальцем разбитую губу. — Пиво уже где-нибудь у себя во дворе допивают. Местные, двое. Я одному хорошо так зарядить успел. Да садитесь вы, не маячьте.

Витьку с Игорем распирала хмельная агрессия справедливости, но выплёскивать её, похоже, и вправду было уже не на кого. Сели, соглашаясь, что тут именно тот самый случай, когда кулаками после драки махать глупо и бессмысленно.

— Рассказывай по порядку, — хмуро бросил в костёр свою палку Витя.

— Ну, пиво купил в Клёпово, возвращался по посёлку, а тут навстречу эти, у которых вечно сигарет не бывает. Один сразу в ухо врезал, от второго увернулся, ударил, нос ему разбил. Потом навалились, понятно, уложили, сами сверху, один руку выкручивал, другой кулаками навешивал. Не пинали, нет, всё по-честному. Полторашку подобрали — и в кусты прыгнули. Там мотоцикл сразу взревел и уехал. За минуту всё случилось, может, за две. А пиво сейчас в жилу бы пришлось, да.

— И мы последнюю за пять минут до тебя допили, — запоздало расстроился Игорь. — Мы ж не знали, куда ты запропастился. Картошки две вон тебе оставили, ешь, горячая ещё должна быть.

Стасику вдруг до невозможности захотелось печёной картошки: похоже, в качестве компенсации выброшенного недавно адреналина и общих негативных эмоций.

— Подожди, морду хоть умой, смотреть противно, — спрятал за дружеской грубостью чувство невнятной вины Витька. — Давай из ведра солью.

— На себя посмотрите, трубочисты, — негуманно ответил Стас.

Посмотреть было на что: у одного весь подбородок в засохшей крови и набухающий фингал под глазом, у других лица были чернее грима Высоцкого в фильме про арапа Петра Первого. Отмывались, хохотали, успокоились.

— Ну что, спать? — предложил уставший от приключений Стасик.

— Идите, я ещё тут посижу, — отказался Витёк, а Игорь спросил:

— Тебе пива не хватало, что ли? Чего поперся в это Клёпово?

Герою вечера совсем не хотелось объяснять честный мотив своей отлучки на станцию, обернувшейся лихим приключением, но уж больно тепла и приятна была летняя ночь, замечательны и отважны давние друзья детства, оттого и возникла потребность дополнительной гармонизации финала этого долгого дня, чтобы всем стало хорошо и спокойно жить, оставив в прошлом глупые и уже исправленные ошибки мироздания.

— Стрельцовой я ходил звонить, — помолчав, признался Стасик больше в сторону Вити. — Всё, она больше на тебя не сердится, сказала, чтобы приходил, что всё будет как раньше. Вот так.

Игорь повёл плечами, словно на улице похолодало, а Витёк спросил странным голосом:

— И что ты ей сказал?

— Да ничего особенного. Что тебе плохо сейчас, что ты без неё не можешь, что вам обязательно нужно помириться и тогда всё станет очень хорошо. Вика согласилась. Больше ничего.

Стасик ел уже почти остывшую картошку, макая её в соль, костёр выбрасывал последние синеватые языки пламени, яркий фонарь полной Луны рисовал по саду чёткие тени от раскидистых яблонь.

— Ладно, я спать, — встал и потянулся Игорь.

— Подожди, — остановил его Витя. — Сядь.

Стасик принялся чистить от твёрдой чёрной корки вторую картошку.

— Вкусная? — спросил Витя.

— Ага, — ответил Стас.

Игорь рисовал веткой узоры на покрытой пеплом землёй под ногами.

— Кто тебя просил? — голос у Отчалова был незнакомый, севший. Он даже откашлялся дважды.

— Никто, я сам, — гармония мира вокруг Стасика вдруг начала болезненно трещать. — Всё же хорошо, Вить. Всё нормально будет у вас с Викой.

— Потому что ты договорился, — Витёк не спрашивал, он утверждал.

— Ну да, можно и так сказать.

Игорь сломал прут, бросил его в огонь.

— Да что не так-то? — окончательно запаниковал Стасик.

— Экий ты болван, — заметил Игорёк и добавил. — Да, пива бы сейчас ещё.

А Витя не смотрел на Стаса, отвернувшись в сторону беседки. Так затылком и сказал:

— Она же решила, что это я тебя попросил позвонить. Я, понимаешь? Сам. Взял и попросил.

Повернулся, смотрел на почти потухший костёр. Добавил:

— А я не просил, но она мне не поверит.

Стасик вдруг понял, что исправить ничего уже невозможно. Витёк наконец посмотрел в глаза и сказал уже почти обычным голосом:

— Не делай так никогда больше. Ладно?

— Я понял, — сквозь накотившее отчаяние ответил Стасик. — Никогда.

— Вот и хорошо. Ладно, парни, пошли спать.

И они пошли спать под треск ночных сверчков и дальний шум бегущих в ночь поездов. Под утро Стасику приснилась Вика Стрельцова, только она была чешкой и позировала для пивной этикетки, про которую рассказывал Игорь. Кажется, Игорь сам её там и фотографировал.

Утро было как утро, да и день был как день, когда друзья дождались электрички в город на платформе Клёпово в окружении тесной толпы дачников с их вечными вёдрами и хозяйственными сумками на колёсиках. Двери, строго зашипев, открылись, и мощный ручей пассажиров-огородников повлёк в своём потоке Стасика, Игоря и Витю в плотно набитое нутро вагона, каким-то странным образом ещё умевшее принимать излишки платформенного дачного человечества.

Уже в шаговой доступности ступеней электрички Витёк притянул к себе голову Стаса и прошептал на ухо: «Я Вике честное слово дал, что не расскажу, но деваться некуда, пока ты, идиот, ещё чего не учудил. Она тебя любит, а не меня. Так прямо и сказала. Всё, будь здоров».

Витёк ловко ввинтился в голову параллельного пассажиропотока и поднялся в дверь соседнего вагона. Игоря со Стасиком толпа тоже разделила десятком тётушек, громко делившихся до города своими достижениями на ниве точных сроков высаживания рассады и ценами на навоз, совершенно безбожными этим летом, совершенно.

Глава 4. Люсинда

— Вешайтесь, духи, — Фрол грозно отложил ложку на край сковородки. — Вас мама не учила картошку жарить? Ты сам попробуй, Студент.

Стас попробовал, пожал плечами: ну, сыроватая чутка, да и хрен с ней, всё равно вкусная. Фролу лишь бы построжиться, хлебом его не корми, а хоть бы и жареной картошкой с тушёнкой.

— Да ладно, горячая зато.

— Не, сырая, — согласился с младшим сержантом Фроловым дедушка Пистон. — Пять минут вам довести до ума. И сахар неси, чушок, чего ты нам тут песок подсунул.

Дневальные по кухне метнулись к столу исправлять выявленные стариками косяки. Один подхватил чугунную сковороду с картошкой, другой забрал стеклянную литровую банку с сахарным песком. На покрытом клеёнкой столе сиротливо остались бутылка самогона в окружении трёх гранёных стаканов и тарелка с нарезанным хлебом – хоть здесь салабоны не накосячили, подали исключительно горбушки, как и положено.

— Стоять! — Стас ухватил духа за некогда белый полухалат, являвшийся обязательной формой одежды дневального по столовой и кухне. — Вначале стол протрите, липкий весь.

— Щас, — понятливо кивнул молодой. — Я полотенцем, быстренько. Смочу только.

Он по-вологодски растягивал букву «о», и фамилия у него была какая-то дурацкая: не то Чёртов, не то Чертков. Будет Чертилой тут, к бабке не ходи. А у второго погоняло Лысый уже устаканилось за первый месяц службы — вроде бы странно звать человека с фамилией Лысенко как-то иначе. Вряд ли Фрол с Пистоном помнили фамилии дневальных, которые ещё и прозвища в роте толком не заслужили, но Стасику, как писарю при штабе, волей-неволей приходилось запоминать ненужное.

— Давайте пока под хлеб, — ефрейтор Саня Пистунов, уже разливший первую дозу, щедро натёр горбушку крупной солью, пропел на мотив «Дня Победы». — «Мы свой дембель приближали как могли». Поехали, пацаны.

Сдвинули стаканы, опрокинули. Тут как раз и духи подоспели: Лысый пошоркал стол мыльной тряпкой, насухо протёр полотенцем, выставил коробку с рафинадом, Чёрт подал дымящуюся сковороду.

— Свободны, — распорядился Фрол. — Чай заварите там, только попозже, я скажу когда.

И дневальные дематериализовались из подсобки в соседнее главное помещение кухни — к котлам на плитах и горе картофельных очисток в мусорном баке. Картошку ели лениво, без аппетита, — скорее отдавая дань древней традиции дедов нарушать уставной порядок после отбоя, чем насыщая дополнительными калориями армейские организмы. Два года назад такую сковородку еды им кто бы подарил, они бы на него молились, как на святого Николая, который, по смутным гражданским воспоминаниям Стаса, был впоследствии переквалифицирован в Санта-Клауса, или, по-нашему, в Деда Мороза.

Но то почти два года назад, когда нынешние старослужащие сами были в роли молодых и точно так же жарили по ночам для дедов картошку на кухне солдатской столовой. И тогда им за такие косяки, как липкая скатерть, могли легко выбить зуб, а то и не один, потому что в стариках у них ходили Муслим, Джаба и Агдам. Однажды Джаба, которого в действительности звали Джабраил, но во всей роте об этом знал только начинающий писарёк Стас Кружков, порвал селезёнку пацану из Перми за обнаруженную в ночной жареной картошке не говяжью, а свиную тушёнку. Молодого после госпиталя списали на гражданку, дело замяли за подержанный «мерс» комбату, как краем уха слышал в штабе Стасик.

А нынче наблюдается повсеместное смягчение нравов — не те времена пошли, не те. Впрочем, Стас по минувшим дням не ностальгировал, он принимал армейские понятия как должный порядок вещей, но сам молодых приобщал к суровой правде бытия без фанатизма, не особо вкладывая душу и тело в неизбежный воспитательный процесс. И без него хватало вкладывающих.

— Давай, Студент, сопли не жуй, — дружески пихнул Стасика в плечо Пистон. — Толкни тост, чего мы тут как на поминках.

Рядовой Станислав Кружков с самого начала легко вписался в свой призыв и был сейчас вполне авторитетным дедушкой, несмотря и даже вопреки таким негативным фактам, как полтора курса университета за душой и штабную должность, позволявшую избегать нарядов в караул. Как-то так уж сложилось.

— Ну давайте, пацаны, за то, что без поминок нынче всё уже как-то идёт, — поднял стакан Стас. — Война закончилась, мы мимо неё просвистели, скоро домой. В общем, за то, что без наших фотографий на чёрной доске обошлось. Выпили с пониманием. Доска в клубе части с портретами погибших в Чечне военнослужащих ОБМО — отдельного батальона материального обеспечения — насчитывала восемь портретов и была обычного белого цвета с названием красными буквами «Герои в/ч 22072». Но никто её кроме как «чёрной» не называл: ни солдаты, ни офицеры.

— А меня всей деревней провожали прямо вот на войну, — припомнил Фрол. — Телевизора насмотрелись с этими Самашками и Грозным. Мать с сёстрами обрыдались, бригадир кричал: «Отомсти там чёрным за наших, Саня! Не ссы, будь мужиком, главное, не посрами!» Пока ему, дебилу, ряшку не расквасили за громкость... А мы вот тут оказались, на Урале. Из автомата один раз стреляли после присяги. Похвастаться нечем будет.

— Я из «пээма» ещё стрелял, когда штаб в весеннюю проверку на полигон вывозили, — зачем-то вспомнил Стасик. — Секретчик дал свой, когда они уже там стол накрыли для комиссии.

— Попал в мишень-то? — заинтересовался Пистон.

— Да прям, три выстрела сделал — все мимо. Прапор отобрал, говорит «учись, как надо» и сам оставшуюся обойму в «молоко» пустил. Ну, они уже там все дате были, конечно.

— «Разложение сплошное, а не армия», как любит выступать замполит, — ухмыльнулся Лёха Фролов. — Да и хрен с ней. Пистон, наливай.

Выпили за Хасавюрт, который случился аккурат летом 1996-го и избавил их тогдашний осенний призыв от чеченской войны. Два уже года живут там чеченцы как хотят, ну и пусть себе живут, не жалко. Была б воля Фрола, Пистона и Студента, они бы их отпустили на все четыре стороны, только колючкой бы границу с Чечнёй обнесли. Лучше под током. Не желают жить в России — пусть валят на вольные хлеба. «Лишь бы не было войны», — как говорила бабушка Стаса, да и бабушки всех солдат и сержантов батальона, судя по всему.

— Духи, ко мне! — вдруг отвлёкся от разговора за политику Фрол.

Дневальные явились пред светлые, но уже не слишком трезвые очи дедов почти мгновенно.

— Смотри сюда, — приказал начинающим защитникам Родины младший сержант.

Достал монету, положил на край столешницы толщиной в три сантиметра. Завёл снизу кисть руки и щелчком подушечки среднего пальца по внутренней поверхности стола подбросил сторублёвик, поймал его в воздухе другой рукой. Известный фокус Фрола, пальцы которого умели ломать пополам ключ от замка каптёрки и делать прочие нехорошие вещи.

— Да ладно тебе, — попытался пресечь экзекуцию Стасик. — Хорошо же сидим.

— Хорошо, — согласился Фрол. — Но всякий косяк должен иметь свои последствия. Картошка сырая была? Сырая. Я забыл? Нет, не забыл. Подходи по одному.

Духи подошли, наклонили стриженные почти наголо головы. Фрол отщёлкнул каждому по «пиявке», шишки на лбах молодых сразу начали расти быстрее китайского бамбука.

— Чай неси, — отпустил дневальных Пистон. — Пять минут, время пошло.

Молодые повернулись исполнять приказ, и в этот момент загромыхла громким стуком входная дверь.

— Залёт, — констатировал Лёха. — Чего ему не спится?

— Медленно, чмыри, мед-лен-но, — дал указание духам тянуть время ефрейтор Пистунов. — Нас тут нет. Давай сюда, Студент.

Отобрал бутылку у Стаса, собиравшегося спрятать её за шкаф, разлил по стаканам остатки самогона. Выпили залпом: действительно, не пропадать же добру. Пока молодые, не торопясь, как приказано, шли открывать дверь, убрали стаканы в мойку, сели бесшумно закусывать запах картошкой. Не тариться же по углам, несолидно. Авось, пронесёт.

Из столовой донёсся глухой рык капитана Малинкина: «Спите тут, говноеды?» Вероятно, говноеды ответили на риторический вопрос уставным «никак нет!», но до кухни доносился только голос дежурного по части, который не то чтобы

его намеренно повышал — просто была у него такая природная тональность, закреплённая годами учёбы в Ярославском военном финансовом училище. И вообще, начфин батальона (или попросту Финик) давал сто очков форы любому ротному в знании и почитании Устава гарнизонной и караульной службы, честь отдавал с особым лихим шиком, с видимым удовольствием печатал парадный шаг при вызове из строя на плацу и имел фуражку особого фасона, специально пошитую в столичном Военторге. С таким набором офицерских качеств трудно быть любимцем воинского коллектива — хоть в десантуре, хоть на флоте, хоть в пехотном ОБМО. Финик им и не был, мягко говоря. Нужно отдать должное капитану Малинкину — он отвечал воинскому коллективу взаимностью. Так или иначе, но худшего варианта для залёта трудно было найти во всей дивизии. Шаги дежурного по части приближались к месту дислокации потенциальных залётчиков неотвратимой тяжёлой поступью Командора. И когда они уже замерли перед дверью на кухню, в столовой раздался металлический грохот, усиленный ночной пустотой большого гулкого помещения. Раздался рокот гнева небесного: «Вы там, блядь, охуели, что ли!» И поступь сменила поступательный вектор движения строго на противоположный. Какое-то время из столовой доносились увещательные слова «гондон рукожопый», «перхоть мандячья», «чмо тупорылое», затем входная дверь хлопнула, и за стенкой на кухне вежливо зашебуршали тихими голосами вернувшиеся дневальные.

— Оба ко мне! — повысил голос младший сержант Фролов.

Духи материализовались в подсобке. У обоих лиловели шишки на лбах от фроловского перста возмездия, но других заметных изменений портреты дневальных после свидания с Фиником не претерпели.

— Доклад по форме, — отдал приказ старший по званию среди присутствующих и ткнул пальцем в Лысого. — Ты.

— Ну, мы, когда дверь открывать шли, договорились, что если дежурный на кухню пойдёт, то я с ним, а Серёга питьевой бак опрокинет, — заторопился объяснять молодой. — Так и сделали.

— Товарищ младший сержант, — напомнил Пистон.

— Так и сделали, товарищ младший сержант, — поправился Лысый.

— Кто эту хрень придумал? — спросил Стас.

Дневальные молчали, переминаясь с ноги на ногу. Потом Чертила выдавил из себя:

— Я, товарищ рядовой.

Деды взоржали: «товарищем рядовым» Стасика в роте ещё никто не называл.

— Ну и молодец, — невозмутимо дал оценку сметливому бойцу «товарищ рядовой». — Зачёт тебе. Обоим зачёт. Чай несите и масло.

Счастливые салабоны ушмыгнули за дверь. «В людскую», — вытащило за чем-то подсознание одну из забытых странных метафор студенческой молодости Стаса. В «барской» же расслабленные мужчины последнего срока службы в очередной раз вернулись к существенному разговору.

— Вот здесь набьёшь, — Фрол демонстрировал ефрейтору оголённое плечо. — Чтоб отсюда и досюда.

— Ну вот на хрена она тебе? — в сотый раз пытался отказаться штатный татуировщик роты Пистон. — В прошлый раз же решили, что я тебе лучше «эфку» набью, как у Гиви. И от чеки по кругу «Урал...». Как там дальше, Студент?

— «Урал. Годы. Жизнь. 1996–1998».

— Ну. Красиво же, — подтвердил ефрейтор.

— Передумал, не хочу. Я лучше Стасика послушаюсь.

Этот спор длился уже второй месяц. У Лёхи Фролова в его почти добитом экономикой свободной России совхозе «Подгорский» жила подруга Людка, почтальонша на несколько окрестных деревень, которая обещала на проводах ждать его два года. И Фрол решил перед дембелем отблагодарить её за верность слову лёгким членовредительством в виде красивой татуировки «Люсинда», которую он хотел то на кисть, то на грудь, теперь вот решил на плечо.

И всё бы ничего, только пару месяцев назад младший сержант случайно встретил в чипке земелю из арtpолка, который и сообщил, что Люська живёт с новым зоотехником, приехавшим из района уже после прибытия Лёхи в гвардейскую Краснознамённую 164-ю мотострелковую дивизию. Тогда Фрол передумал и заказал Пистону трафарет гранаты, с соответствующей надписью, придуманной Студентом.

Но в назначенный день праздничной экзекуции организма Лёха получил письмо, где Людмила называла зёму из арtpолка «завистливым козлоёбом», выдумавшим всё от начала и до конца за то, что она ему не дала прошлой осенью на свадьбе у Ленки-продавщицы из Рухлово, а зоотехник новый в городе учился и на местных смотрит свысока, да и не интересен он ей, заморыш, она своего Лёшеньку ждёт не дожждётся, и пусть он никого не слушает, а служит хорошо и спокойно, потому что впереди у них долгая счастливая жизнь, и что если у кого и появился кто новый, так это у учительки Ритки теперь роман с бригадиром Стосовым, который жену бросил с двумя детьми, – ну, там дальше неинтересно.

И Фрол снова решил украсить себя «Люсиндой», но Саня Пистунов решительно отказался, сообщив, что знает он этих баб: им наврать — что масло в картере поменять, и потому не желает, чтобы Лёха потом сводил себе ставшую ненавистной татуировку, поскольку любому мастеру жалко, если его творение отправляют на свалку истории. И младший сержант Фролов вновь вернулся к теме гранаты Ф-1, но Пистон заступал в караул, и торжественный процесс нанесения графического изображения на кожу подопытного организма был отложен на пару дней.

А потом друзья посвятили в сложную жизненную коллизию Студента и потребовали от него, как человека в высшей степени образованного и читавшего «Ромео и Джульетту», помочь Фролу сделать окончательный выбор между романтикой любви и романтикой арсенала противопехотного оборонительного боя.

Студент вспомнил светлый образ своей одногруппницы Юли Жмейчик, вышедшей замуж в самом начале второго курса за тупого гандболиста Кравчука, и так и не узнавшей о тайной в неё влюблённости Стасика Кружкова. Жалел бы он о татуировке в честь дамы своего сердца, отдавшей предпочтение другому? Пожалуй, нет: страдание облагораживает, а вечное напоминание о собственных моральных терзаниях делает человека чувствительным к страданиям других, гарантируя ему светлый путь искреннего сочувствия к окружающим индивидуумам. И неважно, праведный образ жизни вела твоя избранница или наоборот, – единственным мерилom решительных поступков должно быть только твоё чувство, а не мнение толпы или всякого там социума.

— Примерно так, — завершил свою мысль философ второго года службы, выбросив бычок в центральную круглую урну солдатской курилки.

— Зашибись ты умеешь, Стасик, — одобрил вербализацию сути межгендерных отношений младший сержант Фролов. — То есть ты точно уверен, что Люсинда не дала этому зоотехнику?

Стас подумал, что армия действительно высокая школа жизни, но не стал возражать по существу:

— Точно. Зря переживаешь.

Он действительно верил, что неизвестная ему Людмила из села Подгорское честно ждёт из армии Лёху Фролова, потому что при прочих равных всегда нужно выбирать оптимистический вариант, чем загоняться в тревожные чёрные мысли. Тем более в условиях, когда человеку взять в руки автомат, как два пальца о замок оружейной комнаты, хотя Фролу хватило бы и одного. Так что лучше так, чем эдак.

— А я не согласен! — упёрся чёрствый к человечеству Пистон. — Гуляет твоя Люська там направо и налево, зря ты зёме своему не веришь. Вон кого хочешь из роты возьми, каждый тебе такую историю расскажет. И все «эфку» хотят, а не баб этих. И я тебе гранату согласен набить хоть завтра, достал ты меня со своей Люсиндой.

— А вот так? — спросил Фрол и взял двумя пальцами Лёхину ладонь.

Пистон скривился от боли, но от правды жизни не отказался. И тогда Стасик с младшим сержантом стали вдвоём рассказывать ефрейтору о том, что нужно лучше думать о людях, что Людмила хорошая и верная баба и что все зоотехники козлы, в кого ни плюнь. И Пистон почти уже с ними согласился, но к курилке приближался нетрезвый с обеда начштаба батальона, и военные от греха подальше срочно покинули узаконенное уставом место перекура рядового и сержантского состава.

Тем временем чай деды уже допили, бутерброды с маслом оставили дневальным в знак поощрения за приключение с капитаном Малинкиным, а дискуссия на тему «граната против Люсинды» так и не пришла к резюмирующей части. И тут Фрол решил обратиться за помощью к коллективу.

— Духи, ко мне! — воззвал он в пространство.

Молодые срочно предъявили старослужащим помятые заспанные лица.

— Взяли табуретки, сели в ряд, — дневальные аккуратно исполнили непонятный, не сулящий ничего доброго приказ. — Раскрыли уши, слушаем. Будете этими, как их, которые в суде...

— Присяжными, — понял идею Стас.

— Вот именно, — подтвердил Фрол, отмечая лёгкую панику духов. — Это у нас будет прокурор, это адвокат. И не сыте, никто вас тут сегодня пальцем не тронет. Поехали. Начинай, Пистон.

Дедушкам понравилось свежее весёлое развлечение, придуманное младшим сержантом.

Вначале выступил с обвинительной речью Саня Пистунов, сообщивший высокому суду о низком, сука, моральном облике гражданских женщин вообще и почтальонши Людмилы в частности. Отдельно прокурор остановился на непревзойдённой элегантности изображения ручного метательного боезаряда Ф-1 в противовес сложности нахождения портретного сходства по фотографии посредством несовершенной татуажной машинки, изобретённой из механической бритвы «Спутник», и что некоторые не ценят труд художника, а наоборот, обещают потом вырвать ему, блядь, руки и нанести прочее членовредительство, ну пусть сами тогда берут и делают, и понятно, что граната

на плече всяко красивше, чем чей-то портрет, потому что «эфка» навсегда, а женщины не вечны в жизни любого мужчины, сами подумайте.

В защиту варианта Люсинды адвокат Студент привёл примеры из жизни Пушкина, Дездемоны и героини актрисы Джинн Трипплхорн из «Основного инстинкта», а также вспомнил стихотворение Симонова «Жди меня» и рассказал присутствующим о том, что любовь такая штука, ради которой не жалко не только собственной кожи, но нередко и жизни, и что фроловская Людмила конечно же ему верна, за что обязательно должна быть запечатлена на теле воина, охранявшего мир в стране и в совхозе «Подгорский» в частности, и о том, как Фрол с Людмилой выйдут на песчаный речной пляж («Пруд, — поправил Лёха. — У нас пруд. Но большой»), а там все увидят на нём портрет Люсинды и станут завидовать, потому что любовь и верность всегда должны быть вознаграждены.

— Вот так вот, — подвёл черту судья Фролов. — У вас всего два варианта: «эфка» или «Люсинда». Как там тебя?

— Рядовой Чертков, — подскочил с табуретки рядовой необученный присяжный.

— Давай, Чёрт: граната или Люсинда?

Дух опасливо ощупал глазами странных сегодня старослужащих и выдавил из себя:

— Граната.

— Товарищ младший сержант, — Пистон сегодня был терпелив до невозможности.

— Товарищ младший сержант, — торопливо повторил рядовой Чертила. Прокурор ему довольно подмигнул.

— Ладно, теперь ты, — обратился ко второму присяжному Фрол.

— Рядовой Лысенко, — представился по форме дух. — Граната, товарищ младший сержант.

Довольный Пистон и ему показал большой палец.

— Садись, Лысый. Или не садись — всё, свободны оба. Прибраться тут за нами не забудьте потом.

Дневальные покинули зал судебного заседания. Время подходило к двум часам ночи.

— Ладно, пошли спать, пацаны, — предложил Фрол.

— Уболтали тебя салабоны на гранату? — продолжал торжествовать победу Пистон. — Всё по чесноку, хрен ли.

— С каких это пор у тебя духи в авторитете? — поинтересовался младший сержант. — Нет, не уболтали. Студент сегодня меня окончательно убедил. Спасибо, Стасик. Всё, пошли. Завтра, Саня, Люсинду мне набьёшь. Закрыли тему.

И деды отправились в казарму, не задумываясь о случившемся грубейшем нарушении принципов юрисдикции суда присяжных, чей вердикт должен быть окончательным и обязательным к исполнению, поскольку выстрадан столетиями судебной практики. Но то в америках, а у нас Россия, понимать нужно.

Вечером следующего дня десяток дедов собрались после отбоя в ротной каптёрке, где Пистон уверенной рукой набил на плече младшего сержанта Фролова роскошный портрет его пассии с безоговорочной подписью «Люсинда». Потом они все отправились в умывалку, чтобы Фрол удостоверился в зеркале в отменном качестве выполненной работы. Стасу казалось, что

портрет больше смахивал на внешность немецкой певицы Сандры, но Лёха татуировку одобрил и пригласил всех присутствующих вернуться в каптёрку к традиционному угощению по случаю завершения болезненной косметической процедуры. Угощение включало в себя три бутылки самогона, пять банок тушняка и большой шмат сала, полученный сегодня от родителей рядовым Лысым, добровольно передавшим домашний продукт в пользу торжественного мероприятия по настоятельной просьбе ефрейтора Пистунова.

А ещё через два дня младший сержант достал из ячейки с буквой «Ф» в почтовом стенде на стене штаба письмо от Людмилы Пресняковой из села Подгорского Тюменской области. В письме сообщалось, что Люда выходит замуж за зоотехника Семёна, потому что она уже на седьмом месяце и дальше скрывать своё положение будет просто неприлично. И что Лёшенька должен её понять и простить, что она ему про это не писала, чтобы он не расстраивался, а спокойно нёс свою почётную военную службу, но теперь чего уж, теперь пришло время честности и признаний, а она его никогда не забудет за те счастливые дни, которые у них тогда были. А Семён — парень хороший, ему совхоз сразу отдельную квартиру выделил в новом пятистенке, они уже решили взять двух поросят, и мать советует гусями ещё обзавестись, но они склоняются к разведению нутрий, потому что Сеня говорит, что мясо у них не хуже куриного и что за нутриями будущее, — ну, там дальше неинтересно.

Часть вторая. 28-37

Глава 1. Свадьба

Гости кучковались у входа в кафе «Медвежий угол» не то чтобы по интересам, но больше по степени родства и знакомства. Кружковы ожидали молодых в окружении школьных друзей Игоря со Стасиком, частью Вере незнакомых, но понятных своей принадлежностью к стороне жениха. Сторону невесты представляли в большинстве своём шумные молодые люди не слишком формального внешнего вида.

Как водится, параллельные до сегодняшнего дня кланы искоса оглядывали друг друга, прикидывая, в дружественную или враждебную среду они отправляют представителя своего племени и стоит ли рассматривать нынешнее событие, как расширение сферы влияния или наоборот, как проявление нездоровой конкуренции за обладание внутренним миром соплеменника. Скорое застолье должно было быстро расставить все акценты дальнейшего взаимодействия сторон (с вариантами от случаев мирного перекрёстного секса до массовой драки по никчёмному поводу), но пока гости предпочитали держаться исключительно своих ближних, без преждевременных кровосмесительных контактов разного толка.

— Дай телефон, — попросила супруга Вера, поправив сооружённую с утра модную короткую стрижку. — Узнаю, как там и что.

— Ты же полчаса назад узнавала, — без раздражения напомнил Стасик, но достал свою «нокию». — Звони.

В целом, мобильники уже перестали быть атрибутом избранности, но пока что Кружковы имели в совместном пользовании один сотовый телефон, подаренный Стасику его родителями год назад на день рождения. В принципе, уже собрались было купить Вере давно вымечтанный ею «сименс» с цветным экраном, но тут подоспела свадьба Смирнова, пришлось потратиться на подарок. Ничего страшного, вон у Светки Молчановой муж вообще слышать не желает ни про какие мобильники, потому что никто не доказал, как их излучение влияет на головной мозг и вообще на потенцию, — живут себе с городским телефоном в квартире, и всё их устраивает. У них и пейджера не было, и ничего, не умерли.

— Здравствуйте ещё раз, Елена Дмитриевна, — сказала в «нокию» Вера. — Ну, что у вас там? Не хулиганит?

— Как не хулиганить, конечно хулиганит, — довольно отозвалась свекровь. — Я ему киселя налила, он целую кружку выпил, а потом её разбил... Антоша, дружок, аккуратнее, порвёшь... Мы с ним сейчас альбомы с фотографиями сели смотреть, Стасика нашли в его возрасте. Очень Антошик на него похож, прямо вылитый. А так смирно себя ведёт, не капризничает. Всё хорошо, Вера. — Ну и ладно тогда. Вы только конфет ему много не давайте: две, максимум три. Ладно? Мы к одиннадцати вернёмся, не позже.

— Да гуляйте на здоровье, справимся как-нибудь. Мы сейчас будем учиться букву «р» говорить — да, Антошка? Скажи маме «тр-рактор-р» в телефон. Не хочет. Знаешь, Вера, я думаю, его нужно всё-таки к логопеду: все говорят, что в три года дефекты речи легко исправляются. Вот у Елизаветы Марковны — моей подруги, Стасик знает, — внучка половину алфавита не выговаривала...

— Я поняла, Елена Дмитриевна, — решительно завершила разговор Вера. — Придём вечером за Антошкой, поговорим. До свидания.

— Всё нормально у нас, не волнуйтесь. Стасику напомни, чтобы он от меня Игоря поздравил, не забудь.

— Обязательно, — заверила Вера и нажала на кнопку с красной телефонной трубкой.

Всё же старшему поколению сложно привыкнуть, что звонки с сотового на городской денег стоят, привыкли часами с подружками болтать по телефону. Вера вернула мобильник мужу, сообщила, что бабушка пока ладит с внуком. Тут как раз и лимузин подъехал с двумя кольцами на крыше и большой куклой на капоте. Гости непроизвольно выстроились в две шеренги на ступенях крыльца, неожиданно грянула невесть откуда взявшаяся гармонь, из машины выскочили свидетели торжества: подружка невесты Галина по-хозяйски замахала руками, приглашая присутствующих ещё громче выражать приличествующий случаю восторг, а свидетель Жора Дитрикс не без изящества открыл дверцу машины и помог выйти невесте Алле, за которой из лимузина выбрался и жених Игорь Смирнов. Светло-серый костюм Игорю прекрасно подходил, а вот нескромно-коротковатое платье красило невесту не очень. Да её вообще ничего очень так чтобы и красило, на строгий, но справедливый взгляд Веры.

На верхней ступени, преграждая вход в банкетный зал, стояли родители молодых в парадных нарядах своего поколения. У отца Игоря под лацканом пиджака зачем-то звенели диагональю медали воинской и трудовой славы, а мама Аллы была в парике безумно-рыжего цвета.

Жених с невестой скромно выслушали напутственные со слезой родительские речи, понакусывали непременный каравай и разбили осушенные до дна бокалы шампанского. Таким образом свадьба завершила переход от официальной торжественной части в неформально-витальную. Как уж заведено у нас на Руси.

Украденная невеста не находилась уже полчаса, несмотря на воодушевлённые поиски кунаков жениха, столь же потешно-грозных, как Трус, Балбес и Бывалый в «Кавказской пленнице». Стасик тоже числился в составе поискового экспедиционного корпуса, и Вера непонятным образом, как это обычно и бывает на свадьбах, очутилась в той части стола, где разместился клан подруг невесты Аллы.

Они выпили за знакомство и за здоровье молодых по бокалу сладкой «хванчкары», после чего стало совсем просто и легко отвечать на понятные вопросы по поводу характера, биографии и социального положения Игоря. На втором бокале подружки отчитались о всех превосходных качествах их Алочки, и Вере стало понятно, что Смирнову с невестой (в смысле, уже женой) скорее повезло, чем наоборот. Даже несмотря на давнее и стойкое увлечение Аллой и её подружек группой «Король и Шут» — панк-рок Вера не то чтобы не воспринимала, она его терпеть не могла. Они со Стасиком росли на песнях Гребенщикова и Цоя, а не на этом вот всём нынешнем, но кто нынче без греха? Нет, вы скажите, кто?

Наверное, она бы и дальше так и сидела в компании новообретённых приятельниц, если бы записингованная до бровей свидетельница брака Галина не задалась вопросом: «А что, Вера, признайся, было ведь у тебя что-то с женихом? Мы никому не расскажем». Тут Вера Кружкова как-то вдруг серьёзно протрезвела и отпросилась в туалет. Подальше от этих дур-неформалок. Постояв пять минут у зеркала в накуренной дамской комнате, Вера обошла по дальней траектории между танцующими увлечённую «хванчкарой» женскую компанию и села на своё место за столом между вазочкой с разрушенным салатом «цезарь» и ополовиненным блюдом с мясной нарезкой. Супруг на

ближайшем горизонте не наблюдался, зато наблюдался Игорь Смирнов, спокойно поедавший в одиночестве крабовый, кажется, салат.

Вера налила себе красного сухого, подошла к новобрачному, села напротив:

— Выпьем, жених?

Игорь вытер рот салфеткой, поискал глазами, налил себе шампанского:

— С тобой, с удовольствием. Только я чуть-чуть — сама понимаешь, сколько желающих выпить персонально с героем торжества. Другой бы уже под столом валялся, а я, заметь, держусь.

— Молодец. Ну, за вас с Аллой, будьте счастливы.

— Тебе же она не очень нравится, верно?

— Раньше. А сегодня присмотрелась, с людьми поговорила: ничего она, нормальная. Лишь бы тебе нравилась.

Игорь кивнул, типа, наконец-то до тебя дошло. Продолжил заправляться крабовым салатом.

— Стасика не видел? — на всякий случай спросила Вера.

Игорёк пожал плечами, отрицательно помотал головой. Тамада сладострастным голосом объявил давно ожидаемый публикой белый танец.

— Ладно, пойду искать блудного мужа.

— Подожди, — попросил Игорь, отодвинул салат. — Пять минут.

Спешить было некуда, забирать Антошку от бабушки нужно ещё через полтора часа. Вера вежливо присела обратно.

— Даже не знаю как начать, — Игорёк говорил спокойно, глаза за стёклами очков смотрели сквозь танцующих. — Посоветоваться, что ли, с тобой нужно.

Или, не знаю, ситуацию обсудить. В общем, лучше с тобой, чем с кем-то ещё, не сердись.

— Чего мне сердиться? Выкладывай, не бойся, — поведение Игоря было необычным, и Вера подставила пустой уже бокал под дополнительную порцию шампанского.

— Короче, у Алки роман с гитаристом из «Кабрио». С этим, с блондином. Вера присвистнула бы, если б умела. «Кабрио» уже лет десять была самой популярной рок-группой в их городе, года три назад у них случилась даже гастроль в Москве, о чём целый месяц не уставали писать местные газеты — и стасиковская «Юность Сибири» в первых рядах.

— Ему же лет сорок, наверное?

— Сорок два, — подтвердил Игорь. — Рыбу передай, пожалуйста. За этими вашими тостами поесть толком не успеваешь.

Вера придвинула поближе тарелку с сёмгой, спросила глупое:

— Давно?

— Угу, — закусил рыбу хлебом жених. — Года три.

— Так ты с Аллой уже сколько? Больше года?

— Год и месяц.

— Ничего не понимаю, — призналась Вера. — Налей ещё. И себе.

Игорь налил Вере пол-фужера, себе на доньшко. Чокнулись. Тамада призывал формировать команды по скоростному лопанью воздушных шаров без участия рук и ног соревнующихся.

— Там всё было сложно, — объяснил новобрачный. — Они поругались, и Алла решила показательно, ему назло закрутить бурный роман, для возбуждения ревности и всякого такого. Ну и выбор пал на меня... Уф-ф, кажется, наелся наконец.

— И что теперь будет?

— Не знаю. Видимо, образцовая счастливая семья будет. Сегодня нам столько счастья нажелали, что было бы невежливо обмануть ожидания почтенной публики.

— А гитарист?

— Да вроде закрыта уже тема, нет больше никакого гитариста.

— Так что ты мне тогда голову морочишь? Мало ли у кого с кем чего раньше было. У тебя, что ли, не было?

— Не было, — как-то неожиданно жалко улыбнулся Игорь, но тут же вернул ровное выражение лица. — Как Алка появилась, так больше и не было. Незачем.

— Так и у неё наверняка не было. Встретила тебя — и порвала всё там. Чего ты зря себя накручиваешь, Игорь? Свадьба же. И кстати, почему тогда свадьба, зачем? Если ты всё знал.

— Я сегодня узнал, здесь. Час назад.

— Да блин. Была б мужиком, выругалась.

— Ругайся, делов-то. Вся штука в том, что она окончательно порвала со своим гитаристом месяц назад, когда мы уже заявление в ЗАГС подали. Тридцать уже дней, четвёртого сентября, получается.

— Ну и всё тогда. Отказалась от него в твою пользу — значит, любит тебя, а не его. И всё осталось в совершенно бессмысленном прошлом, которое вообще ничего не значит. Уж поверь мне, как женщине.

— Верю. Я и без тебя в это поверил бы, но ты толковее объяснила, надёжнее. Спасибо, Вера. Только лучше бы я этого вообще не знал. Да?

Вера раздавила лимон на ломтике сёмги, долго пыталась подцепить рыбу вилкой, чтобы отправить в рот. «Яркий далёкий свет потревожил сон, любимая моя. Даже осенний гром был в тебя влюблён, желаний не тая», трогательно и строго пели динамики аппарата тамады.

— Чего молчишь? — поторопил Игорь.

— Я не молчу, — не так чтобы совсем уже трезво отозвалась Вера. — Да, наверное лучше. Думала, как мне бы так вот пришлось, если бы такое... Лучше. Я бы предпочла ничего не знать. Но если бы узнала, было бы потом хуже. В общем, я не знаю... Слушай, а может это вообще всё злые языки, а? Есть же любители сплетен, которым лишь бы другим хуже сделать. Вот так я думаю, Игорёк. Не верь им, не надо. И знаешь что? Не смей у Аллы выпытывать ничего: во-первых, даже если бы и было что, я бы лично никогда не призналась, никогда! А главное, и не было же ничего. Я чувствую, поверь. Враньё все это и подлость человеческая. Вот и всё.

— Вряд ли, Вера, враньё. И подлость тут не при чём. А Алле я и сам решил ничего не говорить: захочет — расскажет потом.

— Ну а с чего ты решил, что не враньё? Нет, ты скажи, кто тебе эту хрень рассказал, а я скажу, верить этому человеку или нет. Этот тебе доложил? Или эта? Или вон тот? — палец Веры наугад выбирал знакомых и незнакомых танцующих в полутёмном зале гостей.

— Перестань тыкать в людей пальцем.

— Тогда сам скажи, кто такой умный нашёлся, чтобы разрушать человеческое счастье? Семейное, можно сказать.

Игорь долго крутил в руках вилку, потом налил себе полный фужер шампанского, а Вере не налил. Выпил и выдохнул:

— Стасик рассказал.

Жорка Дитрикс прочувствованно обнял Стаса, зачем-то поцеловал руку Вере и вернулся вслед за гостями в кафе. А до того свадьба провожала на улице в последний полёт холостую жизнь молодожёнов. Холостая жизнь была оформлена в виде бумажного кораблика, прикреплённого к связке белых воздушных шаров. На дружный счёт «три!» тамада поджёт маленькую свечку в символе былого прошлого и отпустил в почти уже ночное небо воздухоплавательную конструкцию. Шары подняли над городом сгоравший кораблик и унесли его за крыши соседних домов. Очень трогательно, у Веры даже навернулась слеза.

Теперь на крыльце было пустынно и слегка прохладно. Вызванное смс-кой такси задерживалось, и Вера спросила:

— Который час?

— Без двадцати одиннадцать, — откликнулся сигналом точного времени Стасик.

— Нормально, успеваем.

Вера и сама понимала, что никто не будет им пенять за опоздание: бабушка наверняка Антошку уже спать уложила, телевизор смотрит, но с другой стороны, свекровь есть свекровь, тут как на минном поле — достаточно одной ошибки. Стасик — сын, он этого не понимает: если бы Вера его трижды не заставляла вызвать такси, он бы и сейчас скакал на свадьбе резвеньким козликом, а потом предъявлял его такого Елене Дмитриевне. Так-то она ничего, конечно, не скажет, но где-то там внутри отметит красной галочкой неспособность невестки держать слово и её дорогого Стасика в приличном состоянии, а не как сейчас, когда он третий раз пытается кому-то позвонить, путая кнопки «нокии».

— Ты будешь работать или нет? — строго спрашивал муж у телефона. — Я за что тебе такие деньги плачу? Чтобы ты не соединял меня с моими друзьями? Не много ли ты на себя берёшь?

— Оставь мобильник в покое, ты ему сегодня не нравишься, — улыбнулась попытке диалога Вера. — Кому звонишь-то хоть?

— Не скажу, сюрприз, — погрозил жене пальцем Стасик и тут же признался. — Отчалоу. Он Игоряну сказал по телефону, что капитана получил, а мне не сказал. Друг детства, называется.

— Так Витя, наверное, его со свадьбой поздравил и сообщил заодно, — здраво рассудила Вера. — А тебя не с чем поздравлять, вот и не позвонил. Некоторые вон в армии до капитанов уже дослужились, не то что другие, которые в корреспондентах будут до пенсии бегать.

— У нас не в чинах счастье, — строго заверил супругу Стасик. — Будь ты хоть пять раз заведомом информации, как Крохалёв, а писать всё равно не научишься. А я умею, мне каждую неделю читатели звонят, выражают восхищение. Потому что нельзя поверить алгеброй гармонию, быть знаменитым некрасиво и вообще, писать — не мешки ворочать, тут соображать надо... И где это чёртово такси?

Вдруг Вера вспомнила:

— Ты как узнал про Аллу и гитариста?

— А, доложил таки Игорян, — логически соединил причину и следствие вопроса Стас. — Никто меня не любит, Вера. Тебя все любят, а меня никто, даже самые старые друзья. Почему так, а?

— Потому, — не стала вдаваться в бессмысленность супруга. — Ты отвечай давай, а не увиливай.

— Я журналист или где? — задался риторическим вопросом виновник торжества справедливости допроса. — Ну и вот.

— Что, «вот»? — Вера вспомнила пылающий в небе кораблик семейного счастья и разозлилась всерьёз. — Кружков, или ты мне всё выкладываешь на блюдечке с голубой каёмочкой, или ты меня знаешь.

Стасик знал. Он вытащил из пачки сигарету (пятую, последнюю из разрешённой супругой суточной нормы на никотиновую зависимость), демонстративно предъявил её Вере, закурил и начал со вступления.

— Ты же в курсе, я у местных рок-героев в авторитете: в жюри заседал на их фестивалях, отзывы на диски публиковал, в комитете по молодёжной политике всякие бюджеты и гранты продавливал через газету. Ну то есть, не последний человек в их тусовке, пусть меня там кое-кто и не любит, как вон Гоша Хлипкий из «Смутного времени» или Бред из «Ночного дохлого происшествия». «НДП», кстати, с хорошим потенциалом выходила на орбиту, потом сдулись, конечно. Но вот эта у них нормальная была, помнишь: «Стукани мне по черепу и встряхни мозг закисленный, и пристану я к берегу, и печали осмыслю я...»

— Короче, Троицкий, — ускорила музыкального критика супруга.

— Ну да, — согласился Стас. — В общем, на прошлой неделе мы с Дитриком заглянули в Дом актёра, там подсели к столику с Борей Мираняном из «Блюфокса», и мы с Жоркой разговорились о скорой свадьбе Смирнова с Аллой. А Боря спрашивает: «Это какая Алка? Не Крейчицкая часом?». Ага, говорим, Крейчицкая. Тогда Миранян заржал, ещё триста водки заказал и выложил всё про неё с Белым этим. Дитрикс сразу собрался Боре морду бить, а тот говорит: «Не веришь, сейчас у парней спросим». Как раз братья Глебовы программу свою ресторанный отыграли, подсели к нам. А старший, Пётр, он так-то самолично эту «Кабрио» придумал, ещё до того как Белый в группу пришёл, ну и вообще он с ними там со всеми до сих пор как родной: в гости друг к другу ходят, в Иркутск вместе с концертами ездили, на одной студии пишутся. Всё подтвердил, в деталях. Нет, Глебовы к Алке со всей симпатией, и счастья ей пожелали, и порадовались, что замуж за нормального выходит, а не за музыканта. Но разложил Пётр историю прямо вот по полочкам. Такие дела. Вера совсем не помнила этого блондина-гитариста из «Кабрио», но отчётливо представила их с Аллой сумасшедшую дикую любовь, ссору из-за какого-нибудь нелепого опоздания или, допустим, случайного запаха духов. (Интересно, вот если Стасик в примерно сегодняшнем виде заявит домой весь в мерзком сиреневом аромате «Кензо», что будет? Нет, лучше ему не знать, что будет). И как в приступе отчаяния Алка неожиданно бросается в объятия со всех сторон положительного доктора Игоря Смирнова, и как она долго и мучительно пытается вытравить из сердца главную любовь своей жизни, но у неё плохо получается. А Игорь ничего не подозревает, он счастлив, он просто отогревает замёрзшую алкину душу, и душа её начинает оживать, наполняясь благодарностью к почти случайному спасителю заблудших и запутавшихся сердец. И как её перерождённая, переплавленная в этом горниле страсти любовь находит своё финальное успокоение в обрётённом семейном счастье, сложившемся из ошибок прошлого и поиска своего окончательного родного человека. И как всё это по-дурацки сложно, но в любом случае, прекрасно. История падения влюблённой души в ад и вознесения её в обрётённый рай сложилась в считанные секунды. Открылась бездна, звёзд полна, и Вера ожидаемо расплакалась. И всхлипывая, спросила у мужа: — А Игорю ты зачем всё это выложил сегодня?

— Подожди, — не вник в существенность момента Стасик, он вновь попытался дозвониться до Витьки. — Нет, не отвечает свеженький капитан Отчалов. Вот так у них там в армии: получают новое звание — и знать они уже не знают старых друзей. Ну, приедет он на Новый год в отпуск, мы ему с Игорем всё припомним. И ты ему тоже припомнишь, да? Не плачь, чего ты плачешь? Дай я тебе слёзы языком слизну. Ну дай, чего ты.

— Игорю ты зачем про Аллу с гитаристом рассказал? — отстранившуюся Веру душили слёзы. — Кто тебя просил? И в день свадьбы, главное. Ну, зачем? Стас поднял воротник куртки, пожал плечами:

— А когда? Я же не хотел нарушать их семейное счастье: решили пожениться, пусть женятся — тем более, если любовь. Но знать Игорю про этот роман Аллы нужно, я считаю. Вот пусть и знает теперь, но уже после штампа в паспорте. Не разведутся же они завтра.

— А зачем Игорю про это нужно знать? — никак не могла взять в толк Вера. — Ты что, не мог промолчать, не мог удержать в себе?

— Ты как себе это представляешь? — потихоньку начал заводиться Стас. — Я должен скрывать от лучшего друга важную для него информацию? Мы с ним с первого класса вместе, у нас никогда никаких отдельных тайн не было. Как бы я Игорю потом в глаза смотрел, ты подумала? Знал, но смолчал — можно так, ну вот чисто по-человечески? Скажи, можно?

— Можно, — промокнула последние слёзы с глаз Вера. — И нужно... Вон такси твоё наконец подъезжает. Мелкие деньги есть, а то у них вечно сдачи не бывает?

— Есть, я специально сегодня разменял.

— И чаевых много не давай. Знаю я тебя, гусара, после шампанского с водкой.

К дому Елены Дмитриевны машина приехала всего с десятиминутным опозданием от оговорённых одиннадцати вечера. Супруг проснулся уже у подъезда свекрови, попросил таксиста подождать, пока они вернутся обратно с ребёнком. У лифта Вера сказала:

— Знаешь, Стасик, я тебя иногда боюсь.

Толком не проснувшийся Кружков не стал спрашивать, почему. У него уже начала болеть голова в предчувствии завтрашнего похмелья.

Антошка мирно спал у бабушки. Так сонного Вера его и одела, а в машине сын снова заснул. Доехали до дома быстро, без приключений. Только Стасик опять оставил чаевых тридцать рублей, хотя и десятки бы за глаза хватило.

Глава 2. Серпентарий

Жора вычитывал готовый материал в полосе: вычёркивал фразы, заводил очи в небеса, озарялся нужным оборотом, вносил его в текст — гений очерка за работой, в общем. Стасу иногда казалось, что в такие моменты из кудлатой дитриковской головы идёт незаметный лёгкий дымок, аккуратно сплетающийся в нимб. Сам он такого нимба у себя не ощущал, хоть и не без оснований полагал, что в этом городе всего два приличных стилиста-газетчика — Георгий Дитрикс и Станислав Кружков, неведомой волей богов сведённых не просто под крышей одной редакции, но и в одном кабинете. Стас работал легко и быстро, а у Жорки на написание заметки в полторы тысячи знаков могло уйти два часа рабочего и нерабочего времени. Зато Дитрикс был ко всему ещё и поэтом, но это его не портило.

В кабинет вновь ворвался замредактора Крохалёв с лицом убитого горем проповедника, пропившего библию:

— Дитрикс! Ты мне час назад обещал! С засылом уже на сорок минут опаздываем! Ты достал меня уже!

— Сейчас, Юра, пять минут, — честно кивал чёрной копной волос Жора. — Почти закончил.

— Ты уже третий раз говоришь «через пять минут»! Я сейчас дыру в номере перепечаткой закрою!

Дитрикс отрешился от никчёмной дискуссии, показательно быстро застучав по клавиатуре.

— Будешь? — миролюбиво кивнул Стас красному лицу Крохалёву на шахматный столик.

На знаменитом столике кабинета шахматы покоились в закрытой доске, придавленные часами для блица. Зато на освободившемся пространстве красиво смотрелся натюрморт из бутылки водки, банки с маринованными огурцами, рюмок и бутербродов с колбасой.

— Буду, — Крохалёв налил себе и Кружкову, демонстративно проигнорировав Жору. — Номер, считай, уже сдали бы, если бы не отдельные писатели. Стасик, ты проследи — если он через пять минут текст не отправит, у меня есть чем полосу закрыть, клянусь. Давай.

Чокнулись, и ответственный за выпуск покинул скорбную юдоль грешников редакционной пунктуальности. Зато через минуту в кабинете возникли экономический обозреватель Геннадий Александрович Синюгин и корреспондент отдела спорта Лёня Груневич. У Лёни в руках была гитара, а у Геннадия Александровича пакет, в котором позвякивало.

— Чего у вас тут Крохалёв орал так, что в нашем конце коридора слышно было?

— начал выставлять на стол бутылки с закуской Геннадий Александрович.

— Жора сдаёт текст, — развёл руками Стас. — Не взыщите, у нас по-другому не бывает.

— Отправил уже, — счастливо потянулся Дитрикс. — Можете мне налить за это, бездельники.

— Тогда я девчонок позову из отдела культуры, — вскинулся боевым конём Груневич. — Они спрашивали про планы на вечер.

— Всенепременно, — утвердил перспективный план Геннадий Александрович.

— Со сдачей номера, коллеги.

Коллеги сдвинули рюмки и вечер из томного превратился в яркий и зажигательный. Как обычно в редакции.

Что с нами станется, что станется?

Я не хочу так рано стариться.

Газета новая верстается

и в ней выходит мой подвал...

Коллектив всегда именно эту строчку из финала «Песенки про облако» орал акцентированно и вдохновлённо. Жора чуть морщился от излишней экзальтации поющей публики, но не объяснять же ей в сотый раз, что газета здесь лишь мимолётная деталь суетности брэнного мира, о коей — суетности — он и придумал давным-давно эту свою песенку, которую хор уже завершал на задушевных пониженных тонах:

А я хотел, хотел быть олухом,
хотел всю жизнь бежать за облаком.

Но я прошёл сквозь это облако
и о другом затосковал. (*)

Стас Кружков выпил рюмку, честно заработанную стёртыми о струны пальцами, и хотел передать гитару Груневичу, но девчонки привычно заканючили: «Стасик, ну ещё одну, ну пожалуйста. Ну вот эту». «Вот эта» у них, конечно, была разная: Рита Белецкая хотела митяевскую «Тронется, ещё чуть-чуть и поезд тронется», а Маша Эклунд просила из Берковского про Марка Шагала. Репертуар Лёхи составлял Розенбаум за редкой примесью Высоцкого, а культурные девушки жаждали высокого штиля, чтоб душевно и про тонкие чувства. А тонкие чувства с охальником Груневичем никак не рифмовались, ну вот совсем.

Хорошо, Дитрикс выручил традиционным сольным номером. Как обычно, присел на стол, свесив одну ногу, и, прикрыв глаза, затянул коронное своим некрасивым хриплым тенорком:

Выгонит из дома жена.
Выйду. Подниму воротник.
Всё равно дорога одна.
Плюну и пойду напрямик.

Напрямик пойду по степи.
Далеко-далёко пойду.
Хорошо сорваться с цепи,
всё что хочешь петь на ходу.

И не видеть края земли,
И не видеть края судьбы,
где лобзают цепь кобели,
потому что духом слабы... (**)

Песенки свои Жора, не владея никаким музыкальным инструментом, просто придумывал из головы, потом напевал Стасу, тот раскладывал их на гитарные аккорды и запуская в широкие народные массы.

Так-то Дитрикс реально числился поэтом во всероссийской писательской организации и даже выпустил две тонкие брошюрки стихов на деньги шального кандидата в депутаты Госдумы — тогда, в начале нулевых, такие самородки ещё встречались на местном политическом поле, пока их всех не закатала в асфальт правящая партия с присными. Сам спонсор где-то сгинул в могильниках избирательной системы, зато его портреты остались украшать стихотворные сборники Георгия Дитрикса.

Но вот именно эту, про жену, цепь и степь, у Жорки получалось петь лучше всего самому, без гитарного сопровождения. И как-то все это право за ним безоговорочно признавали.

Жора допел и, соответственно, захотел водки. Всякое искусство должно быть вознаграждено — и ему не отказали в этом естественном желании. Пока Груневич подстраивал инструмент, Геннадий Александрович взялся подрезать на стол колбасы, а Рита и Маша сказали «мы скоро» и скрылись за дверью. — Почему женщины всегда в туалет ходят парами, кто-нибудь может мне рассказать? — спросил окружающий мир Дитрикс.

— Потому что все твари по паре, — убедительно объяснил Лёха Груневич и в свою очередь спросил Стаса. — Ты колонку свою сегодняшнюю с главным согласовал? Я прочитал в вёрстке, пока ждали, когда вас Крохалёв тут выдрючит и высушит.

— Крохалёв читал, — ответил Кружков. — А дальше мне пофиг.

— Рискованный текст, Стасик, — отвлёкся от стола Геннадий Александрович.

— Нарываешься. Сегодня ты против отмены прямых выборов мэров, а завтра потребуешь приговор Ходорковскому пересмотреть. Там же так рассуждают — ты мне поверь, я в этой газете одного первого секретаря обкома пережил и двух губернаторов.

Геннадий Синюгин рассуждал о последствиях завтрашней публикации для Стаса довольно ленивым, но хорошо поставленным голосом: тридцать лет назад он распределился после журфака на местное радио, откуда вскоре был сослан в печатный орган горкома партии за излишнее вольнодумство. С тех пор юный задиристый журналист переквалифицировался в матерого и осторожного ветерана пера местного значения — и то, в 52 года впору уже о душе думать, а не лечить язвы общества крепким печатным словом.

— Не нагнетай, Саныч, — отмахнулся Кружков. — Они, конечно, нормально так себе скатывались обратно в коммунизм, если не считать, в фашизм, но ведь 2009 год на дворе. Новый президент пришёл, порядок наводит. Оттепель у нас нынче, время возможностей. Если все молчать будут, тогда, конечно, страну в концлагерь закатают. Вот я и не собираюсь молчать.

— Это кого ты новым президентом считаешь, Плюшевого? — заржал Груневич.

— Он такой же президент, как я Эдсон Арантис ду Насименту. Или Пеле, если по-вашему.

— Это понятно, — согласился Кружков. — Но общий политический вектор сменился, новые люди потихоньку забирают власть у прежнего режима.

Недолго уже этой моли с прилизанной лысиной осталось, вот увидите.

Политический диспут прервали вернувшиеся девчонки и вместе с ними появившийся в дверях Толя Широков, виновато улыбающийся сквозь очки с треснувшим стеклом и распространяющий аромат давно немытого тела. Как всегда случалось с появлением Толяна, в кабинете возникла короткая неловкая пауза, прерванная красивым баритоном Синюгина:

— Здорово, Толя. Водку будешь?

— Всем привет, водку буду, — с охотной вежливостью согласился нежданный посетитель редакции. — Но не задаром, у меня подарок.

Толян пошарил рукой в грязной клеёнчатой китайской сумке, достал мятый бумажный рулон, развернул. Там оказался рисунок гуашью невнятного содержания.

— Вот, портрет неизвестной, — скромно признался художник. — Дарю.

Особого восторга никто не проявил, поскольку у каждого мало-мальского журналиста редакции валялись где-нибудь далеко на шкафу по три-четыре широковских живописи. Только добросердечная Маша Эклунд сказала: «Очень красиво, Толя. Я себе заберу?» Толя великодушно разрешил, выпил поднесённую рюмку, забрал у Груневича гитару и рухнул в продавленное угловое кресло.

Неизвестно как в столицах, а провинциальные редакции с лохматых советских времён были не только местом производства новостей, но и средоточием неформальной культурной жизни города. Стас ещё успел застать самый кончик

тех лет, когда по вечерам в редакционные кабинеты подтягивались вечно безденежные непризнанные поэты, гениальные в кругах своей мамы художники, неподцензурные барды и прочие представители ночной богемы городского дна. Значительная часть из них числилась в картотеках психиатрических лечебниц, но встречались и истинные творцы смыслов.

Тот же Геннадий Александрович Синюгин на заре своей журналистской юности был почти знаком лично с Аркадием Топиловым — тоже завсегдаем городской психушки, спившимся самородком русской поэзии, набрасывавшем свои строки во время подобных пьянок на небрежно выданных ему листках редакционной бумаги. Потом за этими случайно не выброшенными хозяевами кабинета в урну листками с топиловскими рифмами гонялись маститые литературоведы. Но это потом, уже когда Евгений Евтушенко включил несколько стихотворений Топилова в свою «Антологию русской поэзии XX века» и когда вышло несколько сборников автора, закончившего к тому времени свою жизнь проломленным черепом на ночной скамейке городского парка и похороненного в безвестной могиле для лиц без установленного места жительства.

Случилось это, правда, за несколько лет до явления Синюгина в местной журналистике, но поскольку его становление в профессии протекало в тех же редакционных кабинетах, с обитателями которых пил водку на короткой ноге легенда местной поэзии, то по прошествии десятилетий Геннадий Александрович по праву считал себя экспертом по Топилову и, в целом, хранителем традиций давно минувших дней, когда гении запросто ходили по редакциям, а водку можно было пить прямо с обеда, если сдал запланированный материал ответсеку. А то и с ним вместе.

Но взошли иные имена, пришли иные времена: с охранниками у входа в бизнес-центр (куда переехала газета из старого, доброго, безалаберного Дома печати), с модными кодовыми замками на редакционном этаже, с новым поколением непьющих и некурящих молодых журналистов. И лишь Толян Широков — ровесник Синюгина, некогда лидер неформального художественного объединения «Голос» и подающий надежды поэт в те древние времена — умел просачиваться со своего нынешнего дна в редакцию сквозь все охранные приметы текущего времени в надежде на рюмку водки и тридцать рублей на флакон боярышника.

Сейчас Широкову было тепло и уютно, он пытался потихоньку петь этим симпатичным людям July Morning и рассказывать о своей уникальной встрече с Кеном Хенсли, но его никто не слушал, и Толян немножко задремал.

Между тем, разговор за столом вдруг зашёл про него.

— Слушайте, мужики, вы зачем Широкова спаиваете постоянно? — кивнула на похрапывающего художника Ритка Белецкая. — Он же нормальный, тихий, талантливый. Если пить бросит, легко вернётся в человеческий облик. Зря вы так с ним. В общем, предлагаю за Толю.

За Толю, так за Толю. За что только не приходится пить в полдвенадцатого ночи. Но неожиданно Белецкую поддержал в её нелепом начинании слегка неравнодушный к Рите и вообще к людям Дитрикс.

— Согласен, человек слаб, а мы ему в этом помогаем, — Жора бросил короткий взгляд на улыбающуюся ему Белецкую. — Я лично Толяну больше не налью ни грамма и на фанфурик ни рубля не дам. Я очень строгий и справедливый. Рита ласково потрепала Жорку по его проволочной причёске.

— Ладно, тогда я тоже, — включился в соперничество за риткину ладонь Лёха Груневич.

— И я, — согласился с коллективом Стас.

Не то чтобы он нуждался в мимолётной ласке Риты Белецкой, но так-то она права, да и вообще все тут сегодня чудесные и замечательные люди, которые намерены сделать мир на капельку лучше. Творить добро всегда приятно и полезно, зачем же себе в этом отказывать?

Отказал в добре Геннадий Александрович:

— Эх, молодёжь, беспокойные сердца, — включил отеческую нотку Синюгин.

— Да разве вытащишь его вашими зарокми. Толя художник, он не потому пьёт, что алкаш, а от несовершенства окружающей реальности. Душно ему в ней, и мне душно, и каждому из вас. И дальше только хуже будет. Но мы не художники, мы толстокожие приспособленцы, а ему в этой духоте и гнили дышать нечем, вот он и пьёт. Ну и алкаш уже, конечно, — неожиданно завершил свой спич Геннадий Александрович.

А Маша Эклунд ничего не сказала, промолчала.

— Ну, давайте всё сваливать на несовершенство мира, — ожидаемо загорячился Дитрикс. — Вот конкретный человек, хороший человек. И не мир его толкает в пропасть, а мы, вот этими самыми руками, которыми потом тексты звонкие и праведные пишем. А на человека нам наплевать.

Рита накрыла рукой Жоркину ладонь и глядела на него уже откровенно влюблёнными глазами. А Маша Эклунд не глядела, и Стас вдруг выступил с опровержением.

— Насчёт окружающей действительности Саныч прав, тут и спорить не о чем. Ты же сам прекрасно видишь, что на дворе разгул коррупции, удушение прессы, гражданских свобод, цензура всякая, депутаты-дебилы, агрессия — вон хоть прошлогоднюю войну с Грузией взять. Вот и всё.

— Ну да, только это не отменяет, — сказал Дитрикс.

— А кто тут пять минут назад дифирамбы Плюшевому пел? — сказал Груневич.

— Ты бы всё же поаккуратнее держал себя в речах, Стасик, неровён час, — сказал Синюгин.

— Какие-то дураки вы все, — сказала Белецкая.

А Маша Эклунд ничего не сказала. И они все немедленно выпили.

«Это у нас с Жоркой разность жанров, — размышлял Стас, выискивая двумя пальцами в банке ускользящий последний корнишон. — Он социальный очеркист, у Жоры пунктик защиты маленького человека: то он за фермера вступится, у которого власть урожай, по сути, украла, то за деревенских, по чьим огородам газопровод проводить решили. И каждый день тут ходатаи со всей области, он их слушает, защищает. А я теперь колумнист-одиночка, мне больше глобальные проблемы интересны, потому что лишь в них кроется причина всех наших бед и несчастий. Даже вот, Толяновских. Шире нужно смотреть на мир, глубже... Хотя, умел же ведь я репортёром вгрызаться в частные проблемы? Умел. И сейчас, бывает, балуюсь: взять хоть этот репортаж со змеями...».

— А радио тут слушает кто-нибудь? — вдруг спросил компанию Стас Кружков.

— Ну, я в машине «Шансон» слушаю, — признался Лёха.

— А я «Европу-плюс», — сообщила Рита.

— Да нет, нормальное радио, где люди ртом разговаривают, а не поют, — настаивал Стас.

Все промолчали, а Маша пожала плечами.

— Тогда я вам расскажу про радио любопытную историю. Еду, значит, дней пять назад в такси с задания от университета, то есть, через весь город. А у таксиста радио, и не это ваше, а нормальное, разговорное, я такого уже сколько лет не слышал. Ну, идёт фоном и идёт, и вдруг оттуда приятный голос Геннадия Александровича, ага. И текст такой знакомый, про жизнь змей в одном сибирском городе, где открылся специальный серпентарий для получения яда в медицинских целях...

— А у нас выпить ничего не осталось? — вклинился Лёха Груневич.

— Да подожди ты, — не позволил сбить себя Стас. — И главное, это мой текст, мой репортаж, который вышел в прошлом месяце. Ничего не понимаю, как он на радио попал, почему его Саныч начитывает. Ладно, дослушал до конца: всё точно, буква в букву. И в финале: «Специально для радио «Маяк» Геннадий Синюгин». Подпись такая. Под моим текстом. Вот и вся история.

Все молчали, никто не смотрел ни на Стаса, ни на Геннадия Александровича. Синюгин откашлялся и сказал:

— Ты ошибся, Стасик. Бывает.

— Я? Я не узнал свой текст?

— Это бывает, — подтвердил Геннадий Александрович и растолкал спящего Широкова. — Вставай, Толя, пойдём. Поздно уже.

Толян оглядел стол с пустыми бутылками, огорчился, улыбнулся виновато и ушёл в ночь вместе с Синюгиным.

— Вы чего молчите-то, как пришибленные? — удивился Стас непонятному поведению коллег. — Он же и у вас всегда может текст украсть и выдать на радио за свой.

— Уже, — сказал Дитрикс. — Про собачьи бои.

— А у меня про премьеру в ТЮЗе, — сказала Белецкая.

— А у меня два хоккейных отчёта: с ЦСКА и «Динамо», — сказал Груневич.

— Ладно, пойдём, Рита, — сказала Эклунд. — Спасибо, Жора. Спасибо, Стасик.

— Я с вами, — сказал Груневич. — Пока, парни.

И все ушли, кроме Жорки, который в любом состоянии всегда был готов привести кабинет после гостей в более-менее благообразное состояние, чем и начал сразу заниматься.

— И почему вы все спокойно смирились с плагиатом? — устало спросил Стас.

— Водки точно не осталось?

— У вас останется, как же, — ответил Дитрикс. — А смысл? Ты же получил гонорар за свой репортаж? Получил. Ну и какая тебе разница, если кто-то ещё на нём заработает?

— Ну как, — не понял Кружков. — Это же нечестно. И вообще.

— Что вообще?

— Не знаю. Нечестный человек в коллективе — это всегда как-то не очень.

Важно понимать, что такой есть, появился.

Жора протёр уже чистый столик тряпкой, сел напротив.

— Смотри. Ты сколько, неделю уже ходишь с этим знанием? И всё это время нормально общался с Санычем, водку сегодня с ним пил. То есть, ты не пришёл сказать подлецу, что он подлец, а сделал вид, что ничего не случилось. А почему?

— Ну как. Он же нормальный мужик, Синюгин-то. Ошибся, с кем не бывает. Я и не хотел всё это вытаскивать на свет. Может, и забыл бы через какое-то время.

— И? Чего ты выложил-то всё это нам сегодня?

— Не знаю. Как-то хорошо мне с вами было. Вдруг захотелось предупредить, чтобы готовы были. Сразу всех. Сделать мир лучше и чище.

— Угу. Сделал себе красиво, молодец. А мог ведь сразу пойти к Саньчу и сказать всё ему в лицо, но наедине. Мог?

— Мог.

— Не пошёл?

— Можно подумать, ты пошёл.

Дитрикс одевался у вешалки. Накинул шарф, повернулся.

— Я пошёл. Сразу пошёл, ещё два месяца назад.

— Ну?

Жорка уже надел куртку, натягивал перчатки.

— Ну и всё. Признался Синюгин в плагиате, сразу признался.

— А почему ты мне сразу не рассказал?

— Я же не знал, что ты такой идиот.

— И как он тебе объяснил свою радиосамодеятельность?

— Просто объяснил. Жизнь вообще часто не такая сложная штука, как кажется. Жене Саньча нужна пересадка костного мозга. Операция, понятно, денег стоит. Ну и вот. Я почитал: там вариант почти нулевой, но надежду же у нас никто не отменял... Ты одеваться намерен, Стасик? У меня сегодня денег на такси нет, я тебя предупреждал.

И Стасик оделся. Деньги на такси у него были.

Глава 3. Хенсли

Утро не задалось. Да и жизнь не задалась, чего уж там. Но жизнь-то ладно, а вот левый бок сильно болел и дышалось как-то не очень. Пальцы правой руки тоже были не в форме: Толян лишь с третьей попытки удалось подцепить крышку чайника, чтобы налить в него воды из пластикового ведра без ручки. Ведро ещё в июне принесла и отмыла Валюха, а то бы пришлось сейчас идти с чайником через весь подвал до крана, да и тот ещё открой в нынешнем состоянии. Зато проводами в розетку Анатолий Владимирович Широков, ныне бомж Толян, попал почти сразу. Спираль плитки налилась кадмиевым красным, чайник зашипел водой на мокром днище. Толян выбрал из стеклянной банки бычок посимпатичнее, закурил, восстановил в памяти вчерашнюю печальную историю.

Ничего не предвещало. Август стоял отличный — ясный, нежаркий. В Центральном парке вечернее солнце нежно пробивало листву тополей тонким акварельным светом, когда Толян вернулся из аптеки на своё рабочее место. Выдвинул ножки этюдника, закрепил лист плотной бумаги, вынул из сумки коробку пастели. Аккуратно влил в организм флакон боярки. Жизнь заиграла всей своей весёлой палитрой.

Пачку пастельной бумаги ему подарил Андрей Старшинов. На прошлой неделе у него открылась персоналка по юбилейному случаю — Андрону стукнуло пятьдесят, и банкет обещал быть обильнее рядового. Тут всегда важно тонко рассчитать момент: на торжественной презентации объявляться смысла нет, нужно сообразить, когда уставшие от речей и телекамер живописцы с графиками поднимутся из выставочного зала Союза художников наверх в мастерские, к накрытому столу. И выждать ещё с полчаса, чтобы алкоголь освободил их души для прекрасных порывов, но и не затягивать: это же художники, они могут банкетный стол опустошить быстрее, чем исчезнет из

мусорного бака добротная шапка, выброшенная бывшим хозяином за немодностью.

Толян всё рассчитал идеально: и Андрюха сразу налил рюмку «собрату по ремеслу», и Валерка с Серёгой поговорили уважительно, и Сабантуй сходил в свою мастерскую и принёс старому товарищу очки взамен треснувших, с такой же диоптрией. И почти полную коробку пастели подарил, пьяная татарская морда. Нет, это он удачно тогда к Андрону заглянул. Бумага, опять же. Свой старый пиджак ему отдал по весне Генаха Синюгин, чтобы Толян выглядел представительнее, а не типичным бомжом интеллигентного вида. С нынешней своей ипостасью Широков давно уже смирился, но работа требовала мало-мальской презентабельности, так что пиджак пришёлся как нельзя кстати. Рукав вот почти оторвался вчера и пуговиц, считай, не осталось. Хороший пиджак был, да.

А старенький этюдник у него оставался свой, ещё со старых добрых худграфовских времён. Последнее движимое имущество в личной собственности.

С таким солидным арсеналом средств Толян успешно легализовался на скамейке в парке и три минувших дня рисовал портреты отдыхающих. Чаще всего родители уторкивали перед ним своих чад, которым было скучно сидеть ровно неизвестно зачем, когда вокруг качели, карусели и сладкая вата. Но Толян когда-то преподавал в художке, разговаривать с детьми умел. Да и рисовал он быстрыми уверенными линиями с лёгкой тонировкой светотени. Почти все оставались довольными — неизвестно, портретным ли сходством, скоростью исполнения или дешёвизной конечного результата. Только одна мамаша в ядовитом зелёного кобальта жакете сказала, что платить за такое искусство не станет, потому что сама лучше нарисует. Толян не стал спорить, пусть рисует. Но впустую использованного андрюхиного листа было жаль. Ничего не поделаешь, издержки профессии.

В самом начале трудового пленэра подгрести менты: чо да как, где лицензия, тут общественное место, всё как обычно. Но Толян сунул им бумагу, подписанную директором парка, о том, что он свой, ему можно. Документ Синюгин подогнал — он недавно делал материал о планах возведения в парке суперсовременного колеса обозрения, заодно выправил нужную бумажку, дай бог Генахе здоровья и гонораров хороших.

И главное, день-то неплохо складывался, да что там — отлично просто. Рублей триста шевелилось вечером в кармане у Толяна от щедрот ценителей искусства портрета. Ему бы свернуться пораньше да пойти в Верхний гастроном за хлебом и печёночной колбасой, как собирался. В сумке уже лежали к закуске четыре флакона боярышника — отличные перспективы на вечер у них с Валюхой открывались, да куда там.

Сопляк этот ещё после обеда подрисовался: ну чо, мужик, как башляют? сколько возьмёшь меня запечатлеть? полтинник? Нет, дорого просишь. Может, вечером с пацанами придём, у них деньги водятся.

Толяну бы сразу сообразить, куда он базар ведёт, но кто ж после боярки сразу соображает.

Разморило его на предзакатном солнце, тепло было на душе, благостно.

Собрался домой (ну как, домой) уже в сумерках. Шёл по опустевшему парку, свернул на тропку к гастроному — и на тебе, быстрые шаги за спиной, голосок этот сопливый: «Не спеши, дядя, разговор есть». Рванул Толян с места, но навстречу из-за кустов сразу ещё трое выросли. Только очки в кулаке зажать и

успел, чтобы не раскоцали. Подловато били: сверху уже лежащему на спину прыгали каблуками, кисть расплющили, ну и в лицо башмаками, как без этого. Очнулся — ни денег, ни боярки, ни этюдника. Бумагу разбросанную подобрал, мелки пастельные собрал, какие нашёл в траве, — и прямым к себе в подвал. Валюха обматерила, конечно, но отмыла, примочки на лицо сделала, спать уложила. Скоро вернётся уже, наверное, с утреннего обхода мусорных баков. Вечером промышлять невыгодно: уйдёшь, а потом жильцы чего-нибудь полезное выкинут. Да и в принципе большинство утром мусорные пакеты выносит, по дороге на работу. Тут важно успеть, конкурентов немало в округе на готовенькое. Ничего, придёт Валюха, еды какой-никакой принесёт, а тут уже и чайник горячий.

Но дышать пока легче не становилось, и рёбра как-то неправильно себя вели. Толян с трудом прилёг на низкий топчан, сообщил фотографии на стене напротив: «Ничего, Кен. И хуже бывало».

Любимая группа толяновской молодости UgiaH Heer заехала с концертами в Сибирь лет десять назад, когда у Широкова ещё были остатки квартиры и относительно приличные джинсы и свитер. Из легендарного состава в группе, понятно, остался один лишь безоговорочный лидер Кен Хенсли, подписавшийся на обычный для тех времён чёс по России многочисленных западных закатившихся рок-звёзд. Но Толяна нюансы не интересовали: он мечтал вживую услышать, как Хенсли исполняет *July Morning*, *Lady in Black* и *Easy living*. Свитер у Толяна ещё был, а денег на концерт уже не было, и он пошёл в редакцию в тусклой попытке попытаться разжиться нетрудовым доходом на святую цель. Там, как обычно по вечерам, пили водку, и юный Стасик Кружков легко отдал Широкову своё персональное приглашение на освещение гастрولي UgiaH Heer, потому что его, как музыкального критика молодёжной газеты, и так везде пропускают, а если можно сделать человеку доброе дело, то такой шанс упускать никогда нельзя.

Перед концертом Хенсли давал пресс-конференцию. Стасика не наблюдалось, а другие местные журналисты спрашивали всякую муть: как вам наш город? понравились ли сибирячки? какую книгу сейчас читаете? Кен вежливо улыбался, переводчик откровенно скучал. И тогда Толян смело отобрал микрофон у задавшего очередной дурацкий вопрос корреспондента, дождался завершения ответа Хенсли и спросил по-английски: сколько раз Кен пожалел об увольнении из группы Дэвида Байрона? Фронтмен UgiaH Heer, услышав фамилию Вугон, впервые оживился, но больше ничего из толяновского английского не понял. Переводчик попросил повторить вопрос по-русски, Толян повторил, тот более внятно растолковал Хенсли суть, и Кен разразился десятиминутной речью о том, что он жалел об этом всю свою жизнь, но Дэвид всех уже достал тогда своим алкоголизмом и, вероятно, нужно было помочь человеку, а не выгонять его из группы, которая быстро без Байрона покатила к своему закату, и что он неоднократно предлагал Дэвиду вернуться в состав, но тот гордо отказывался, а потом взял и помер, и Хенсли очень, очень об этом сожалеет. «Вы удовлетворены ответом?» — перевёл толмач последнюю фразу Кена. «Йес, о'кей», — сообщил Толян. А Хенсли ему подмигнул и показал большой палец. После пресс-конференции Широков ещё два часа болтался по цирку, опасаясь, что если покинет эту довольно странную для концерта легендарной английской группы площадку, то потом может и не попасть на собственно само выступление — вон тут сколько ментов сегодня, мало ли. С арены глухо

доносились звуки подстройки инструментов, микрофонов и аппарата, долетали обрывки английской речи, и Толян ощущал внутри лёгкую дрожь прикосновения к прекрасному, которая требовала в организм дозы алкоголя, но взять его в цирке было негде.

Наконец открылись двери для публики, зрительные ряды быстро заполнились немолодыми фанатами классического рока 70-х — и понеслась душа в рай. На финальном хите Lady in Black Толян обнаружил себя стоящим среди прочих экзальтантов у самого подножия сцены и подпевавшим Хенсли во всё горло. В том самом месте, где смолкает звук инструментов и остаётся только вокал, Толя от избытка чувств крикнул «Ken, you are my God!». Удивительно, но Хенсли его услышал, подошёл к краю сцены, протянул руку и выволок Толяна вверх. И они вместе в один микрофон пели бессмертные слова «у-уу-ууу-ууу-у-ууу-ууу», пока не закончилась песня и, соответственно, концерт.

Потом Широков вдруг оказался в гримёрке музыкантов, где впервые попробовал виски. И не один раз. Чуть позже там появились Стасик вместе с фотографом Андреем Кудриным. Устало сидящий с сигаретой на столе с закусками Хенсли сразу преобразился, выстроил перед камерой переодевавшихся из концертного в нормальное и оттого полуголых музыкантов. Все кривлялись, обнимались, Кен втянул в эту сумасшедшую орбиту Толяна — и Кудрин сделал серию фантастических кадров, попавших позже даже в зарубежные музыкальные издания.

И теперь Кен Хенсли на фотке Андрюхи Кудрина обнимающий Анатолия Владимировича Широкова за плечи, смотрел с ржавой кирпичной стены ему в глаза и как бы соглашался: «Да, браза, прорвёмся. Всё образуется».

Наконец, вернулась Валюха — хорошая баба, проделавшая обычный путь из инженеров сюда, в подвал. Нет, поначалу она, конечно, держалась, подобравши однажды Толяна на вокзале и пригревши его у себя дома. Потом потеряла работу, устроилось кондуктором в ПАТП, но после трёх жалоб пассажиров за алкогольный запах и не слишком цензурное поведение уволили и оттуда. Женщины вообще спиваются быстрее и качественнее мужиков.

Зато теперь у них с Валюхой вот уже третий месяц есть свой подвал в старой двухэтажке на шестнадцать квартир. В новых больших домах давно нет никаких подвалов, да и вычислили бы их там в два счёта. А здесь вход отдельный, заросший кустами сирени за покосившимся палисадом. Ну и жильцы дома в большинстве своём вели малоотличный от обитателей подвала образ жизни. То есть, кто-то может и подозревал или даже знал о поселившихся в подвальном помещении паре бомжей, но за вечерней бутылкой под телевизор информация быстро забывалась, да и призывать ментов наводить порядок считалось у местных жителей делом малопочтенным, мягко говоря. Толян давно понял, что в этой жизни держаться лучше ближе к беднякам, чем к успешным со всех сторон гражданам. Последние как-то подлее оказывались по жизни. Хотя и не все, конечно, не все.

— Ожил, бармалей? — Валюха ощупала подбитым глазом скорбную фигуру.

— Там чай горячий, — не стал отвечать по существу Толян. — Поправиться бы чем, а?

— Где я тебе возьму? — резонно заметила подруга жизни. — Коньяк в мусорку выбрасывать дураков нет. Вон, печенье бери к чаю, вареньем они его, что ли, залили, выкинули. Селёдка под шубой, почти целый контейнер, хлеб ещё, только плесень с горбушки сейчас срежу... Сильно болит-то?

— Да не то что сильно, воздуху чего-то не хватает. Одышка вдруг ни с того ни с сего.

— Знакомое, — согласилась Валентина. — Было так у меня с утра пару раз. Тут единственное средство — боярка. Флакон — и как рукой снимет. Сходи на маршрут, может выручит кто, а то пропадёшь здесь ни за грош.

Толян понимал, что каждый человек кузнец собственного счастья и настроения, но тело ныло, как будто его пропустили через бетономешалку. И тело, и жизнь, и вообще. Вспомнились строфа из давней подборки его стихов в «Юности Сибири»:

Пероральный смог поражает мозг
Перепадами настроения...
Перезревший сок, перегретый воск,
Перебитое поколение.

Не то чтобы Толян считал свою нынешнюю персону прямо вот типичным представителем своего поколения, но перебитым вполне себя ощущал. И крепко так перебитым. Во всех смыслах.

Кое-как поднялся с топчана, глотнул чаю, попробовал печенье — нет, ничего не лезло в поломанный организм. И впрямь пора выходить на маршрут, Валентина дурного не присоветует. Толян открепил от стены легендарное фото с Кеном Хенсли, положил в карман пиджака. Валюха неодобрительно покачала головой, но ничего не сказала.

Маршрут Толяна был известный, отработанный годами: Дом актёра — Союз художников — редакция. В Доме актёра с утра делать нечего, в тамошний ресторан работники сцены подтягивались после спектаклей, ближе к ночи. Сам кабак для Толяна давно уже был закрыт по личному распоряжению нового владельца ресторана Ашота Геворговича, сразу пресёкшего подозрительные передвижения от столика к столику грязноватого мужика в очках на резинке, пусть, по всему, и не чуждого местной публике, но оскорбляющего своим видом храм высокой культуры питания и отдыха. Это ничего, всегда можно пофланировать у входа в надежде на встречу с народным артистом России Пашкой Щукиным или с осветителем Ромой Лацисом, они редко отказывали Толяну в невеликой просьбе, а с другими — как повезёт. Ну, этот вариант, как уже было сказано, придётся отложить до более поздних и лучших времён. Союз художников от логова Анатолия находился дальше, чем редакция, уже несколько лет как съехавшая из Дома печати, переданного региональным правительством под солидные структуры федерального значения. Но Толян по-прежнему считал её средоточием журналистской мысли этого богоспасаемого городка, поскольку лишь мыслящие люди способны оценить в небольшую сумму прежние заслуги бывшего не последнего человека местного культурного фронта. В СХ, конечно, встречаются, как правило, получше, но и в редакции полно приличных людей, хоть того же Синюгина возьми. Да и боялся Толя просто не дойти до Союза в своём нынешнем вынужденно трезвом состоянии: одышка заставляла останавливаться каждые пятьдесят метров и каждый шаг отдавался глухой болью в рёбрах.

У торгового центра «Кармен» дышать совсем стало невозможно и Толян опал на первую подвернувшуюся скамейку. Сердце молотилось, как барабаны Ли

Керслейка в альбоме Demons and Wizards, рот хватал пустой и ненадёжный воздух, но постепенно организм всё же отдышался до относительно адекватного восприятия окружающей реальности. Сил пока хватало лишь на созерцание окрестных табачных, газетных и пищевых ларьков. Спасительной аптеки с боярышником поблизости не наблюдалось, да и что в ней делать без копейки в кармане? Нет, всяко нужно добрести хотя бы до редакции, где если не нальют с утра, то хоть подогреют тридцатником на боярку, потому что без неё реальные вилы приходят, любой доктор подтвердит.

Давно, в прошлой жизни, был у Анатолия Широкова постоянный покупатель Ян Луковников, главный врач первой фешенебельной частной клиники в городе. Тогда Ян строил первый свой загородный дом и мечтал там собрать коллекцию современного русского искусства. Собирал он её бессистемно, ориентируясь, в основном, на газетные публикации о героях местного постмодернизма. Скупал и скульптуры гениального Куприлича, и всякую дрянь графика Долинкина или, прости господи, живописца Сток-Лакмусова.

Дрянь-то, конечно, дрянь, но ведь и сам Широков выставлял Долинкина и Стока в своей галерее «Май», когда стало понятно, что исключительно на талантливых работах единомышленников из творческого объединения «Голос» нормальный арт-бизнес не построишь. Он уже готов был и оленей у озера продавать, и лебедей на пруду, и матрёшек в ушанках, лишь бы выбраться из долговой ямы, которая методично всасывала машину, квартиру и в целом, жизнь. Насос вовсю работал, но Анатолий этого пока ещё не осознавал.

Пока ещё его принимали в лучших домах, вроде дома Яна Луковникова, раз в полгода заглядывавшего в галерею и скупавшего по четыре-пять работ.

Широков старался всучить коллекционеру лучшие произведения своих друзей из «Голоса», старательно уводя его от немногочисленных выставленных собственных картин, но Ян неизменно приобретал одну работу владельца галереи (обязательно из последних по времени, чуть более ранние игнорировал) и ещё нескольких других авторов: всё больше из числа бездарей, но хозяин, известно, барин. Нет, случилось бы тогда в городе хотя бы пара десятков таких коллекционеров, глядишь, и вывезла бы кривая Толяна если не наверх, то хотя бы куда-нибудь вбок, а не на сегодняшнее дно, но чего уж теперь.

Так вот, доктор Луковников, выпивая с Толяном после очередной сделки в модной галерее привезённое с собой красное вино какой-то суперпунктовой марки, любил повторять: «Искусство, Толя, как и здоровье, не купишь. Но чтобы в этом убедиться, нужно пробовать купить. Нужно пробовать, Толя». Хрен с ним с искусством, здоровья бы сейчас прикупить: цена-то ему — всего один флакон боярышника. Два, конечно, лучше, но это уже будет не для здоровья, а для настроения. Это потом, после здоровья. Ладно, одышка вроде прошла, нужно вставать и двигаться вперёд и только вперёд. Цель, как говорится, оправдывает средства.

И пока Толян собирался с духом встать и идти к намеченной цели, у торгового центра нарисовалась знакомая фигура Стаса Кружкова.

Одет был Стасик в легкомысленные шорты и направлялся к ларьку с мороженым в сопровождении женщины в лёгком платье сложного оттенка охры и мальчика лет семи, вооружённого пластиковым автоматом модели АК-47.

Организм подсказывал, что нужно немедленно попросить у старого знакомого тридцать рублей на аптеку, но ситуацию осложняли присутствовавшие женщина с мальчиком — семья, как верно определил Толян. Одно дело подойти

в сегодняшнем внешнем виде на улице к Стасику, и совсем другое — предъявить себя в качестве приятеля мужа стасиковской супруге: тут есть нюанс и не один.

Пока внутри Анатолия одышка боролась с врождённой деликатностью, Кружков сам заприметил сидящего на скамейке Широкова и уверенно подвёл к нему домочадцев.

— Привет, Толя, — поздоровался отец семейства. — Знакомься: жена Вера, сын Антошка.

— Пойдём копать картошку? — нашёлся Широков.

Пацан смущённо спрятался за маму, жена Стасика смотрела ровно, сказала:

— Очень приятно.

— Анатолий Широков, — дополнительно рекомендовал Толяна Стас. — Очень известный художник, отец-основатель, можно сказать, нашего здешнего постмодерна.

— Да, я помню фамилию, — благожелательно кивнула Вера. — Мы за мороженым пока отойдём с Антошей, да? Приятно было познакомиться. Вера с сыном пошли к ларьку, Стас присел на скамейку рядом с Широковым, приятно удивлённым вполне отважным поступком Кружкова: обычно даже хорошие знакомые старались обводить стороной от бомжа своих спутников, если встречали Толяна в людном месте. А Стасик вон какой чёткий, впрочем, он никогда и не давал повода в себе усомниться.

— Тебя в редакции за такой наряд не гоняют? — начал издалека разговор экс-галерист.

— Так суббота сегодня, выходной, — объяснил Кружков. — На дачу вот к матери собрались.

— Дача, это хорошо, — согласился Анатолий, у которого никаких дач отродясь не было.

Скучное чередование выходных и будних дней тоже давно осталось в прошлом. Соображение том, что люди отдыхают в субботу и воскресенье, а в остальные дни зачем-то работают, было для Широкова лишним знанием, которое иногда оборачивалось неприятным открытием. По всему выходило, что в редакцию он двигался совершенно напрасно, а нужно было сразу направляться в сторону Союза, где художники традиционно не чтут воскресных дней и даже чаще в выходные соображают между мастерскими на предмет выпивки.

Зато вот сейчас прямо здесь сидел Стасик, как абсолютно реальный шанс на спасительный флакон боярки. Мало того, он и сам всё понял:

— Что, Толян, совсем лихо сегодня? Видок у тебя, краше в гроб кладут.

— Лихо, — не стал спорить Широков. — Прямо вот совсем лихо, Стасик.

К скамейке вернулись Вера с Антошкой, протянули главе семейству и Анатолию по эскимо.

— Спасибо, — растрогался Толян.

— Мы едем? — уточнила у супруга Вера.

— Езжайте сами, — решил Стас. — У тебя же права с собой? А я чуть позже на такси приеду.

— Ладно, — легко согласилась Вера. — Рыбу купить не забудь, Елена Дмитриевна просила. Всего доброго, Анатолий. Пойдём, Антоша.

Парнишка неожиданно сунул Толяну свою крохотную ладонь. Широков аккуратно пожал её двумя непослушными пальцами, стесняясь грязных рук. Женщина с мальчиком ушли в сторону автопарковки.

— Ты ешь мороженое-то, растает, — Кружков развернул своё эскимо, затем помог справиться с обёрткой из фольги Анатолию.

Вкуса мороженого Толян не ощущал, только чувствовал приятный холод во рту.

Приступил к главному:

— На фанфурик бы мне. А, Стасик?

Стас долизывал эскимо, молчал. Потом спросил:

— Ты давно ел?

— Вчера утром, — подсчитал Толян.

— Пошли, — встал со скамейки Кружков.

Они не торопясь, сообразно состоянию Широкова, добрались к шатру шашлычной на другой стороне площади торгового центра, разместились за столом, покрытым липкой клеёнкой.

Стас сходил до стойки, вернулся с двумя порциями люля-кебаба и стаканчиками с кофе. «Люля, не шашлык, — отметил про себя Анатолий. — С моими пятью зубами твёрдое мясо не прожевать. Молодец, Стасик, понимает». Есть не хотелось, Толян перетирал жареный бараний фарш дёснами из чистой вежливости и в надежде на скорейшее улучшение здоровья через вспомоществование Стасика Кружкова.

— В общем, денег я тебе, Толя, не дам, — спокойно сообщил журналист. — Давай-ка ты, брат, берись за ум, а то ведь ничем хорошим это не закончится. Зимой ты от нас, помнишь, с Синюгиным ушел? Наутро тебя из ментуры пришлось вытаскивать. На майских тебе Дитрикс два флакона в аптеке взял — так потом шпана какая-то тебя отхайдокала.

— Так это ж они сами, я мирный, никого не задеваю никогда, ты же знаешь, — пытался ухватиться за последнюю соломинку сострадания Толян. — Совсем плохо мне, веришь, нет? Последний раз, Стасик, а?

Кружков допивал кофе, не слушал.

— Сделаем так, Толя, — решительность Стасика была безгранична. — В понедельник приходи в редакцию — я тебе свою старую джинсовую куртку принесу, она нормальная, крепкая. С парнями поговорю, они ещё чего из одежды подгонят. А главное, давай, Толян, заляжешь-ка ты в наркологию, я договорюсь на неделю, примут как родного. Подлечишься, потом в приют для бездомных пристроим, а там как-нибудь выкарабкаешься уже и сам потихонечку. Да?

Толяна всегда радовали перспективы возвращения в человеческую жизнь. Он себе их ещё и не в таких радужных красках рисовал после двух, а лучше трёх флаконов аптечной настойки. Но пока не наклёвывалось даже и одного.

— Конечно, Стасик, обязательно. Только сейчас на боярку дай, пожалуйста. А в понедельник я у тебя, как штык.

— Вот и хорошо, вот и договорились.

Стас ещё раз сходил к шашлычнику, вернулся с пакетом, вручил Анатолию:

— Держи. Здесь лагман, люля, салат из капусты, хлеб, сигареты. А мне пора, на даче заждались.

— Спасибо, Стасик. Пива хоть возьми мне, а?

— Нет, Толян. Начни с малого, а дальше жизнь сама поможет, вот увидишь.

Стас хлопнул Толю по плечу и растворился в тёплом августе, как его и не было. Только пакет с праздничным продуктовым набором для Валюхи остался на столе. Хороший парень, Стасик, добрый. Теперь осталось добраться до Союза художников, там никто и никогда не задавался целью вытащить Широкова с его глубин нынешнего бытия. Там точно нальют.

Толяна хватило шагов на тридцать, до недалёкой лавочки в слабой тени юных клёнов. Когда-то здесь росли мощные, в два охвата деревья, заносившие в июне окрестные улочки настоящей метелью тополиного пуха. Но в рамках борьбы с аллергией населения городская власть искоренила старые тополя как класс. А жаль, Толя любил приходить в эту тенистую аллею с женой Любой и маленькой Дашенькой задолго до того, как суд лишил его родительских прав, а супруга и выросшая дочь, устав его ненавидеть, уехали жить в немецкий город Аахен. Сабантуй лет пять назад выставлялся в Германии, привёз оттуда весточку, что у Широкова растут два внука, имена которых татарин не запомнил. Ганс, наверное, и Фриц, какие ещё у них там имена могут быть. Внуков Толян никогда не видел, даже на фотографии.

Одышка чуть отпустила, но сердце выскакивало из груди, и Толя решил успокоить его сигаретой из подаренной Стасиком пачки. Попросил прикурить у проходящего мимо курсанта, тот брезгливо сунул ему в руку коробок спичек, пошагал дальше.

Дым зашёл не в то горло, Толян закашлялся, боль в груди не давала шанса на глоток воздуха, но он пытался, пытался, пытался. Внутри зазвучала пронзительная мелодия July Morning. Толян хотел сказать: «Кен, ты попутал: сейчас не июль, а август». Но не успел.

Картины прошлой жизни начали одна за другой наплывать на Анатолия Владимировича Широкова сквозь яркий, но мягкий свет, опустившийся на окрестные клёны и скамейки. Исполнены эти картины были жёсткими, плотными пастозными мазками. А потом свет закончился.

Студентка второго курса худграфа Саша Стеценко договорилась встретиться у «Кармена» с подружкой Олей в десять утра, чтобы потом идти на пляж. Оля, как обычно, опаздывала, Саша читала скучную книжку писателя Оруэлла «1984», когда на скамейку напротив присел старый бомж в очках и грязном пиджаке с полуоторванным рукавом. Мимо проходил симпатичный курсант военного училища в форме приятного оттенка сепии, успевший бросить на Сашу неравнодушный, если верить женской интуиции, взгляд, но бомжара со своей скамейки прогнусавил: «Молодой человек, прикурить не будет?». Курсант — молодец какой! — не прошёл мимо опустившегося старика, дал ему спички, сказал: «Оставь себе». И пошёл дальше, как будто ничего личного между взглядами его и Саши за секунду до того не было.

Девушка ещё смотрела в спину привлекательного начинающего военного, когда услышала сдавленный хрип. Бомж напротив закатил глаза, дёргался плечами, вокруг его губ запузырилась пена. Только что прикуренная сигарета дымилась на асфальте. Потом старик завалился на бок и прекратил хрипеть. Саша сорвалась со скамейки, добежала до людной остановки «Торговый центр», где в фанерном стакане с окошком всегда сидели менты, обычно следящие за криминальным распитием пива молодёжью в сквере.

— Там человеку плохо! — застучала в стекло девушка. — И он, кажется, умер.
— Где? — лениво отозвался сержант со скошенным вниз подбородком, очень несимпатичный.

— Там, в сквере, — махнула рукой Саша.

— Ну пошли, покажешь, — двое вышли из будки: один мент закрывал её на ключ, сержант выжидательно смотрел на Сашу.

— Некогда мне, — отрезала студентка. — Там четыре скамейки всего, не заблудитесь.

Тут очень вовремя вышла из автобуса Оля, сразу оценила ситуацию, начала резко, без вежливых вступлений:

— Так, что у нас тут? Превышение власти сотрудниками полиции? Саша, ты адвокату уже позвонила?

— Ладно, идите отсюда, — потерял к ним интерес сержант.

Означенная гражданкой фигура действительно лежала на скамейке. Субботние люди равнодушно шли мимо. Младший сержант поискал пульс, сказал:

— Отмаялся бомжик.

— Документы посмотри, — распорядился старший. — А в пакете что?

— Еда, вроде свежая.

— Ладно, оставь.

— Нет документов, — обыскав карманы пиджака, доложил младший. — Только фотография какая-то.

Посмотрели: на фото скалились в камеру какие-то старые патлатые мужики неприглядного вида.

— Это не он? — ткнул младший сержант пальцем в очкарика, обнимавшегося в центре снимка со стариком без рубахи. Коллега сравнил изображение с лицом свежепреставленного покойника.

— Хрен пойми, вроде похож, — не стал спорить старший сержант и констатировал. — Долбоёбы какие-то. Ладно, вызывай труповозку... Проходим мимо, граждане!

Известное дело, где полиция — там сразу и любопытствующие. Младший связывался с дежурным, но пока ещё спецтранспорт приедет, замучаешься зевак отгонять. И старший вновь повысил голос:

— Проходим, проходим, не стесняемся! Тут вам не цирк.

Глава 4. Крым

Арендованная Жорой Дитриksom квартира находилась в Печерске, на Госпитальной улице. Удобно — до Крещатика пять минут прогулочным шагом мимо Бессарабского рынка. Там, на рынке, Жора сразу купил украинскую симку в телефон, поудивлявшись, что никто никакого паспорта для этой процедуры не потребовал. А потом вернулся на Госпитальную и проспал до вечера.

Самолёты на Москву из Сибири улетают рано и вставать пришлось в четыре утра. Приземлившись в столице и добравшись из Домодедово во Внуково, Дитрикс сразу прошёл границу, чтобы спокойно дожидаться в транзитной зоне своего борта на Киев. И тут во весь рост встала засада — в полном соответствии с новомодными тенденциями во Внуково нельзя было курить вообще. То есть, не было даже ядовитого стеклянного помещения, как в Домодедово, где могли отвести душу и лёгкие пассажиры табачной ориентации. Здесь же и близко ничего подобного не наблюдалось, а на улицу обратно из-за пограничного поста не выйдешь.

После пяти часов вынужденного здоровья Жора настолько озверел от никотинового голода, что весь полуторачасовой полёт до Киева представлялся ему побегом из рабства в царство свободы и равноправия. Но украинская свобода не приняла его радостно у входа, и лишь отстояв сорок минут на паспортном контроле в Жулянах и небольшую очередь в обменнике за

гривнами, Дитрикс, наконец, выбрался на улицу и попросил разрешения у встречающего водителя выкурить пару сигарет, прежде чем ехать в город. «Да легко», — согласился водила (за тройной-то счётчик с приезжего лоха, как позже случайно выяснил Жора).

— Это что? — уже на выезде из аэропорта они проезжали мимо поста ГАИ (или как там зовётся госавтоинспекция на Украине), обложенного до середины окон мешками с песком.

— Оборону держать, — саркастически заметил водитель. — Как только стрельба в центре началась, всех гаишников с улиц как ветром сдуло. Вчера только обратно появляться начали. Но не здесь.

У поста действительно не наблюдалось ни движения людей с полосатыми жезлами, ни милицейских машин.

А так в Киеве было очень приятно: по-весеннему тепло, уютно после сибирского снега, на газонах проглядывала яркая молодая трава. До сегодняшнего дня в украинской столице Жоре бывать не доводилось — только в Харькове случалось, но это когда ещё было.

Водитель киевской конторы по сдаче жилья внаём, где по интернету арендовал квартиру Дитрикс, довёз его до нужного адреса, провёл на лестничную площадку, открыл дверь, показал апартаменты, сообщил, что курить можно на балконе, но если лень, то и в форточку, рассказал, где Бессарабский рынок, чтобы купить сим-карту, и вежливо откланялся.

Так завершилась вводная часть экспедиции Жоры в мятежную Украину, где три дня назад победивший Майдан выгнал президента Януковича из резиденции на Банковой к херам собачьим.

Проснулся гость украинской столицы, когда почти стемнело. Хотелось есть и уже работать, потому Дитрикс быстренько оделся и отправился в обзорную экскурсию по окрестностям.

Сразу за углом в соседнем доме нашлось кафе тайской кухни. Ценник там оказался более чем милостив для общей суммы командировочных, выделенных Жоре от щедрот гендиректора издательского дома «Сибирский телеграф» Наримана Темуровича Лазгина. Доллар в России стоил что-то около 35 рублей, и в переводе на гривну и без того немалая сумма командировочных расходов превращалась здесь в зарплату олигарха мелкой руки. Потому Жора позволил себе не только роллы и какую-то чертовски острую рыбу, но и сто пятьдесят украинского коньяка «Чайка», который ему уверенно порекомендовал официант в некоем подобии фартука и головного убора тайского общепита, но совершенно рыжий, с россыпью веснушек на профессионально улыбчивом лице. Отужинав, Дитрикс наконец добрался до Крещатика уже фактически ночью. Главная улица мировых новостей последних недель выглядела не то чтобы сюрреалистично, но вполне себе отдельно от мирного европейского города, начинавшегося буквально в паре сотен метров от входной баррикады с остовом полусгоревшей пожарной машины. Дальше на широченной улице-бульваре тянулись ряды больших армейских палаток с персонифицирующими надписями на них «Харьків», «Житомир», «Дніпро», «Донецьк». У железных бочек с огнём грелись люди.

Жора прошёл мимо нескольких палаток, набираясь решимости подойти и заговорить со вчерашними повстанцами, памятуя, что здесь обязательно полно бандеровцев вообще и страшных «правосеков», в частности, которым русского человека оскорбить и унижить, что салом горилку закусить. Наконец, выбрал

бочку у палатки «Івано-Франківськ», где маячили две или три тени. Подошёл, протянул руки к огню. Тени, оказавшиеся пацанами 18-20 лет, молча подвинулись.

— Вечер добрый, — поздоровался Дитрикс.

— І тобі добрий вечір, — вежливо-равнодушно ответили молодые люди в джинсах и армейских бушлатах.

Пока Жора собирался задать начальный профессиональный вопрос, парень с длинными волосами, стянутыми сзади в неаккуратный хвост, спросил первым, в глаза не глядя:

— З Росії?

— Оттуда, — не стал спорить Жора, уже отчего-то понимая, что сразу за это его бить здесь не станут. — Журналист. Хочу вам несколько вопросов задать.

— Ну питай, журналіст.

Не сказать, чтобы с особым воодушевлением, но и без малейшей агрессии парни рассказали, что сами они из Ивано-Франковска, на Майдане уже почти два месяца. В самые горячие дни тоже были на баррикадах, как и все здесь. Петро, вон, бутылки коктейлем Молотова заправлял, а у Василя охотничья двустволка двенадцатого калибра с картечью — ему батька дал, когда они в Киев собрались. Нет, стрелять не стрелял, но если бы титушки на штурм пошли — ни на секунду бы не задумался. За что они здесь стояли? Так за свободу, за что ещё. Чтобы власть эту воровскую прогнать, и чтоб никто обратно нас в Россию не тянул, как Янукович. При всём уважении к присутствующим. Сам-то журналист из Москвы, наверное?

«Нет, из Сибири», — ответил Жора и сразу почувствовал некоторое изменение в настроении собеседников: чуть расслабившиеся позы, едва заметное потепление у глаз. «У меня дед в Сибири в ссылке был десять лет, — сообщил, по-прежнему глядя в огонь, невысокий хлопец с татуированными перстнями на пальцах. — Нормальные там люди, рассказывал. Помогали чем могли. Где-то под Абаканом они жили».

Дитрикс спрашивал по-русски, собеседники отвечали по-украински: то ли намеренно не желали переходить на имперский язык, то ли просто не владели московской мовою. Но понимали они друг друга прекрасно, разговор был взаимоуважительным. Молодые люди позволили себя сфотографировать и распрощались по-доброму, за руку. Уже простившись, Жора вспомнил важное: — Парни, а вы никого из «Правого сектора» не знаете? Мне край надо бы с крутым националистом поговорить.

Хлопцы переглянулись, усмехнулись.

— Так мы, Жора, тот самый «Правый сектор» и есть. Второй отряд самообороны, из футбольных ультрас. Повезло тебе, живых укрофашистов увидел. Ладно, верим, что всё как есть в своей газете напишешь, а не как там у вас положено.

И Жора вернулся в съёмную квартиру, написал всё как есть о киевских впечатлениях и поставил свой первый короткий спецрепортаж из Украины на сайт «Сибирского телеграфа» в рубрику «Своими глазами».

На завтраке следующего дня в том же тайском кафе позвонил Смирнову. Игорь обрадовался приезду Дитрикса в Киев, счастливо совпавшему с личным выходным доктора. Узнав где Жора остановился, давний приятель назначил встречу у входа в Александровскую больницу. «Тебе там только по переходу бульвар Леси Украинки перейти. Буду в одиннадцать», — объяснил Игорь.

За пять минут до назначенного срока Дитрикс уже ждал доктора Смирнова у входной арки с надписью «Олександрівська клінічна лікарня». Неподдалёку наблюдался храм, а по улице прогуливалась пара монашек с коробкой для пожертвований на хворых и увечных. Прохожие киевляне жертвовали охотно, многие при этом крестились. «Хрен бы у нас они столько же собирали, — подумал Жора. — Как-то сразу здесь чувствуется настоящая вера, не спущенная сверху, не распальцованная. Повникать бы нужно, может быть, отдельный текст про разницу религиозных особенностей сообразить. Интересно, на Украине тоже считаются высшей гражданской доблестью доносы по поводу постоянных оскорблений чувств верующих?» Додумать мысль Дитрикс не успел, завидев проходящего к нему Игоря Смирнова.

Потискались друг друга в объятиях, двинулись в сторону Крещатика. Игорь, уехавший на Украину сразу после развода с Аллой, и работавший теперь заведующим урологическим отделением в одной из киевских клиник, давал тоном экскурсовода пояснения дорогому гостю из Сибири на предмет местных достопримечательностей. Для начала из достопримечательностей встретилось двухэтажное здание с вывеской «Пузата Хата».

— Ты завтракал? — спросил Смирнов.

— Более чем.

— А я толком не успел. Зайдём?

— Чего ж не зайти, зайдём.

«Пузата Хата» оказалось такой украинской качественной столовой быстрого питания. Игорь набрал на поднос тарелок с едой, поставил их на столик, сказал: «Сиди, я сейчас». Ушёл к отдельной барной стойке, вернулся с графином коньяка и двумя рюмками.

— С утра? — одобрительно кивнул на графин Дитрикс.

— Можно подумать, это первое грехопадение в твоей жизни.

— Так-то да, — согласился Жора, вспомнив перманентный редакционный афоризм Лёхи Груневича «с утра не выпил — день пропал».

— Ну, за встречу, — поднял рюмку Смирнов. — Рассказывай, каким ветром к нам.

И пока Игорь заправлял организм утренними калориями, Жора рассказал, что приехал от газеты посмотреть собственными глазами на происходящее.

Командировку руководство согласовывало две недели, оттого прибыл уже к шапочному разбору, а хотелось попасть на Майдан в разгар событий, но тут уж от него ничего не зависело.

Новое городское издание «Сибирский телеграф» пару лет назад поглотило давно загибавшуюся «Юность Сибири», провело там основательную кадровую чистку, в результате которой Стасик Кружков был назначен главным редактором, а он, Жора, стал заведующим отделом политики. Так бы им обоим нафиг бы это не нужно было, но гендиректор Нариман Темурович дал при назначении клятвенное обещание, что в холдинге введено единственное табу на критику исключительно губернатора и мэра, а в остальном коллектив волен писать что хочет, хоть про мальчиков кровавых в глазах у федерального правительства.

Понемножку, понятно, за минувшие два года требования скорректировались, и табуированных тем появилось много больше, но пока марка, в основном, выдерживалась: практически ни одно сибирское СМИ не направило спецкорреспондентов освещать украинские события, а «Телега» вот такую командировку организовала. И сразу для двух журналистов — Груневич сейчас

в Крыму, а Дитрикс начал с Киева, затем планирует поездку или во Львов, или на Донбасс, тут он хотел бы получить консультацию о выборе направления у Игоря, как пусть не коренного, но всё же жителя Украины.

— Давай за Стасика, — предложил Смирнов. — Мы с ним в последнее время пару раз в год всего созваниваемся на праздники. Как он там — как редактор и вообще?

— Нормально, — пожал плечами Жора. — Газета живенькая у нас сейчас, дизайн сайта обновили, в городской топ вышли по заходам. Справляется Стасик, грех жаловаться.

— По-прежнему спасает мир от его грехов, улучшает, так сказать, человеческую природу?

— Тут да, тут не отнять. Постоянно в своём репертуаре.

— В шахматы на работе всё ещё рубитесь?

— Редко теперь. У Стасика нынче отдельный кабинет и груз, гм, ответственности. Не до шахмат ему.

Коньяка оставалось на доньшке и Смирнов ожидаемо спросил:

— Что про Алку слышно? Видишь её? — выпил, не чокаясь, Дитрикс поддержал.

— Не вижу. Просто не знаю, Игорь.

— Жаль. Не то чтобы переживаю, просто интересно, как у неё жизнь складывается.

— Понимаешь, мне как-то всегда проще сразу выбрать одну сторону, — попытался объяснить Жора. — Я ничего против Аллы не имею, но и поддерживать отношения с ней после вашего развода не хочу: вдруг тебе неприятно будет. Я же всё-таки свидетелем с твоей стороны был, не с невестинной.

— Ладно, забудь, — свернул тему Смирнов. — Но всё равно спасибо. И они вышли из «Пузаты Хаты» в сторону Крещатика.

Воскресным днём проспект смотрелся ещё более странно, чем ночью. На обширных тротуарах кипела максимально мирная жизнь. Сразу за Бессарабским рынком, ещё до первой баррикады, несколько девушек запускали в небо художественно исполненных бумажных голубей мира и предлагали прохожим присоединиться. Чуть дальше ансамбль индейских музыкантов в пончо исполнял на гитарах и таких многочисленно сведённых в один ряд деревянных дудках знаменитую мелодию El Condor Pasa. Людской поток активно перемещался в двустороннем пешем движении, и Жора с Игорем были полноправными участниками этого процесса.

Взгляд Дитрикса неожиданно обнаружил на ближайшем здании табличку «Национальный Союз журналистов Украины».

— Слушай, мне бы сюда заглянуть минут на двадцать, — виновато попросил Жора и сразу оговорился. — Там нет никого, наверное, воскресенье же. Я на всякий случай.

— Конечно, — легко согласился Игорь. — Я здесь тебя на лавочке подожду, если что. Погоды-то какие чудесные стоят.

В Союзе кто-то был. Более того, этот кто-то оказался первым секретарём НСЖУ, который представился Сергеем и дал визитку с фамилией. Фамилия пригодится для материала, а сейчас она была несущественна.

Сергей сообщил в общих чертах, как работала украинская пресса в условиях кризиса власти, рассказал, что в помещении Союза во время Майдана

разместилась полевая аптека, куда приходили за первой медицинской помощью пострадавшие с лёгкими травмами — тяжёлых с огнестрелами увозили на «скорой».

Но самого Сергея больше интересовали российские дела, внезапно ставшие украинскими. И в первую очередь, понятно, Крым, куда неожиданно понаехали непонятные люди в военной форме с автоматами и начали захватывать воинские части. Кремль каждый день грозно заявлял, что население полуострова категорически не поддерживает государственный переворот в Киеве и не позволит националистам из «банды Яроша» прорваться в Крым для наведения там своих фашистских порядков. И вообще, парламент автономии всю готовит референдум об отделении Крыма от Украины, и что вы нам сделаете, ась?

— Вы же там это не всерьёз, правда? — как-то совсем растерянно спрашивал журналиста из Сибири один из руководителей украинского СЖ. — Вы же только чтобы нас напугать?

Жора не был уполномочен отвечать за мутные идеи Кремля, но в силу профессии неплохо себе представлял российские политические реалии: — Всерьёз, даже не надейтесь. Не случайно в Крыму перекрыли украинское вещание полностью — какую-то серьёзную пакость готовят, будьте уверены. Кстати, я сегодня полночи наблюдал здесь у вас полномасштабную истерику российского телевидения: и на 1-м канале, и на «России», и на НТВ. То есть, в Киеве не возражают против массивной кремлёвской пропаганды в украинском телевизоре?

Сергей удручённо развёл руками, на том и расстались.

Потом они с Игорем прошли по всему Крещатику, где неожиданно встретили манифестацию: в знак солидарности с новой Украиной по проспекту шла многочисленная колонна с флагами десятков государств, в которой шагали представители посольств вместе со своими гражданами, оказавшимися на тот момент в Киеве — студентами, иностранными специалистами, спортсменами, кем-то ещё. Время от времени манифестация начинала скандировать с разнообразным акцентом «слава Украине!». Обитатели крещатиковских палаток дружно ревели в ответ «героям слава!». Параллельно здесь же играл в плотном кольце зрителей молодой бандурист с выстриженным на затылке трезубцем. И величественный монумент Независимости, и за ним закопчённый недавним огнём восстания Дом профсоюзов, и только что стихийно организованный наивно-трогательный стенд с фотографиями убитой на Майдане «небесной сотни», и красивейший Михайловский собор на Софиевской площади, где был эвакуационный пункт для пострадавших в столкновениях, — всё это Смирнов предьявлял Жоре, как вполне себе личную историю.

— Я лишь на выходные мог сюда выбираться, — чуть ли не извиняясь, объяснял Игорь. — Работа, сам понимаешь. У нас тут потихоньку своя медицинская бригада образовалась: каждый — доктора, медсёстры, провизоры — что мог приносил: препараты, перевязку, шприцы, иммобилизирующие шины. Одни приходили, другие уходили — и так по очереди. В конце уже, правда, никак у меня не получалось: постоянный поток раненых шёл в больницу. И их мало того что оперировать нужно было, потом буквально прятать приходилось — конспиративную реанимацию в подвале оборудовали. — Зачем? — не понял Жора.

— Так искали же «майдановцев», — объяснил очевидное Смирнов. — Каждый день менты приходили обыскивать больницу. И вначале забрали нескольких прямо из послеоперационной палаты, пока мы не сообразили прятать таких пациентов. А так, или находили потом их убитыми, или суд в течение одного дня выписывал приговор и срок.

— Страшно было? — зачем-то спросил Дитрикс.

— Страшно, — просто ответил Игорь. — Силовики совсем уже в озверевшем состоянии находились в конце, когда на Майдане их «Беркут» всерьёз мудохать начали. Но у нас с ментами задачи перпендикулярные стояли... А мы с тобой сейчас вышли на Андреевский спуск.

— Вот этот? — слегка удивился Жора на узкую и не сказать чтобы фешенебельную улочку, насыщенную развалами украинской сувенирной продукции. — А музей Булгакова открыт?

— Не знаю, пойдём посмотрим.

Спустившись на пару сотен метров по Андреевскому спуску, обнаружили, что легендарный «Дом Турбиных» всё же закрыт.

Слегка уставший от экскурсии Дитрикс присел покурить на лавочку напротив, и в этот момент их со Смирновым, задержавшимся на противоположной стороне улочки, разделил браво шагающий в ногу отряд молодцов-байкеров в разномастной полувоенной форме под маршевую песню на украинском языке. Отряд возглавляли жених с невестой в соответствующих нарядах, выдерживающих печатный шаг подразделения. Публика на тротуарах дружно аплодировала очередному карнавальному действию вдруг отвоёванной народом свободы.

— У вас на Украине теперь везде так? — кивнул Дитрикс вслед уходящему отряду.

— «В Украине», Жора, «в Ук-ра-и-не», запомни, — в десятый раз поправил приятеля Игорь. — Нет больше никакого «на Украине», как бы тебе это не резало ухо. Мы теперь считаем оскорбительным предлог «на», нравится это кому-то или нет. Просто смирись, если не хочешь случайной ответной агрессии.

— Да понял я уже, Игорь. Привычка, долго отвыкать придётся.

— Привыкай отвыкать... А это вам со Стасиком сувениры, — Смирнов протянул две кружки с изображёнными на них видами Киева.

— Кружка для Кружкова, — незамысловато скаламбурил Жора.

— Или так, — согласился Игорь.

Уже ближе к вечеру, вдоволь набродившись по Киеву, насмотревшись на роскошный здесь Днепр, напробовавшись местных сортов пива, Жора умиротворённо наслаждался минуткой покоя на скамейке в каком-то парке на Подоле, пока Смирнов, отойдя в сторону, разговаривал по телефону. В личном рейтинге городов мира у Дитрикса на первом месте значился родной Томск, затем Санкт-Петербург, а потом все остальные места компактного проживания человека. И прямо сейчас Питер медленно, но с достоинством перемещался в категорию «другие города», уступая второе место Киеву. Нет, правда очень хороша была украинская столица прямо вот по всем параметрам — архитектуре, ландшафту, климату, комфорту, населению. Везде в Жорой разговаривали по-русски, ни разу он не встретил косога взгляда за невладение украинской мовой. И вообще, жители Киева показались ему очень спокойными, доброжелательными, живущими в распевном ритме родной речи, которая легко обволакивала, втягивала в свою орбиту любого заезжего гостя. В

финале дня, проведённого с Игорем в долгой экскурсионной прогулке, Жора уже автоматически говорил «шо» и смягчал гортань фрикативным «г». После пяти лет проживания в Киеве Смирнов вполне бегло изъяснялся на украинском, и Дитрикс понимал, что и он сам легко впитал бы в себя этот язык другой страны. А Украина была другой: Жора не мог пока сформулировать, в чём проявлялась эта инаковость, но на ощущениях отчётливо улавливал разницу. — Пошли, турист, — прервал минутку душевного отдохновения неутомимый экскурсовод.

— Пошли, — вздохнул, поднимаясь на гудящие ноги, Дитрикс. — Куда теперь?

— Недалеко, — успокоил Игорь. — Для твоей же пользы.

И действительно, всего через пару кварталов Смирнов привёл Жору к гуцульскому ресторану и подвёл к сидящему за столом с лёгкими закусками блондину с чертами викинга, ну или какого-нибудь Дольфа Лундгрена в этой роли.

— Тарас, — вежливо встал при процедуре знакомства молодой человек, оказавшийся на две головы выше Жоры.

— Тарас не чужд политической жизни, — пояснил Игорь. — Он у нас кандидат наук в Институте прикладной экономической гео... Чего-там «гео» у тебя? Постоянно забываю.

— Да неважно, — весело отмахнулся Тарас. — Но в политике правда немножко профессионально понимаю. Полагаю, наша встреча может оказаться взаимопользней.

— Надеюсь, — охотно согласился Жора. — Мне вот что важно решить...

— Полегче, полегче, — остановил Дитрикса кандидат каких-то наук. — Мы же в ресторане, а не на стометровке. Что будем есть и пить?

— Не знаю, — растерялся Жора. — Котлету по-киевски? Борщ с пампушками? Игорь с Тарасом понимающе ухмыльнулись.

— Украинский борщ не нужно есть в ресторане, — объяснил викинг. — Борщ нужно есть у меня дома, приготовленный моей женой Олей. Она из Полтавы, а там такой борщ, что всем борщам борщ, а не это вот всё... Ладно, мы сами тогда с Игорем разберёмся со здешней кухней.

И они углубились в меню, обмениваясь непонятными вкусными словами «капустняк», «варя гуцульская», «крученики», «полядвица». Весёлая официантка приняла заказ, из которого Дитрикс мало что понял, но через минуту у них на столе уже стояла бутылка виски и комплимент от шефа: три рюмки какой-то «хреновухи» и блюдечко с тонко, на просвет порезанным салом с нежными мясными прожилками. Игорь с Тарасом комплимент проигнорировали, а Жора попробовал — нормально, вкусно.

Через час стол напоминал яркую картинку из любимой «Книги о вкусной и здоровой пище» дитриксовского детства — только изрядно уже порушенную. К мясному изобилию прилагалась вторая початая бутылка «Блэк Лейбла». Жора предлагал перейти всё же на аутентичную горилку, но его никто не слушал.

Тарас уже завершил опрос с пристрастием на тему российской внутренней и внешней политики и теперь объяснял Дитриксу нюансы украинской географии.

— Не нужно тебе во Львов, Жора, — гудел, наклонив к нему скандинавскую голову, киевский политолог или кто он там. — Ну, приедешь ты туда, погуляешь по красивому городу. Все с тобой будут разговаривать по-русски, никаких укронацистов ты там с фонарём не найдёшь. Зря казённые деньги потратишь.

— Кстати, парни, — вспомнил Дитрикс. — Сегодняшний вечер за мой счёт, мне такие командировочные выписали, что...

— За твой, за твой, — соглашался Игорь. — Ты только не волнуйся.

А викинг Тарас ответил на звонок телефона: «Хеллоу, Юджин», и отошёл в сторону крыльца, разговаривая по-английски с неведомым собеседником.

— Нормальный вроде мужик этот Тарас, — констатировал Жора.

— Нормальный, — не стал возражать Смирнов. — Я его два года назад оперировал, он потом сказал обращаться по любому вопросу, если нужда будет. А какая мне в нём нужда? Но вот, пригодился по случаю твоего приезда... Пакет с кружками не потерял?

— Вон на стуле лежит, — кивнул на свободное место за столом Дитрикс. — Но ты мне всё равно напомни про них, когда собираться будем.

Тарас вернулся и налил всем виски.

— Ладно, не поеду во Львов, — продолжил рабочую тему Жора. — Но мне любому горячий материал нужен. Тогда куда? Луганск? Донецк?

— Поехали, — поднял рюмку Тарас. — За свободу. Она вам в России, похоже, даже больше нужна, чем нам.

— Согласен, — не стал спорить с очевидным Дитрикс. — Так куда посоветуешь ехать?

— Ну смотри, — Тарас начал показывать вилкой масштаб. — Донецк большой город, Луганск — маленький, а настроение и обстановка там примерно одинаковые. По моей информации, и там, и там сейчас полно засланных из России провокаторов, а местные спецслужбы коррумпированы Кремлём и нашими олигархами-сепарами. Только в Донецке всё это размазано по мегаполису, а в Луганске центр города за полчаса обойти можно — всё тебе будет сразу выложено на блюдечке с голубой каёмочкой. И до пограничного КПИ Изварино на такси за час доехать можно. В общем, рекомендую Луганск. Могу контакты местной телерадиокомпании «Ирта» дать, там крепкие ребята, молодцы. Скажешь, что от меня, — будут разговаривать.

— Понял. Спасибо, Тарас, — закончил с профессиональными вопросами Жора.

— А гопак тут в вас в кабаках пляшут?

Тарас с интересом посмотрел на Игоря. Тот надул щёки и медленно с присвистом выдохнул воздух.

Проснулся Жора в пять утра. Обнаружил в холодильнике две банки «Оболони», вспомнил, что их купил Смирнов по дороге в такси. «Довёз, значит, меня до Госпитальной, а сам дальше поехал домой», — после пива мозг быстрее стал реконструировать события вчерашнего вечера. Да и событий особых не было, на третьей бутылке виски засобирались домой. Жора рвался рассчитаться, но выяснилось, что Тарас давно оплатил счёт. Договорились, что по возвращению из Луганска Дитрикс обязательно проставится в свою очередь за вовремя поданную информацию и вообще, за приятное общение.

В Луганск, значит, сегодня. Ладно. Жора быстренько накатал пять тысяч знаков репортажа из постмайданного Киева, воткнул к тексту с десятков отснятых вчера фотографий, ткнул в кнопку «опубликовать» — и материал не встал на сайт.

Потребовалось «одобрение администратора». С какого, интересно, хера?

Дитрикс промотал ленту новостей «Сибирского телеграфа» и не обнаружил размещённого вчера текста про ивано-франковских «правосеков». Бравурный репортаж Груневича о пророссийских казачьих дружинах самообороны в Феодосии стоит, а его — нет. Полез в админку — репортаж «закрыт для

публикации». Подсчитал: если в Киеве сейчас семь утра, то дома уже десять часов. Набрал редактора сайта Машу Эклунд.

— Что за дела, Маша? — без лишних приветствий начал въедаться Дитрикс.

— А я знаю, Жора? — предсказуемо ответила редактор. — Стасик вчера снял с публикации. Велел все репортажи с Украины открывать только после того, как он разрешит.

— Ладно, будь здорова.

Жора зачем-то вспомнил, что у Машки тоже скандинавские корни, хотя он так и забыл вчера выпытать у викинга Тараса его родословную. И в бешенстве позвонил Кружкову. Стасик не ответил, тогда Дитрикс купил в интернете билет до Луганска и поехал на вокзал.

В Луганске Жора сходил пообщаться с лидерами местной «Русской весны», разбившими свои армейские палатки в сквере у Дома правительства. Побывал на сепаратистском митинге, посетил и проукраинский. На первом вяло слушали ораторов, призывавших Россию повторить в Луганске крымский сценарий, человек сорок. На втором собралось примерно пятьсот горожан, растянувших на откосном газоне, спускавшимся к центральной улице, огромное сине-жёлтое полотнище. Каждая вторая проезжающая мимо машина отзывалась приветственным гудком.

В редакции «Ирты» коллеги рассказали Дитриксу о погроме, устроенном в ней пьяными пророссийскими активистами в воскресенье, когда на работе была лишь дежурная группа. В Краснодоне Жора узнал, что город Олега Кошевого и Ульяны Громовой все последние годы являлся столицей донбасских контрабандистов, гнавших в Россию нелегальный уголь из копанок, а обратно — всё подряд: от волжских «жигулей» до абхазского лаврового листа. На пограничном пункте Изварино Жору обещали застрелить, если он ещё раз попытается сфотографировать местных прикордонников в прапорщицких погонах.

И абсолютно все — от казачьего полковника-сепаратиста до таксиста, возившего Дитрикса в Краснодон и Изварино — признавались в лютой ненависти к ворюге и кровопийцу Януковичу. Исключений не было.

В итоге набралось три репортажа из крайне политически напряжённого на карте Украины региона. Ни один на сайте «Сибирского телеграфа» не был опубликован. Стасик на резкое телефонное возмущение Дитрикса ответил коротко: «Приедешь, объясню. Пока работой спокойно, готовь итоговый материал на разворот в печатной версии». Вот Жора и работал. Спокойно, блядь. А потом Дитрикс вернулся в Киев и улетел домой в день Крымского референдума. В воздухе пахло горячим. Игорь проводить Жору не смог — у него был операционный день.

В приёмной Дитрикс вручил секретарше Юле киевскую шоколадку, почти такую же красивую, как сама Юля. Спросил:

— На месте?

— С приездом, Георгий Эрхардович, — искренне обрадовалась Дитриксу Юля.

— Да, приехал недавно из мэрии.

Жора кивнул и без стука открыл дверь главного редактора Станислава Александровича Кружкова.

— О, привет, привет! — раскрыл руки для объятий Стасик.

Дитрикс от объятий уклонился, сел за стол напротив, придвинул к себе пепельницу, закурил.

— Чего тут у вас творится? — начал без предисловий. — Почему мои тексты на сайте не вывешены?

— Нариман распорядился.

— И с каких пор у нас Нариман, а не ты определяет редакционную политику?

Стас вздохнул, поморщился и попросил:

— Дай сигарету.

Жора дал, чего ж не дать человеку в затруднительной ситуации. Редактор затаился со стыдливой благодарностью человека, бросающего курить вот уже полгода.

— Ты не заводись, ты послушай.

— Я и пришёл слушать.

— В общем, на другой день после первого твоего репортажа Наримана вызвали в управление внутренней политики. Приказали свернуть тему.

— Ишь ты. Мы теперь губернатору подчиняемся, что ли?

— Не подчиняемся. Но идём на компромисс в отдельных случаях.

Жоре надоело тянуть кота за разнообразные детали организма, и он обострил:

— За что вас тут прикупили?

Стасик подошёл к окну, присел на подоконник. Лицо стушевала тень контражура.

— Не прикупили, — выщелкнул бычок в форточку. — Припугнули. Только давай без нервов: тебе важнее эти репортажи или коллектив? Ты готов ради удовлетворения творческого самолюбия отправить на улицу журналистов, дизайнеров, корректоров? А так и будет, если газету лишат лицензии твоей милостью. Чего молчишь?

— Я слушаю, слушаю.

— Вот и слушай. Сам видишь, какие времена наступают. Отыграли свою вольницу, спета песенка. Будем работать в прилагаемых обстоятельствах. Для читателя работаем, не для себя. Согласен?

— Согласен, согласен.

— Да чего ты, как попугай! Согласен он. Мне, что ли, сладко? Нариману вон предложили сразу тебя уволить за вредную проукраинскую позицию. Я сказал, что только через мой труп. Но и ты как-то хоть внешне пытайся соответствовать.

— Мне начать врать в текстах? Может, ты сомневаешься, что в Украине дела ровно так и обстоят, как я изложил?

— «На Украине», Жора. Говори по-русски.

— Я буду говорить так, как хочется мне, а не тебе или Нариману.

— Ну и договоришься. Я для себя, что ли, тут прогибаюсь? Мне коллектив важно сохранить, тебя, идиота, от увольнения отмазать! За те две недели, пока ты катался по Украине, страна изменилась кардинально. Не видишь, какая истерика началась после последних событий?

— А как же, Крым украли мы, но фашисты в Украине.

— На Украине, может, фашистов и нет, но про Крым ты зря так сейчас. Он всегда был русским, и Севастополь был русским. В любом случае Крым бы вернулся в Россию, не сегодня, так завтра. Некрасиво получилось, согласен, но процесс был неизбежен. Власть у нас скотская, никто не спорит, однако в этом вопросе я конкретную позицию Кремля разделяю. И не я один, весь народ поддерживает, если ты заметил.

— Весь, значит?

— Ладно, пусть весь народ, кроме тебя... Всё, Жора, закончили, тема закрыта. За гонорар не беспокойся, все твои материалы из Украины я уже разметил. Там неплохая сумма в итоге вышла.

Дитрикс встал, взялся за ручку двери и сказал:

— В жопу себе свои гонорары засунь, Стасик.

И вышел из кабинета. Кружку для Кружкова от Игоря он забыл дома.

Часть третья. 39-46

Глава первая. Утка

Мать попросила по дороге домой заехать в аптеку за капотеном — давление. Вроде бы и недолго на кладбище пробыли, но там от аллеи до отца по сугробам пришлось пробираться, вот и подскочило.

Пока Вера ходила за лекарством, Ант рассказывал бабушке ужасы про медведя-людоеда из книги «Злой дух Ямбуя». Книжку баба Лена ему подарила на день рождения два месяца назад, и на кладбище вспомнила, что Григорий Федосеев был среди самых любимых писателей антошкиного дедушки. Сын заверил, что книжка отличная, страшная, и, соответственно, у деда Саши был хороший литературный вкус.

Стас не стал уточнять, сколько раз он заставлял Анта прочесть наконец бабушкин подарок, потратить свободное время хоть на что-то полезное, а не на компьютерные игры. Удалось с трудом, но зато сын сразу увлёкся и прочитал роман за три дня. Нет, принуждать их нужно к хорошему, иначе ничего путного из этого странного поколения никогда не вырастет.

Зато уже дома у бабушки типичный представитель странного поколения сразу направился к книжным полкам, ещё в детстве Стаса занимавшим две стены родительской квартиры. Нижние ряды плотнились толстыми журналами эпохи перестройки: «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов». Тогда родители, помнил Стасик, ими зачитывались. Да и не только они — общая атмосфера в стране была голодная, но какая-то неуловимо ободряющая, что бы сейчас про «лихие 90-е» не пели каждый день из телевизора. С другой стороны, то время безграничной свободы истончилось, исчезло без следа, и звонкие имена перестроечных писателей теперь даже для Стаса отдают нафталином, что уж говорить об этих миллениалах или как их там.

Миллениал Антошка Кружков тем временем вытащил из плотных книжных рядов художественный альбом «Эротика в мировой живописи» и не без интереса изучал «Лежащую обнажённую» Модильяни. Стас забрал у сына глянцевого пособие для пубертатов, вернул на полку. Сам когда-то увлекался этими иллюстрациями, дело известное.

Тем временем Вера появилась в дверях и позвала: «Мальчиши, к столу».

Мальчиши послушно отправились на кухню.

Из поминального на столе наблюдались лишь блины, и те с красной икрой. Мать считала, что на день рождения отца обед должен быть праздничным, которому и сам Александр Витальевич, дедушка Антоши, бы порадовался. И вот уже одиннадцатый год старается в этот день накормить семью как положено, а не так как принято: и стол должен быть богатым, и разговоры за ним нескудные — чего по мёртвым плакать, их помнить нужно живыми и весёлыми. Саша таким и был, давайте за то, что он смотрит на нас всех сейчас и радуется. Вера с матерью пригубили белое сухое, Антошка протянул взрослым свой стакан с «кока-колой», но Вера покачала головой, сказала: «Сынок, в этот день

не чокаются». Стас приподнял фужер с минералкой: у матери наверняка припасены и водка, и коньяк, но он за рулём, какие тут вопросы. Отведали положенных к случаю блинов, салата оливье, салата из сыра с чесноком, форели, буженины. Вспоминали деда. Александр Витальевич умер, когда Антику ещё двух лет не было. Хоть успел увидеть, как внук пошёл своими ногами, да и тот уверяет, что помнит дедушку. Понятно, что фантазирует — но пусть, кому от этого плохо? Жаль, конечно, что отец не дожил до сегодняшнего дня, не порадует, что Антошка уже его любимого Федосеева читает. Но третий инфаркт, дело такое, что уж теперь. — Стасик, скажи что-нибудь, — распорядилась бабушка. Стас встал, покрутил в пальцах ножку фужера. Ну что тут скажешь нового, в самом-то деле?

— По-хорошему, нужно понимать, чему тебя научил отец. Главное, не то что многому, главное — важному. И вот мне представляется, что он меня научил самому важному, в чём не очень принято признаваться публично, — доброте. Вроде бы не самое востребованное качество в наше время. В цене мужественность, самостоятельность, деловая хватка, для мужчины обязательна рукастость: умение выкопать колодец, посадить дерево и перебрать карбюратор. Но всё это такая обязательная, что ли, программа. Нет, он и в ней поучаствовал, конечно: нашими семейными байдарочными походами, как правильно сжимать кулак в драке, держать топор и рубанок — всё оттуда, от отца. Но вот разделять чужую боль, понимать обязательность поддержки человека в трудную минуту, не осуждать, а разбираться в корне, найти верный тон в сложной ситуации — это дед Саша умел прекрасно. Он просто был по-настоящему добрым человеком, за что ему моя вечная благодарность. С днём рождения, папа. Спасибо.

— Как же ты хорошо сказал, Стасик, — утёрла слезу мать. — Он ведь и правда таким был: всё для людей, о себе в последнюю очередь думал. Уж как его на работе нагружали — и командировки бесконечные, и каждую вторую субботу дёргали на объекты. Вот оттого и второй инфаркт, а потом уж и третий, последний... А Жерздев так долг и не вернул, пять тысяч. Он, наверное, думал, что я не знала, когда он в чужую машину въехал сзади, что Саша ему денег одолжил, тому срочно нужно было. Ну, так он мне и не говорил, конечно, но я знала, знала... Бог ему судья, Жерздеву. Я не про него сейчас, я про доброту дедову. Правильно ты Стасик подметил, это в нём главное было... Ох, что ж это я сижу? Утка же готова уже, сейчас из духовки достану.

— Я помогу, Елена Дмитриевна, — встала из-за стола Вера.

Утка с яблоками удалась, даже вечно назло родителям питающийся только чипсами Антошка навернул целый кусок. Яблоки, правда, убрал на край тарелки вилкой. Ничего, дорастёт и до яблок. Пока сидит, упёршись в телефон. Надо бы проверить, что у него за игрушки там закачаны.

— Так что за история с этим Жерздевым-то? — вернулась Вера к разговору о доброте деда Саши. — Даже по нашим временам пять тысяч сумма не лишняя, скажем так, для семейного бюджета. А в 2003-м вообще серьёзная, если ничего не пугаю.

— Да закрыли уже тему, Вера, — вмешался Стас. — Мам, минералка есть ещё? — Возьми в холодильнике, — вздохнула Елена Дмитриевна. — Не лишняя, конечно, но Сашу эти деньги не вернут, да и бог с ними.

— Нет, ну как, — продолжала недоумевать Вера. — Деньги есть деньги, долг есть долг. Расписки, я понимаю, никто с этого Жерздева не брал? Вы, Кружковы, святые люди, честное слово. Это если без обсценной лексики.

— А что такое «обсценная лексика», мам? — отвлёкся от телефона Кружков-младший.

— Это как ты Бельчикова называешь, — ответил за маму Стас.

— Я его называю «тупак», — с удовольствием вспомнил Ант. — Иногда «тормоз» или просто «дебил». Так если он такой и есть.

— Ну и вот. Используешь обсценную лексику.

— А, понятно, — сын опять втупил в мобилу.

— Слушайте, ну давайте Стасик с этим Жерздевым поговорит, — не унималась Вера. — Да не ради денег даже, пусть в глаза ему посмотрит: каково это, мёртвых обирать.

— Ну что ты, Верочка, столько лет уже прошло, зачем? — Елена Дмитриевна заметно расстроилась. — Зря я про тот случай вспомнила, Саше бы не понравилось.

— Ты-то чего молчишь? — обратилась Вера к супругу. — Как в газете призывать скидываться всем миром на помощь донбасским ополченцам, это вы умеете. А как справедливость в отношении родного отца восстановить, так все в кусты. Взял и поручил бы своим корреспондентам разобраться с этим Жерздевым. Тебе сложно, что ли?

— Сложно, — сообщил Стас. — Проехали. Мама, утка гениальная получилась. Ещё кусочек положи, пожалуйста.

Когда отец впервые взял его на охоту? В девяносто первом? Девяносто втором? У дяди Юры Жерздева была старенькая, раздолбанная белая «Нива» — лучший транспорт для нашего края степных болот, как утверждал отец. Пару раз им пришлось упираться руками в задний бампер, вырывая машину из весенней дорожной колеи на разливах между перелесками. Интересно было, весело. На озеро («лужу», как сказал дядя Юра) приехали уже под вечер. Разбили палатку, приготовили на костре картошку с тушёнкой. Бывалые охотники размеренно угощались спиртом, вели бесконечный спор про смежников и инфляцию, потом прерывались, отводили Стасика подальше от костра под огромное звёздное небо и заставляли слушать птичьи голоса, поясняя, где бормочут косачи, где ворчат кряковые, где воет пикирующим бомбардировщиком бекас.

Хорошо было вникать в неизвестный звукоряд природы, но глаза уже слипались после долгой дороги и вечернего чая с домашним жерздевским вареньем. «И то, иди ложись, — заметил отец зевание Стасика. — Завтра встать рано, с рассветом». Начинаящий охотник забрался в палатку, влез в новый, специально приобретённый ему к этому случаю спальник, и провалился в тот самый крепкий и безмятежный юный сон, который в возрасте отца теперь нам только снится.

Утром Стасику дали поспать подольше, разбудили, когда восток уже окрасился красным и можно было без фонариков разливать горячий чай по кружкам. Дядя Юра выдал юному натуралисту старинную одноствольную курковку марки БМ, десяток патронов 16-калибра, помог собрать: ружьё оказалось длинным, внешне непрезентабельным, не сравнить с жерздевской ТОЗ-34 или отцовским ИЖ-43. «Ничего, на первый раз сойдёт, — уверил дядя Юра. — Я из него в твоём возрасте уже столько утки набил, что ты». А Стасик и ничего — и так всё

кругом сплошь интересное, и азарт появился, и некоторый страх присутствовал: сила отдачи, вода в сапогах и всё такое.

Вышли к луже уже почти засветло. Дядя Юра сказал: «Вы вон на тот мысок держите, а я с другой стороны обойду». По топкому дну, раздвигая сапогами стебли рогоза, идти было страшновато, но добрались до зеркала озера без падений в воду и прочих приключений. Отец сказал: «Вот здесь вставай, из камышей особо не высовывайся — утка сверху охотника далеко видит, не налетит. Про упреждение помнишь? Всё, я недалеко отойду, в прямой видимости будем».

Стасик утоптал камыш под сапогами, зарядил ружьё. Отец встал метрах в пятнадцати левее, ободряюще кивнул. Озеро жило своей полнокровной жизнью: отовсюду неслись криканье, свист, плеск крыльев по воде. Какая-то птица неподалёку развлекалась почти лошадиным ржанием, над горизонтом тянули на север далёкие табуны гусей.

Сбоку, куда ушёл дядя Юра, раздался неожиданный выстрел, потом ещё два. «Всё, добрал, — радостным голосом сообщил невидимый в камышах владелец «Нивы». — И вам ни пуха, ни пера». И почти сразу из-за спины послышался свист крыльев, над головой пролетела стая уток, отец выстрелил дважды, сообщил:

— Промахнулся, неожиданно налетели.

— А я вообще не успел прицелиться, — отозвался Стасик уже в возбуждении охотничьего азарта.

Потом начался активный утренний лёт. Стрелял отец, стрелял дядя Юра, стрелял Стасик. Все отчаянно мазали, но было ощущение короткого счастья от этого озера, от этих диких птиц, от кислого запаха пороха после каждого выстрела.

И когда солнце уже поднялось много выше берёзовых колков, стало совсем тепло и даже жарко, а патронов для одностволки осталось всего два, отец предложил: «Ну что, пошли до лагеря?». Стасик выпросил ещё десять минут, и когда они уже почти истекли, прямо перед охотниками на гладь лужи плюхнулись две утки. «Выцеливай не торопясь, — приглушённым голосом сказал отец. — Никуда не денутся, не бойся». Стасик медленно поднял ствол, подвёл мушку под ближайшую, в десяти метрах чистящую клювом перья птицу, и медленно, как учили, нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, и утка начала описывать по воде лихорадочные круги. Голова у неё была внизу, а над светлым брюхом дёргались коричнево-красноватые лапы.

— Добить? — сорвавшимся от волнения голосом прохрипел Стасик.

— Не нужно, доходит, — радостно-возбуждённо ответил отец. — Сейчас схожу, подберу.

В лагере все были счастливы открытием охоты. Взрослые налили себе по рюмке, отец придвинул третью, сказал: «На доньшко ему». Дядя Юра плеснул в Стасиков стакан, потрепал его по голове большой и жёсткой, как у деда, ладонью. Сказал: «Ну, с полем тебя, Стасик, с первой добычей». И они сдвинули стаканы, трое уверенных в себе мужчин, добытчиков.

Потом делились впечатлениями, рассуждали, где лучше встать на вечерней зорьке, опаливали над костром стасиковского чирка и жерздевского крякша, варили охотничий кондёр из добычи. Нет, дикая утка необыкновенно вкусна, с домашней не сравнить — даже с этой фирменной уткой матушки с яблоком и черносливом. Это всё не то, совсем не то.

— А Стасик всегда таким был, — объясняла Вере мать. — Он то собаку чужую другу подарит, то праздничный торт выкинет, потому что тот вредный для здоровья, то письмо на радио напишет, чтобы деду передали на 70-летие песню из «Роллинг Стоунз».

— Серьёзно? — веселилась Вера. — Это деду Витале, да? И чем ты там его поздравил?

— «Paint It Black», «Нарисуй это чёрным», — припомнил Стас. — Но он ничего, порадовался, помню. Здесь ведь сидели тогда, мама?

— Да, у нас праздновали. Ты ему ещё радио на полную громкость включил для пушшего эффекта. Как тут не радоваться.

— Ну вот, я же помню. Дед даже плясать под неё пытался от счастья.

— Как не радоваться, внук всё же расстарался, — грустно повторила мать. — Саша потом, когда все уже ушли, сказал: «В кого он у нас только такой растёт». Так в него же, всё это от доброты его шло, от заботы о людях. И дед Витале, помню, тебя этому учил. Так что в него вы все пошли — и ты, и отец... А мы так за разговорами и про Сашу забыли. Давайте за него. С днём рождения. Она поправила большую фотографию отца, стоящую на столе перед рюмкой водки, покрытой хлебной коркой, улыбнулась ему. На снимке деда Саша был молод, красив и весел.

— За тебя, бабушка, — неожиданно подал голос из-за стакана с «кока-колой» Антик Кружков, и добавил в сторону Стаса. — А тебе я на день рождения песню «Кровостока» закажу, «Загробная» называется.

Все рассмеялись, а бабушка Лена спросила:

— Я утки кусочек ещё положу, Антоша? Что ж ты худой-то у нас такой, как будто родители тебя не кормят.

— Не хочу, бабушка, спасибо. Я наелся, пойду телевизор включу.

Сын вышел из кухни, а Стас подумал: «Взрослый какой стал, вырос незаметно. Но инфантильный, как все они сейчас. Мы такими не были, нет».

Стасик проснулся от весёлого голоса дяди Юры: «Вставайте, охотнички! Не время спать, когда Родина в опасности!» В прогретой солнцем палатке было душно, футболка напиталась потом, снаружи свежий ветерок приятно охлаждал мокрую шею. Отец уже жадно пил из горлышка минералку, протянул бутылку сыну:

— Попей, — посмотрел на часы, повернулся к Жерздеву. — Половина первого, двух часов не проспали. Выкладывай: человек высадился на Марсе? «Спартак» стал чемпионом? Киркоров женился на Баскове? Или есть ещё более существенный повод для срочной побудки мирно спящего населения этого тихого уголка земного шара?

— Потом. Ты не помнишь, Саня, куда я подевал мешок? Ну, такой большой, белый, из-под сахара.

— Так в палатке. Ты его вчера под голову сунул вместе с другой одеждой вместо подушки.

— Ага, — дядя Юра полез в палатку. — В сапоги пока обувайтесь, пройдемся тут недалеко. Верёвку ещё надо какую-нибудь найти.

Выполз обратно широким задом с хрустящим мешком в руках.

— Готовы? Пошли тогда, сюрприз вам будет.

— Ружьё брат, дядя Юра? — спросил Стасик.

— Ну, возьми. Нож у тебя на поясе, Саня? Хорошо. Пойдём, прогуляемся, тут недалеко — километра не будет.

Вначале шли по чавкающей водой колее вдоль озера, затем оставили камыши за спиной, свернули через вспаханное поле к недалёкому берёзовому колку.

Тракторная дорога нырнула в перелесок, запетляла по лужам среди деревьев.

Наконец, дядя Юра сказал: «Кажись, здесь». Свернул налево и вскоре остановился у густого ропаж: «Вот, добыча. Любуйтесь».

Стасик вышел из-за спины охотника. На земле лежала косуля, большой чёрный глаз которой мёртво смотрел на вершины берёз. Из перерезанного горла сочилась кровь, трава вокруг была красно-блестящей, нелепой.

— Коза, значит, — ровным голосом констатировал Кружков-старший.

— Ну, — согласился дядя Юра. — Я же спать днём не умею, мне скучно одному в лагере сидеть. Пошёл прогуляться по разливам. Смотрю, тройка гусей низко в эту сторону потянула от озера. Думаю, пойду за ними, может там перелёт в леске на гриве. И только вон из-за той частины собирался повернуть, опа! — движение на дороге. Я за берёзу встал, пригляделся: козы, пять штук! Но далеко, метров семьдесят. А у меня две пули в патронташе всегда на всякий случай.

Перезарядился, стою, наблюдаю. А они, понимаешь, в мою сторону потихоньку идут, кормятся. И ветер на меня, главное. Подошли метров на сорок, насторожились, куда-то сюда смотрят. Выцелил одну, которая боком стояла, ну и жахнул наудачу — и не надеялся, что пулей возьму. А вот же, сразу наповал. В сердце, похоже. Оттащил подальше от дороги на всякий случай, кровь спустил из горла. Ну и за вами сразу.

Дядя Юра говорил вроде бы спокойно, но какая-то внутренняя суета звучала в голосе. Некая скрытая гордость за удачный выстрел, за недавний бешеный выплеск адреналина, неслучившийся с другими, менее успешными охотниками.

— Вот на этот сук, думаю, подвесим, — рассуждал вслух добытчик. — Тут работы-то на пару часов. Потом машину подгоним, мясо погрузим, сверху рюкзаки, другие шмотки — и в город.

— А подвешивать зачем, дядя Юра? — уточнил на понимание юный охотник.

— Эх, молодёжь, всему вас учить, — Жерздев прихватил за плечи Стасика, шутливо нажал ему на кнопку носа. — За задние ноги поднимем, ливер весь вниз опустится, так удобнее его вынимать из животного, ну и шкуру снимать, понятно. А потом уже на земле разберём на мясо, я и топор прихватил.

— Договаривались же, Юра, — отец говорил ровно, без эмоций. — И ладно бы, самец. Но ведь коза.

— Ну что ты, Саня, вечно, — дядя Юра уже привязывал верёвку к ноге животного. — Помогай лучше, мясо поровну поделим. Стасик, травы сухой нарви пока побольше, кровь убирать внутри.

— Нет, Юра, ты тут сам как-нибудь. Пошли, Стасик.

— Ну, Саня, ну, блин. Мне же здесь одному до вечера колупаться! Ну будь ты человеком.

— Я-то человек, Юра. Я-то человек.

Жерздев плюнул и присел обратно к добыче. Спина выражала тяжёлую обиду.

В лагере сложили в рюкзаки спальники, карематы, палатку, посуду, два раскладных стульчика. Жерздевскую одностволку отец прислонил к «Ниве», положил на походный раскладной стол деньги за бензин, прижал половиной хлебной буханки, осмотрелся:

— Вроде бы, всё. Пошли.

— А утка, пап? Там в котле же ещё мой чирок остался.

— Пошли-пошли.

До ближайшей деревни шли долго, часа три. Было жарко, хотелось пить. Отец всю дорогу молчал. Когда остановились отдохнуть, сходил в лес, вернулся с половиной кружки берёзового сока, сказал: «Он так-то неплохой мужик, только азартный очень. И жадноватый, да. Прихватит его как-нибудь охотинспекция, ох, прихватит. А там штраф за козулю очень неслабый. Нам с тобой это надо? Да и не в штрафе дело: козу по весне никто в Сибири никогда не бил — у них же козлята скоро появятся, а Юрец сегодня природу сразу двух, а то и трёх животных лишил. Нехорошо, это неправильно... Только ты никому про сегодняшнее в городе не рассказывай. Обещаешь, сынок?.. Ладно, вставай, тут уже не так далеко осталось».

От деревни вышли на профиль, пошли в сторону трассы. Минут через двадцать их подхватил проезжий мужик на старенькой «шестёрке», довёз до автобусной остановки, где Стасик улёгся на скамейку и задрал на надоевший рюкзак ноющие от усталости ноги. Но долго расслабляться не пришлось: подошёл автобус от ближайшего райцентра и через пару часов доставил охотников в город, уже освещённый огнями ночных фонарей.

«Я вам оставшуюся половину утки в контейнер сложила», — мать говорила Вере, зная, что сын начнёт отказываться, ругаясь попутно, что они не побирушки какие, у них дома и так весь холодильник в еде, зачем им лишняя. Можно подумать, они такую утку каждый день едят, привыкли к фастфудам всяким этим. Хотя, по совести, Вера у Стасика хорошая, заботливая: она и готовит вкусно по-домашнему, и мужички у неё обихоженные, так что грех на неё жаловаться. Только Антошик всё же такой худой у них, такой худой. Вот пусть утку и ест дома, вон с каким аппетитом сегодня уплетал.

Нет, не умеют они с детьми обращаться. Так ведь сами дети ещё, сорок Стасику только на следующий год исполнится. Всё для людей, а для себя ничего, уж такая у них кружковская порода.

— Спасибо, Елена Дмитриевна, — поблагодарила понимающая Вера. — Антик, тебе бабушка утку домой завернула! Будешь?

— Вкусная, буду, — младший Кружков нарисовался в дверях кухни. — А мы уже всё, домой собираемся?

— Да, пора, — подтвердил Стас. — Спасибо, мама. Хорошо посидели сегодня, отца повспоминали. И прабабушку Фросю, и прадедушку Виталя. Всех, в общем.

— Вам спасибо, ребята мои хорошие, — тоже расчувствовалась мать, вернув глаза на мокрое место. — Приезжайте почаще, для меня вы всегда праздник. Хорошо, Антошик?

— Хорошо, баба. А у тебя ещё книжки Федосеева есть?

— Были где-то, дружок, сейчас поищу.

Бабушка направилась к книжным полкам, а Стас спросил в сторону коридора:

— Мама, а про нашу охоту с Жерздевым отец тебе ничего не рассказывал? Или дед Виталя?

— Не помню. А дед-то тут причём? Он Жерздева и не знал совсем.

— Да так, вспомнил чего-то. Ты же сама начала.

— Елена Дмитриевна начала, а тебе бы закончить, — вмешалась Вера. — А то добренькие вы, Кружковы, прямо как мать Тереза какая-то, прости господи.

— Я давно уже закончил с Жерздевым, — невнятно ответил Стас. — Ещё когда отец жив был.

— Пустое, Вера, — вернулась в кухню мать. — Да и жив ли он сейчас, кто знает... А тебе, Антоша, вот книжка «Последний костёр». Там тоже про Улукиткана, только она невесёлая. Зато небольшая.

— Хорошо что небольшая. Спасибо, баба. Я прочитаю и верну.

— Да можешь себе оставить. Или ладно, возвращай. Лишний повод будет тебя увидеть.

В машине по дороге домой Антошка пролистал книгу на предмет картинок. Картинок не было. Только на обложке какой-то одинокий старик грелся у таёжного костра.

Дед Виталя, так уж вышло, был лучшим другом Стасика среди взрослых. Наверное, оттого, что никогда не поучал, не читал нотаций, не ругал за неправильное. Зайдёт Стасик после очередной выволочки к нему в комнату, тот посмотрит, подмигнёт, погладит по голове большой ладонью. И дальше молчит, газету читает, пыхтит папиросой, пока внук ему жалуется на несправедливость жизни или рассказывает о дворовых шкодах с друзьями-приятелями. Деду всё можно было рассказывать, не то что этим.

Вот и тогда дед был дома один. Сходил на кухню, поставил чайник, выставил перед Стасиком вазочку с конфетами и печеньем.

— А вот ты мне про тихую «скорую помощь» рассказывал, помнишь? — Стасик макал в чай своё любимое овсяное печенье. — Ну, что нужно незаметно творить добро, чтобы никто не знал. Как тимуровцы.

Дед подумал, пожал плечами. Кивнул — мол, давай дальше выкладывай.

— Папа просил никому не говорить. Я только тебе.

Дед Виталя закурил, подошёл к форточке.

— Мы на охоту в прошлую субботу с дядей Юрой Жерзевым ездили, и он там коосулю убил.

Дед молчал, слушал.

— Папа рассердился на него, мы пешком назад в город ушли, без машины. Он сказал, что мы не браконьеры и что косулю сейчас стрелять нельзя, у них детки скоро появятся. А дядя Юра браконьером оказался, нехорошим человеком, хоть он мне раньше и нравился.

Дед докурил, сел за стол напротив, слушал.

— И я два дня в городе вспоминал, какая эта косуля красивая была, хоть и мёртвая. И что дядя Юра потом когда-нибудь ещё такую же застрелит, а может даже двух или трёх, а мне их прямо так жалко стало, деда, что сказать не могу.

Дед Виталя одобрительно кивнул, и Стасик решил на последнее откровение.

— Ну и вот. Нашёл я в справочнике телефон охотинспекции, позвонил им и всё рассказал. И номер машины жерзевской назвал. Только они фамилию мою спрашивали, а я не сказал — испугался, что папа узнает. Вот и всё.

Дед достал ещё одну «беломорину», крутил в пальцах, разминая табак, смотрел на неё, молчал.

— Ведь так бы твои тимуровцы поступили, правда, дед? Нужно же не только людям тихо помогать, но и животным тоже. Они же вообще не виноваты, если с ними так.

— Так-то да, — наконец молвил слово дед Виталя. — Животных нужно защищать, известное дело.

— Значит, я всё правильно сделал?

Дед наконец закурил свою папиросу, сходил в комнату за пепельницей. Опять молчал. Потом сказал:

— Хорошо, что ты книжку про Тимура и его команду тогда прочитал и запомнил. Это ты молодец. Только они там добро творили, понимаешь? Творили, а не причиняли.

Стасик кивнул и взял ещё одну конфету «Белочка». Ждал финального одобрения, но дед завершил непонятным:

— Был ещё один такой пионер Павлик Морозов. Теперь про него, наверное, в школах сочинения уже не пишут. Ты дома о нём у родителей спроси, пусть расскажут... А сейчас мы пойдём с тобой шахматы расставим, да?

И они пошли, и дед опять показывал Стасику ферзевый гамбит.

Дома Вера стала доглаживать бельё, Антошка пошёл к себе читать книжку про Улукиткана. А Стас достал из холодильника водку, налил рюмку, подумал, перелил в стакан, добавил до половины и немедленно выпил. За отца, за деда Виталю, да и за Жерздева, чёрт бы его побрал. И за утиную охоту.

Глава 2. Нариман

Нормального мыла в ванной не было. Женщинам мыло вообще ни к чему, они как-то обходятся исключительно шампунями, какими-то кондиционерами, гелями, скрабами и ещё разнообразными тюбиками и баночками чёрт разбери с чем. А так вот чтобы скользким бруском намылить голову с прочими частями тела и смыть потом с себя под тугой струёй душа — это вряд ли, это им неинтересно.

Стас выдавил на ладонь зеленоватое желе из первого попавшегося пластикового флакона, размазал ароматную субстанцию по телу, потом долго стоял под душем, избавляясь от непривычного импортного запаха. Вытерся мягким полотенцем, обмотался им по той линии живота, которое раньше портные называли талией, и прошёл в спальню.

«Иди ко мне, мой чистенький», — Маша откинула лёгкое одеяло, сдёрнула со Стасика полотенце и приняла на себя всю тяжесть его тела, комфортно закинув ноги на мужские плечи. После серии первых неконтролируемых стонов отстранилась, подышала минуту прерывисто и, проводя по телу кончиком языка, опустила голову ниже его живота. Пришёл черёд застонать Стасу, который не дал окончательно отключиться мозгу и выдохнул через пару минут: «А где у нас чудо-мазь?» Маша с готовностью достала из ящика прикроватной тумбочки заветный тюбик и встала на колени, явив граду и миру узкий зад с раздвинутыми ногами.

Стас одновременно работал бёдрами и пальцем, втиравшем лубрикант в верхнее тугое естественное отверстие человеческого тела. Наконец уловил окончательную Машину готовность и погрузился на всю длину в тесное, скользкое, запретное, желанное. Ладони ритмично натягивали на себя женский таз, Маша иступлённо стонала, а в голове Стаса стучала странно возбуждающая мысль: «Как Нариман, как Нариман». Потом накатило окончательное затмение разума, и всё кончилось...

Из опустошающего полузабытья сознание возвращалось с задержкой развития ученика коррекционной школы. Объективная реальность давалась в ощущениях не вся сразу, а фрагментарно: вот голова Маши на плече, вот шум дождя за окном, вот блик на бокале, стоящем рядом с бутылкой шампанского. Организм и спёкшаяся гортань требовали срочного возмещения энергетических затрат хоть какой-нибудь жидкостью. Стас прошлёпал босыми ступнями до стола, налил шампанского, спросил:

— Ты будешь?

— Обязательно, — ответила Маша.

Не стала томно дожидаться изысканной подачи благородного напитка в постель. Встала без всяких киношных пошлостей с обязательным облачением в мужскую рубашу, подошла, покачивая обнажёнными узкими бёдрами, подставила фужер. Спросила:

— За что пьём?

«За тебя», — дежурно хотел ответить Кружков, но вдруг вырвалось:

— За Наримана.

— За Наримана так за Наримана, — пожала плечами Маша и осушила свой бокал. — Чем он опять у нас отличился?

— Да ничем особенным. Ещё шампанского? Теперь за тебя.

Повторили. Стало совсем хорошо и уютно, как всегда бывает у Маши. Дождь за окном лил монотонно и громко.

— Пошли обратно валяться, — предложил Стас. — Если засну, разбудишь через час.

— Пошли, — согласилась Маша. — Разбужу.

За десять лет тесных почти семейных отношений с Машей Эклунд он так и не привык к контрасту её безграничных постельных фантазий со сдержанностью внешних реакций. Неосознанно экстраполируя особенности машиной скандинавской породы на всех шведов, Стас им искренне завидовал: счастлива страна, имеющая в национальном достоянии женщин, столь раскованных в постели, что на все остальные проявления активности с внешним миром сил у них уже не остаётся.

А работник Маша была хоть и молчаливый, но толковый, тут без вопросов. Изначально имея склонность к осваиванию расширяющихся с каждым годом возможностей интернета, полностью оправдала своё назначение редактором сайта «Сибирского телеграфа», удерживая его все последние годы в лидерах регионального медиа-пространства. Давно пора было выводить её на новый уровень ответственности, но как-то всё не складывалось. И дело не в злых языках, которые непременно приписали бы переход Маши на более высокую карьерную ступень физической близостью к главному редактору, — на них Стасу было наплевать — просто возможности не предоставлялось. А сейчас она появилась.

— Дитрикс уходит, слышала? — спросил Стас.

— Слышала. Жаль, Жорка хороший. А куда он?

— В Питер, вроде бы, если не врёт.

— А зачем ему врать? Жаль. Когда?

— В следующую среду стол накроет. После сдачи номера.

— Ладно.

— Что ладно? Ты теперь вместо него будешь замредактора.

Маша приподнялась на локте, смотрела изучающе в глаза.

— Зачем тебе это, Стасик? Не утвердят, ты же знаешь. Мне и на своём месте неплохо.

— Утвердят. Только в партию вступить придётся: такое условие, сама знаешь.

— Дитрикс не вступал.

— Так то Дитрикс.

— Ладно, ты поспи, Стасик, потом поговорим.

Стас закрыл глаза. Поспать у Маши всегда было почти таким же удовольствием, как и сам секс с ней. Он просыпался через час абсолютно отдохнувшим, бодрым, наполненным давно забытым, почти детским ощущением радости пробуждения. Потом оно, конечно, угасало, но помогало справляться с текущей обыденностью и неделю, и две до следующего свидания в этой, ставшей почти родной, маленькой двушке в панельной пятиэтажке.

Но если разобраться всерьёз, для себя? Эклунд должна стать заместителем главного редактора, потому что это единственный приличный кандидат, или потому что это Маша, которую он любит?

Стоп. Что значит, любит? Не мыслят уже такими категориями в нашем возрасте. Вначале, десять лет назад, может и любил, по крайней мере, была страсть, желание, тоска по несбыточному. Потом всё как-то уравнилось, стало мягче, спокойнее. Теперь это больше привычка к хорошему, заведённый порядок вещей, осознаваемая ценность взаимоотношений, тем более важная, что Маша никогда не требовала уйти из семьи, не страдала немотивированной (а хоть бы и мотивированной) ревностью. С ней просто, спокойно и хорошо.

А после ухода Жорки в редакции и положиться будет больше не на кого, кроме Маши. По правде, и на Дитрикса в последнее время положиться было трудно: не раз и не два, возвращаясь после командировки или отпуска, Стасу приходилось принимать на себя вёдра начальственного гнева из-за вышедших в печать публикаций, недостаточно почтительных по форме и содержанию. Даже не резких, не критических, но не вполне восторженного образа мысли, который Жора признавать не желал и не гарантировал, что признает в обозримом будущем.

«Всё, Стасик, сколько сумел, столько держался, больше не могу, — заявил Дитрикс позавчера. — Дальше без меня тут осваивайте ниву пропаганды. Сил моих больше нет». Нет так нет, и без того Жорка протянул в новой реальности больше, чем можно было ожидать — даже от Наримана, числившегося в редакции гендиректором, а по сути, политическим комиссаром, но не просто терпевшего дитриксовские выходки, но и обожавшего с ним ругаться на пятничных вечерних сходках, именующихся зачем-то совещаниями руководства газеты.

В общем, Маша действительно единственно возможный кандидат на Жоркино место, как ни крути. Тут, правда, есть проблема Наримана, но она решаема. Ну как решаема? От самой Маши всё зависит.

Желанный сон сегодня отказывался приходить. Стас аккуратно убрал руку из-под Машиной головы, потихоньку дошёл до стола, налил шампанского.

— И мне, Стасик, — попросил из-за спины спокойный, совсем не сонный голос.

— Конечно, — вылил остатки из бутылки во второй фужер, отнёс его на кровать. — Держи. Я думал, ты спишь.

— Я тоже так думала. Но я всегда тебя чувствую, даже во сне. Сразу услышала, как ты поднялся. Спи, Стасик, время ещё есть.

— Не получается. Ты мне нужна, Маша, в этой должности. Просто поверь. И ты справишься лучше, чем кто-то ещё. Давай, соглашайся.

Чокнулись. Стас забрал пустые фужеры, отнёс на стол, вернулся под одеяло, смотрел ожидающе.

— Я не хочу в «Единую Россию», Стасик.

— Таковы правила игры, радость моя, не я их придумал. И потом, это же пустая формальность, сама отлично понимаешь.

— Это не формальность, а клеймо. Буду как клейменная овца в стаде. А я не овца.

— И не ослица, — зачем-то уточнил Стас. — Ладно, давай попробуем всё-таки поспать.

— Давай, — согласилась Маша, отвернулась к стене и сразу засопела — то ли обиженно, то ли уже во сне.

А Стасу пригрезилась нариманова ослица.

Нариман Темурович Лазгин был курдом, о чём сразу предупреждал всех при первом знакомстве. Вторым его заявлением обязательно звучало пояснение, что фраза из песни Гарика Сукачёва «ботиночки он носит «нариман» — это про его двоюродного прадеда, имевшего ровно такое же имя, и который в начале XX века основал в Баку обувное производство, выпускавшее необычайно модные ботинки «нариман». Ботинок сейчас таких днём с огнём не отыщешь, а Нариман Темурович вот он, хоть глазами смотри, хоть руками трогай. И тут же предлагал выпить новому знакомцу, потому что с плохими людьми он не знакомится, а с хорошим человеком начинать знакомство следует обязательно с коньяка, виски или любого другого крепкого алкоголя, какой бы ни предпочитал новый дорогой друг, а пожалуй что и брат.

Ближе к концу второй бутылки вновь обретенный брат превращался у Наримана во «фраера бедного» и «полугребня», который «гонит порожняк» и потому должен испариться из наримановой жизни навсегда, как будто его и не было. Новые знакомцы обижались, но при следующей встрече Лазгин сразу лез обниматься, говорил, что нет для него человека роднее и ближе, чем дорогой брат, и тут же предлагал отметить судьбоносную встречу, во время которой история повторялась до мельчайших деталей. Кого-то такое поведение выбешивало, а в редакции привыкли к природному явлению под названием Нариман — не возмущаться же каждый раз дождём, метелью или генеральным директором ООО «Сибирский телеграф».

Газетой Нариман Темурович гордился, как светская львица гордится своим тойтерьером: то есть, таланты у таких персонажей заточены на другое, но комнатная собачка или газета придают дополнительный шик к портрету главного героя. Оттого генеральный директор ввёл за правило еженедельные пятничные совещания в подведомственном учреждении — чтобы и коллектив не расслаблялся, и «тойтерьера» своего выгулять.

Так-то Нариман Лазгин по прозвищу Жук был совладельцем и управляющим сети бильярдных «Пирамида», входившей в бизнес-империю Осипа — Сергея Осипенко, местного строительного магната и депутата Законодательного собрания. С ним они когда-то давно тянули лямку в одном отряде на воркутинской зоне, а потом, в середине 90-х, Осип круто поднялся и стал подтягивать к себе прошлых корешей. Таким образом в его фирме подобрался настолько уникальный топ-менеджмент, что строительная компания «Трест-118» сама могла поставить под крышмяк весь местный криминалитет, который в итоге почёл за благо с Осипом не связываться, а жить своей честной жизнью жуликов, далёких от строительных подрядов.

В общем, газета досталась Нариману в наследство от очередной избирательной кампании Сергея Тарасовича Осипенко, которому ушлые столичные политтехнологи рекомендовали учредить собственное издание для усиления политического веса и вообще. После подведения итогов выборов, «Сибирский телеграф» оказался новоизбранному депутату как бы и ни к чему, но

инвестиции он всосал неслабые, покупателя на свежечреждённый региональный медиа-проект сходу не нашлось, и Осип скинул газету на Наримана Темуровича, наивно предполагая, что в обозримом будущем издание может выйти на рентабельность и когда-нибудь отобьёт вложенные деньги. Хых.

По сути, Нариман любил в этой жизни две вещи — женщин и бильярд. Оттого для начала он обыграл всех мужчин редакции в «американку», «невку» и «московку» и параллельно перетрахал половину корреспонденток, бухгалтеров и весь рекламный отдел. Доказав таким образом свою сущность альфа-самца, гендиректор успокоился и появлялся в своём редакционном кабинете исключительно по пятницам, проводя рабочее совещание с главным редактором, его заместителем и заведомо сообразно своим представлениям о прекрасном. Для начала он сообщал собравшимся о том, что фотография мэра на второй полосе вышла с галстуком неправильного цвета. На возражение бильяда, что он не может рекомендовать градоначальнику, какой тому галстук носить, Нариман напоминал о безграничных возможностях фотошопа и жизнерадостно обещал в следующий раз вступить в тесный половой контакт со всяким непонимающим правильную региональную политику. Потом генеральный директор выписывал еженедельную премию двум-трём проявившим себя с лучшей стороны сотрудникам и глубокомысленно знакомился с планом текущего номера. Через десять минут производственная часть совещания объявлялась завершённой и начиналась часть неформальная.

Водитель Наримана доставлял из машины пару сумок с дорогим алкоголем и холодными закусками из бара ближайшей наримановской бильярдной, после чего праздник считался открытым. Дальнейшие события не исключали вариативности: например, могла сложиться долгая партия в «триньку» или по-другому, в «три листа» — азартную карточную игру на деньги, в которой Нариман почему-то никогда не проигрывал. Или же, если генеральный директор был в настроении прикоснуться к высокому искусству, он требовал чувствительных песен под гитару, отдельно поощряя проникновенной слезой сольские выступления Жоры Дитрикса. Потом завладевал инструментом и с часок исполнял песни Высоцкого, Круга и группы «Лесоповал». Мог завести шарманку про перманентную убыточность газеты, которую ему приходится содержать, по сути, на свои деньги, потому что вот так вот они все здесь работают, но он их, неблагодарных, все равно всех любит, как родных детей или даже внуков. Нередок был и вариант, когда Нариман, сверкая широкой лысиной в обрамлении изрядно поседевших остатков причёски, запевно начинал: «А вот у нас в Теберде жил один старик-карачаевец...». Тут важно было уважительно слушать долгие истории Лазгина про особенности кавказского менталитета, периодически поддерживая тосты за Домбай, за Теберду, и за такие горы, которых в этой дурацкой Сибири никогда не было и быть не могло. Истории звучали своеобразные: так, например, уроженец Теберды мог изложить местный обычай инициации подростков Северного Кавказа. По словам Наримана, мальчик в тех местах мог считаться мужчиной лишь после соития с ослицей. Они с друзьями даже имели специальную деревянную стремянку, облегчающую сексуальный контакт человека с животным. Так и таскались с ней по окрестным лесам и фруктовым садам, дожидаясь возможности использования по назначению под одобрительные комментарии присутствующих.

Сколько было в этих пьяных историях правды, а сколько странной самоутверждающей фантазии, Кружков уже не задумывался. Он давно перестал испытывать испанский стыд от наримановских откровений — про ослицу, про анальный секс с перечислением вступивших в таковой с Нариманом сотрудниц газеты. Не исключено, что и не только сотрудниц. По крайней мере, любимой директорской шуткой, озвучиваемый каждый раз, если на совещании возникал спор, кого из героев номера выносить на обложку первой полосы, была: «Мальчик, девочка — какая, в жопу, разница?» И подмигивал, как бы намекая, что в каждой шутке — ну, сами понимаете.

Затем вариативность заканчивалась. Каждое производственное совещание завершалось одинаково: расхристанный Нариман начинал инспекцию редакционных кабинетов — с благой целью выявить неохваченных директорским благорасположением сотрудников, дабы затащить их в свою начальственную резиденцию с ещё недопитыми бутылками и недоеденными закусками и настойчиво убеждать выпить с директором и поговорить за жизнь. Не успевшие уйти домой журналисты с дизайнерами и корректорами наглухо запирались и старались не шуметь, чтобы не попасть под раздачу наримановских поучений за жизнь, если ты мужчина, и попыток залезть шаловливой рукой под юбку, если женщина. (Пару раз и Маша ощущала эту ладонь, когда случайно оказывалась на финальной части производственного совещания. Рассказывала об этом Стасу с выражением удивлённой брезгливости — и не факт, что относящейся только к Нариману и не распространяемую на его еженедельных собутыльников). А ведь пятница — традиционный день, чтобы журналистам открыть бутылку водочки после трудовой недели, укрепить себя с коллегами душевным разговором в преддверии долгих выходных. Но тут этот чёртов Нариман.

Не найдя свежего внимательного собеседника, генеральный обижался, возвращался в кабинет и окончательно переходил на лагерное аргю. Обычно в этот момент Стас начинал уговаривать Наримана завершать совещание и ехать домой, потому как и коньяк уже, считай, закончился, и водителю наримановскому к семье хорошо бы в пятницу пораньше вернуться. Директор упирался, утверждая, что разговор с ними у него закончится, когда он решит, а не рукожопы-журналисты, которые жизни не нюхали. И тут взрывался Жорка, посылая начальника во всякие непотребные места и обещая, что ноги его больше на таких совещаниях не будет. Лазгин сникал, просил Дитрикса не горячиться, грозил пальцем остальным: «Один Жора среди вас человек, один! Порвать бы вас всех на британский флаг, дармоедов. Всё, ухожу. Поглядим, как вы тут выживете без Наримана, сучонки. Где машина?!». И так каждую пятницу.

Маша дышала тихо и ровно, дождь барабанил по железному подоконнику с настойчивостью японских барабанных оркестров, за окном опускались промозглые октябрьские сумерки. «Осень похожа на усталую стриптизёршу под утро», — придумал Стас начало долгого романа из жизни, скажем, финансовых аналитиков. Или династии сельских механизаторов. Или мичманов военно-морского флота. Или кавказских долгожителей. Или генеральных директоров сибирских медиа-холдингов. Осень всем впору, в отличие от весны, которая сидит как влитая на крепких плечах юности и болтается истасканной одеждой на огородном пугале ранней старости. Ладно, не хандри, какая такая старость в

сорок два года? Мы ещё ого-го, мы ещё поживём, мы ещё увидим небо в алмазах.

Харви Вайнштейн уже увидел, ага. Ни благородная старость, ни богатство, ни положение в обществе не являются в современном мире гарантией неприкосновенности. Нариман представлялся Стасу таким Вайнштейном местного разлива, совершенно искренне не понимающим, почему шлёпать по жопе проходящего мимо корректора («корректорку» теперь надо говорить, а не отлынивать от общемировых трендов, трудно, что ли, запомнить?) стало вдруг не знаком доброго расположения к сотруднице, а порицаемым обществом, этим, как его, сексизмом. Тем более, что сотрудницы продолжали старорежимно-шаловливо взвизгивать, давая понять, что они ни разу не против подобных проявлений мужского внимания.

Если случайно на совещании кто-нибудь вскользь и даже вполне себе осуждающе начинал разговор о феминитивах, Нариман взрывался и начинал орать, что вот такие мудаки-интеллигенты и просрали страну, потому что всё начинается с малого, и пусть ты хоть творческий-растворческий феминист, а русский язык коверкать не моги, что понятно даже выпускнику тебердинского техникума пищевой промышленности, но непонятно уважаемым журналистам из вверенного ему издания. И на этом пункте никто генерального директора успокоить не мог, даже Жора Дитрикс. В конечном итоге, Лазгин издал приказ, запрещающий использование новоязовских феминитивов в публикациях под угрозой штрафа и последующего увольнения в случае повторного нарушения корпоративной дисциплины. И по правде, такая домостроевская инициатива Стаса скорее радовала, чем раздражала.

Он, Нариман, в целом неплохой был мужик: широкой души, с внутренним почтением к людям, умеющим писать связные тексты, не злопамятный, позволяющий газете публиковать многое, давно недопустимое в других изданиях — вон, хоть Жоркины тексты возьми. А что комиссарит, следя за общеполитическим трендом, — так не по душевному порыву, а исходя из рациональных мотивов: не может «Сибирский телеграф», принадлежащий депутату Осипенко, идти против линии партии, если «Трест-118» хочет по-прежнему получать крупнейшие строительные заказы от регионального правительства. Если бы не этот нюанс, то Лазгину вообще было бы пофиг, что там его журналисты пишут.

Вероятно, была у генерального директора надежда, что тогда хоть зарабатывать толком газета бы начала, а не высасывать у Наримана по миллиону с лишним ежемесячно. Ну вот из этих миллионов и зарплаты в «Телеге» относительно приличные, и премии регулярные, и разница в окладе у заместителя главного редактора сравнительно с редактором сайта довольно существенная. А Маше давно уже пора поменять машину, десять лет её старушке «хонде» — вот и позволит себе с новой зарплатой взять нормальный автокредит. Если согласится, конечно, на их с Нариманом предложение.

За окном совсем стемнело и Стас потихоньку выбрался из постели, оделся, оглянулся на Машу. Та смотрела на него тихо и спокойно, как всегда. Но спросила:

— Так почему ты за Наримана сегодня выпить решил? Раньше в излишнем заочном чинопочитании не отмечался.

— Не знаю, как-то к слову пришлось.

— Не юли. Мы оба знаем, что Лазгин конченный мудака. Он даже курить в редакции женщинам запретил, не говоря уже о том, чтобы позволить особи женского пола занять руководящее кресло. Что-то здесь не так.

— Ну перестань, Маша. Не всё так однозначно с Нариманом, далеко не всё.

— Ладно, выкладывай. Я же вижу, что ты весь вечер что-то собирался мне разъяснить. Смелее, товарищ главный редактор. За окном идёт дождь, а у нас идёт чистосердечное признание.

Ну что ж, в любом случае этот разговор должен был состояться, сколько его не оттягивай. Да и откладывать надолго времени не оставалось, согласие Маши требовалось озвучить Нариману до среды, последнего рабочего дня Дитрикса в редакции «Сибирского телеграфа». Лазгин так и сказал: «Мне, Стасик, всё равно, кого ты выберешь в свои заместители, могу согласиться даже и с женской кандидатурой на определённых условиях, но окончательную фамилию будь добр назвать в среду. Свою позицию по Эклунд я озвучил, дальше тебе решать. И ей».

Озвученная позиция Наримана была проста, как пододеяльник: человек глубокой восточной деликатности не может позволить вести себя с женщиной, как с Дитриksom. На Жору можно было орать, крыть его матом, а в особо возмутительных случаях целенаправленного вредительства и трясти за лацканы пиджака. И Дитрикс в ответ мог на Наримана орать и трясти за лацканы пиджака: у мужчин это нормальный взаимоуважительный разговор на производственную тему. А с женщиной настоящей горец вести так себя не может и не должен, да? Женщина понимает только ласку, не Стасику это объяснять. Лишь в этом случае можно достичь гармонии в любом деле, даже в производстве газеты.

Понятно, что Стасик сам в состоянии справиться с этой проблемой, и у него, уверен Нариман, всё получится. Но все мы помним прискорбные случаи, когда Дитрикс оставался главным на хозяйстве, и где гарантии, что подобное не повторится при Эклунд? Кто-то же должен в отсутствие Стасика объяснять новому заместителю главного редактора тонкие нюансы текущей политики и делать это максимально доходчиво, да? То есть, без матерных выражений и дружеского рукоприкладства, а как-то иначе.

И чтобы понять, готова ли Маша правильно сосуществовать с генеральным директором, ей придётся поехать с Нариманом в Москву на следующей неделе. На три дня и, соответственно, на две ночи. По итогам командировки и будет принято окончательное решение. Вот такой расклад, Стасик, такой расклад. Думай сам, брат, тебе решать.

Стасик решение принял, теперь важно, чтобы с ним согласилась Маша. Но она же упрямая как не знаю кто. Как ослица.

— В Москве на днях форум «Пресса-2019» открывается, ты в курсе?

— Я в курсе, Стасик, что у нас там стенд будет. И в курсе, что поедут Лазгин и Лариса из рекламного отдела.

— Не Лариса. Ты поедешь.

Маша встала, надела халат, подошла совсем близко. Взяла в ладони лицо Стасика, долго изучала глаза. Потом убрала руки, села за стол.

— Такое, значит, условие, — голос был ровный, без нервных модуляций.

— Не условие, предложение, — Стаса отпустило, главное было сказано.

— И ты уверен, что оно правильное.

— Я ни в чём не уверен и решать только тебе. Но ты давно доросла до этой должности. И до такой зарплаты.

— И до Наримана, — Маша странно улыбнулась, тряхнула копной светлых волос, кивнула. — Хорошо, я подумаю.

— Вот и славно. Только недолго, мне в среду нужно сообщить ему о твоём согласии.

— Ладно, в среду так в среду.

Маша подошла к уже надевшему плащ Стасу, чмокнула в щёку.

— Ступай, Стасик. Поздно уже.

— Ага, — он поднял воротник, шагнул за дверь и, насвистывая, поспешил вниз по лестнице.

А Маша подошла к окну, посмотрела сквозь дождь как размытый силуэт Стасика, перепрыгивая лужи, скрывается за углом дома.

Потом позвонила Дитриксу узнать, когда тот улетает в Санкт-Петербург.

Открыла ноутбук, забронировала билет на один с Жорой рейс. Затем набрала тётю Тельму из Гётеборга, сестру отца, которая после его смерти при каждом разговоре призывала Марию уехать в Швецию из этой странной и страшной России. Тётушка никогда не была в России, ни разу не видела племянницу, но точно знала, что той следует жить на родине предков, пусть даже из предков шведом был всего один. Тельма сообщила, что она дома и никуда в ближайшие недели уезжать не собирается.

Тогда Маша заказала билет на рейс из Питера в Стокгольм. Больше её с этой страной ничего не связывало.

Глава 3. Доклад

«Постоянная рубрика «Воины света» даёт возможность нашему изданию обратиться к подростковой аудитории, говорить с ней на одном языке, отсылая молодёжь к привычным им, увы, голливудским блокбастерам, всевозможным шутерам, главные герои которых всегда стоят на светлой стороне в борьбе с изначальным злом — будь то зомби, инопланетные монстры или земные террористы. Сегодня крайне важно объяснять подрастающему поколению на простых и внятных примерах, где проходит грань между добром и злом, где начинается настоящий, а не выдуманный терроризм и кто является истинным героем нашего времени».

Фраза была не столько корявая, сколько формальная, а Стасу хотелось, чтобы его доклад максимально выделялся на фоне скучных чиновных речей нестандартностью, живостью слога и приведённых примеров. Он всё же журналист, который понимает, что работать с молодёжью нужно творчески, с выдумкой, а не сухими цифрами статистики и лозунгами из телевизора, коих, понятно, на конференции будет в избытке.

А здесь же важен не только отчёт для галочки участия в официальном масштабном мероприятии, здесь важно показать высоким гостям из администрации президента, что «Сибирский телеграф» подходит к делу творчески, неформально, с неподдельным интересом. Оттого и доклад должен звучать несуконно, заставляя аудиторию оторваться от изучения твиттера в телефонах и вслушиваться в суть сообщения главного редактора одного из ведущих сибирских медиа-холдингов.

Нариман очень рассчитывал по итогам конференции увеличить долю федерального финансирования и оттого дал добро на допустимую резкость и критичность выступления Стаса Кружкова. Потому сейчас, в поезде, он в

третий раз перечитывал свой доклад, добавляя остроты и солёности в заранее согласованный наверху текст.

На производстве фразы «в реальности же настоящих зомби нередко можно встретить в кабинетах чиновников региональных министерств образования» дверь открылась, в купе втиснулся крупный мужчина лет сорока с объёмистой наплечной сумкой, сказал «здрасьте» и начал снимать пуховик, как-то сразу заполнив собой невеликое свободное пространство стандартного отсека скорого фирменного поезда «Байкал». Только сейчас Стас заметил, что за окном начал медленно уплывать назад перрон станции Барабинск. Что ж, придётся на краткое время прерваться с правкой доклада: не страшно, завтра выступление на панели «Региональные СМИ: опыт работы в новых условиях» запланировано ближе к концу дня: всё успеем, всё подчистим, не впервой.

Новоявленный сосед справился с верхней одеждой, уторкал сумку на положенное ей место, присел напротив на свою полку, представился:

— Николай.

— Станислав Александрович, — пожал твёрдую лапищу Кружков.

— Билетов в плацкارت не оказалось, пришлось купейный брать, — почти извинился попутчик. — У меня послезавтра борт из Иркутска, на вахту еду.

— Понятно, — вежливо согласился Стас. — А мне уже утром выходить, так что дальше вам тут комфортнее будет.

— Да прям, — усомнился Николай. — В Новосибе всегда полный вагон набивается. Но это в плацкарте, про купейные не знаю, врать не буду... Жена тут в дорогу собрала кое-что, поужинать не хотите?

Кружков понял, что хочет. Да и отвлечься можно от доклада, поговорить с человеком из народа, узнать, так сказать, чаяния масс в разрезе текущих событий.

Это когда целый вагон с вахты едет, тогда не знаешь где спрятаться от шумных работяг, дорвавшихся до магазинного легкодоступного алкоголя. Поездные менты устают сдавать на каждой станции по одному, а то и больше из не в меру буйных пассажиров коллегам из линейной полиции. Стас в пору своего начинающегося журнализма пару раз катался по Транссибу и БАМу в плацкартных вагонах, представление об этой публике имеет. Но отдельный вахтовик, едущий на работу, как правило, тих, грустен и неназойлив.

Вот и Николай грустно и неназойливо выложил на столик контейнер с традиционной жареной курицей, два яйца, разрезал вдоль огурец, присыпал его солью. Стас в свою очередь достал кусок запечённой Верой в фольге свинины с чесноком и гвоздикой, бутерброды с сыром, спросил:

— Чай сразу закажем?

— Да у меня есть «липтон» в пакетиках, сами потом кипятку нальём, чего тратиться. А то может, до чая чего покрепче? За знакомство и вообще. У меня есть.

— У меня тоже, — не стал возражать Кружков.

В России сложно познавать окружающий мир без водки, как главного коммуникатора здешнего человечества.

Николай достал из сумки бутылку «Гаёжной», сообщил:

— Нормальная водка, не палёная. У нас все только её берут, не боись.

— У меня тоже не палёная, — успокоил Стас, выставляя на стол «Блэк Лейбл».

Попутчик взял в руки квадратную бутылку, покрутил, разглядывая этикетку:

— Виски? Нет, не люблю.

— Я же не заставляю, — успокоил Кружков. — Кто на что учился. Выпили за успешные перспективы перемещения в пространстве, закусили чем жёны послали. Повторили за приятное знакомство.

— Не мобилизуют? — спросил о насущном Стас.

— Не должны, — пожал плечами Николай. — Начальство сказала, что у нас в «Транснефти» бронь.

— Ну а если вдруг? — разлил по третьей исследователь глубин народного мироощущения. — Пойдёшь на войну?

— Не пойду, — попутчик сосредоточенно ломал куриную ногу. — Зачем?

— Ну как? Донбасс защищать, фашистов воевать, бандеровцев.

— А они мне ничего плохого не сделали. И НАТО ничего плохого не сделало, и Америка. Ты бы телевизор поменьше слушал, Станислав... извини, отчество забыл.

— Да просто Стас, — отмахнулся от условностей Кружков. Представитель народа попался любопытный, нестандартный. На такого не жаль не только украденного у доклада времени, но и дорогого виски.

— Кстати, может виски попробуешь всё-таки? Неплохое, серьёзно.

— Ну, плесни чутка, — вежливо согласился Николай. — А я тебе «Таёжной» тогда. Давай, чтобы не было войны.

— Смело, — оценил Стас. — Поддержу. Дети есть?

— Сын из армии весной вернулся.

— А он как?

— Что, «как»?

— На фронт не собирается? К «Вагнеру» на контракт, к примеру?

— Он же не дебил. Хотя, не факт — жениться вот собирается. А на войну пусть придурки едут.

— Ты бы поаккуратнее, Коля. По нашим временам так на статью наговорить можно. Ты же меня совсем не знаешь. Нет, я, понятно, могила, но с другими поостерёгся бы подобные разговоры вести.

— Да похрен мне. Вся страна так думает, кроме совсем ушибленных на голову... Нормальный у тебя вискарь, ага. Давай-ка ещё по одной на распробовать. Выпили. Николай вытер руки бумажной салфеткой, поинтересовался:

— А ты сам-то не боишься, что загребнут?

— Так у нас тоже бронь.

— На оборонку работаешь?

— Нет, журналист.

— Серьёзно? О, я тебе сейчас такие истории из жизни расскажу — вообще уникальные. Книгу можешь потом написать... Погоди, станция вроде. Пойдём узнаем успеет покурить на перроне, нет. Да, ладно переобуваться, в тапочках выйдешь, минус пятнадцать на улице всего.

Через час пустая бутылка из-под виски стояла под столом, да и в «Таёжной» водки оставалось на две рюмки.

«Спонтанный, нутряной пацифизм, он у нас откуда? — пытался анализировать разговор Стас. — Оттуда, из той ещё войны. Когда народ натерпелся, навоевался, наубивался и решил, что больше никогда и ни за что. И бабушка Фрося вздыхала «лишь бы не было войны», и дед Виталя военные фильмы не любил, больше комедии Гайдая жаловал. А вот отец уже её романтизировал, песни там всякие Окуджавы и Берковского пел, где про негромкий подвиг. Выстраданный, неизбежный, человеческий, но подвиг же!

И наше поколение росло на играх в танчики и фильме «Батальоны просят огня». Потому в Афган добровольцами записывались, на войну за романтикой, как Эдька, брат Витьки. И отношение к новым ветеранам нормальное в обществе складывалось.

А потом и парады вернулись, и фронтовикам всяческое почтение, и уроки мужества в школах. На Чеченскую шли, потому что нужно. Не очень ещё общество готово было к новым жертвам, но двигалось в верном направлении, хотя нахрен бы эта Чечня нам сдалась, с её нынешним ханом.

Но когда случился Крым, страна проснулась, стране нужно было возвращать своё. Тогда и сам Стас ощутил странное единение с народом, тем самым, которого раньше старался обходить стороной. Пошло пробуждение самоидентификации, обернувшейся сегодняшней спецоперацией. За святое дело? Ну, чёрт его знает, похоже, да. И вроде бы вся страна шагает в ногу, а этот Николай не в ногу. Да и не он один, хоть Жорку Дитрикса возьми.

Наследие олд-скул, всё оттуда, где «лишь бы не было войны». Они не предатели никакие, конечно, не враги народа, как говорят в телевизоре. Просто мы имеем неискоренённый животный пацифизм. Что-то вроде гомосексуализма, который, говорят, не лечится. Нужно бы покрутить эту мысль, оформить тезисно...» Но тут вернулся из туалета Николай, бросил полотенце на верхнюю полку, напомнил:

— Говоришь, памятник твой приятель обоссал и менты его приняли? Бывает. И что дальше?

— А дальше собрались мы на другой день в обед похмелиться вчерашней компанией и додумались позвонить этому Сергееву. Представляюсь по телефону: «Старший уполномоченный такого-то РОВД майор Синицын. Безобразничали вчера в общественном месте, Евгений Алексеевич, памятник Ермаку Тимофеевичу, так сказать, обвандалили? Нехорошо это, некрасиво. Вынужден сообщить о вашем антиобщественном поступке в областную администрацию, как учредителю издания, в котором вы трудитесь. Ставлю вас в известность».

— И чего, поверил?

— Ещё как. Начал юлить, уговаривать отступить от должностной инструкции, но я был непреклонен. А телефон же на громкой связи, все рты зажимают от хохота... Потом просмеялись, набрал его снова объяснить, что шутка была, розыгрыш, так он и этому долго верить отказывался. Месяц потом со мной не разговаривал. Такая была история, да.

— Вот же забавы у вас, журналистов, — Николай вылил остатки водки в один стакан, располовинил дозу точно на две, протянул гранёную ёмкость Кружкову.

— И всё, и я сразу спать, — твёрдо пообещал попутчику Стас.

— Поехали, — согласился Николай. — Вот только ещё одну историю на сон грядущий расскажу.

— Погоди, — Стас пытался справиться с свернувшимся в солдатскую скатку одеялом. — Скажи вначале, у вас там на вахте все такие же пацифисты как ты?

— Кто? — вначале не понял попутчик. — А, которые против войны. Да почти все, вся бригада. Есть двое с припиздью, конечно, так они и до войны с ней были, чего с них взять... Ты, Стасик, послушай лучше. Я тогда ещё в Енисейске жил, на МАЗе работал.

— Я слушаю, слушаю, — включил ночник над головой залёгший под одеяло Кружков. — Только свет верхний погаси, будь добр.

Николай выключил освещение, заскрипел поездным матрацем, продолжил: «И вот, значит, звонит мне знакомый капитан из МЧС, говорит: «Не хочешь, Коля, на рыбалку слетать? Мы тут компанией собрались: главврач больницы, начальник ГАИ, районный охотовед. Тебя решил позвать, все равно Ми-8 полупустой будет». Думаю, неплохо знакомство с главным местным гаишником завести, почему нет?»

Собрались в аэропорту, перезнакомились, полетели. Вертолёт высадил нас на заснеженную поляну с избой посреди тайги и улетела обратно, чтобы к вечеру вернуться. Народ взялся лыжи пристёгивать, а у меня лыж-то и нету, никто не сказал, что далеко от речки десантироваться будем. Ну, они мне направление показали, говорят: «Давай, Коля, по нашим следам догоняй». И ушли, ага. Я короб на плечи, и вперёд по снегу. А он, слышь, по пояс — в феврале уже дело было. Пробьюсь по лыжне метров сто, десять минут отдыхаю, аж пар идёт. Хорошо, было с собой: рюмку накачу и дальше можно снег месить. А там километра полтора до речки оказалось.

Короче, выбрался кое-как на берег — а рыбаки уже удочки свернули: «Не берёт хариус сегодня, Коля. Погода, что ли, не та. Мы обратно в избу, там борт подождём. Подтягивайся». Вот я и назад ещё часа два пробивался, еле к вертушке успел. Съездил, блин, на рыбалку, свёл знакомство с начальником ГАИ, ага...

Или вот теперь у нас на вахте, на Лене уже, медведь на участок ходить повадился. И такой, знаешь, настырный, наглый...».

Под медведя Стас и заснул. Проводница разбудила вовремя, за полчаса до прибытия в Энск. Коля храпел так, что стаканы на столе вздрагивали. Кружков будить его не стал.

Билет на обратный вечерний поезд лежал в кармане, гостиница не предполагалась, и Стас зашёл в пустое по утреннему времени кафе неподалёку от привокзальной площади. Конференция открывалась в десять утра, часа полтора времени у него ещё было.

«Каждый из присутствующих может вспомнить примеры, когда, казалось бы, нормальные, давно знакомые ваши друзья с приятелями напрочь отказываются понимать и принимать цели специальной военной операции. И пусть бы они сами ошибались в своих заблуждениях, но ведь они свой ошибочный пацифизм вкладывают в головы и души детей...».

Кружков отвлёкся от правки доклада на официантку, принёсшую кофе с круассаном. Девушка была в медицинской маске, как призрак из недавних довоенных времён, когда ковид казался максимальным злом, которое может случиться с человечеством.

Ну так он злом и был: по крайней мере, нынешняя война до сих пор не затронула напрямую никого из близких Стаса, а проклятый коронавирус прибрал мать в самом начале пандемии. Дитрикс две недели на ИВЛ отлежал, Игорёк Смирнов у себя в Киеве тяжело болел, месяц в реанимации, но выкарабкался, слава богу.

Не факт, что сам Игорь сейчас желает здравствовать другу детства Стасику, ну так у них там сейчас у всех мозги набекрень. Тонко действуют американцы, грамотно: целый народ превратить во врагов — это масштабная информационная работа, глобальная, можно сказать. Сколько лет они её вели, целое поколение украинцев сумели вырастить на волне русофобии. А мы вечно запаздываем, вечно бьём по хвостам. Вот только сейчас за точное воспитание

подростающего поколения взялись, но поздно, поздно, поздно... Ещё с нашей юности нужно было предметно объяснять разницу между добром и злом, истинным и ложным патриотизмом, может тогда и Игоряна удалось бы спасти, как и многих других нынешних брезгливых чистоплюев.

Нет, Смирнову уже никак не помочь, он полностью индоктринирован в новообретённое украинство, не оставляющее возможности видеть в соседях таких же людей, а не бездушных роботов-убийц. Даже в бывших близких друзьях. Как он там сказал во время последнего телефонного разговора? «Сюда бы тебя, Стасик, в нашу операционную, где детей сшивают по кускам. Детей, понимаешь?! А ты мне рассказываешь о том, что у меня мозги промыты американской пропагандой. Родителям этих детей расскажи, мне не нужно... А ведь раньше ты был человеком, Стасик. Только давно».

Сказал в конце, что заблокирует мой номер. Его право, пусть. У каждого своё представление о человечности. Вот он, Кружков, Игоря бы простил, доведись им когда-нибудь встретиться. Для Стаса их долгая личная история, включающая в себя собаку Лорда, погибшего в Афгане Эдьку Отчалова, неудачную женитьбу Игоря на Алле много важнее любых геополитических разногласий. Сегодня Донбасс с Крымом русские, завтра украинские, послезавтра вообще, может, мавританские станут, ну и что, как это отменяет старинную дружбу? Просто всегда нужно оставаться человеком, хорошим человеком, по возможности. Только и всего. Но Игорю уже этого не расскажешь...

Время однако поджимало, организаторы настойчиво рекомендовали пройти регистрацию не позднее чем за полчаса до начала конференции «Региональные аспекты патриотического воспитания». Стас закрыл ноут, рассчитался и вызвал такси до географической точки проведения мероприятия — возможно, судьбоносного для «Сибирского телеграфа», да и для самого Кружкова, что уж тут кокетничать перед собой.

До обеда планировалось пленарное заседание с традиционными присутственными речами обтекаемого общего содержания. Стас нашёл своё место с табличкой в амфитеатре фешенебельного конгресс-холла, прицепил прилагаемый обязательный значок «За наших детей!» и погрузился в окончательную доводку текста, который должен был прозвучать на профессиональной панели в присутствии серьёзных федеральных чиновников и главных столичных пропагандистов.

Пропаганда — это нормально, давно решил для себя Кружков, если она помогает работать даже пусть и не вполне на правду, но на конечную благородную цель, которая оправдывает средства. О принципиальной журналистике можно и забыть на время испытаний, потом к ней вернёмся, когда обеспечим безопасность страны. Тогда опять можно будет вкладывать персты в язвы общества и лечить его словом. Сейчас не время и не место. Стас стучал по клавиатуре, не вникая в суть привычного бубнежа, несущегося с трибуны бесконечным потоком фраз про народный патриотизм, западную русофобию, подрастающее поколение, святой подвиг Победы, героизм участников спецоперации, — ритуальность подобных мероприятий неизбежна, но обсуждение конкретных идей и, следовательно, борьба за их перспективное федеральное финансирование начнётся после обеда. На панельной дискуссии выйдут в ринг волки-профессионалы, действия которых нешумные арбитры будут оценивать не только выставленными баллами в своих кондутах, но и конечными цифрами бюджета, выделенного на итоги конференции. И даже

изредка направляемые на Кружкова камеры операторов центральных каналов ТВ его не слишком смущали: на картинке будет видно, что работает человек и работает, может он сразу творчески переосмысливает тезисы, звучащие с высокой трибуны. Это нормально. Но когда прозвучала торжественная фраза «Президент Российской Федерации!», Стас поспешно закрыл ноутбук и встал вместе со всем залом, перед которым на большом экране было явлено лицо живого вождя нации.

Президент смотрел на собравшихся устало и ласково. Кружков не вслушивался в его формальную приветственную речь, он видел перед собой человека, на чьих плечах лежал тяжелейший груз ответственности за страну в этот критический период её истории. Стас ощущал себя небольшим колёсиком приводного механизма государственного управления, мелкой деталью двигателя внутреннего сгорания нации на поле битвы за восстановление исторической справедливости. Мелкой, но вынь её — в смысле, его, Станислава Александровича Кружкова — из схемы информационного сопротивления, и ослабнет, провиснет государство на отдельно взятом участке, допустит сбой, которым не замедлят воспользоваться те, кто мечтает видеть Россию ослабленной, больной, проигравшей. И уставший человек на экране обращается сейчас прямо к нему: дескать, стой крепко, не подведи, на тебя вся надежда. Значит будем стоять крепко, Владимир Владимирович, не посрадим, будьте уверены.

Президент пожелал участникам плодотворной творческой работы на благо Родины, выслушал ожидаемую овацию зала, кивнул, улыбнулся и выключился из трансляции.

Стас, отаплодивовав, вновь открыл ноутбук с неловким чувством возвращения в реальность: о деле нужно думать, о конкретном выступлении, до которого оставалось всего-то пара часов, а не парить в облаках сопричастности к Великой Русской Идее. «Бр-р, — чуть отряхнулся внутри себя Стасик. — Как под удар башни-излучателя попал. Нет, Стругацкие гении, конечно, были. Не только своего времени, но и нашего, нынешнего, вполне себе саракшского или арканарского, на выбор».

Кружков подумал минуту и уверенно вбил в текст доклада абзац: «Да что там далеко ходить, ехал я сегодня сюда на поезде в купе с одним любопытным персонажем по имени Николай. Простой работяга, вахтовик «Транснефти», участок у него чёрт-те где, в крохотном якутском посёлке на реке Лена. Казалось бы, кто как не он должен поддерживать специальную военную операцию? Ведь она защищает сегодня самых простых людей от Белгорода до Владивостока, не позволяет ушлым англосаксам установить окончательный контроль над нашими энергоресурсами, которые и качает этот Николай в дружественный нам Китай. Но нет. Удивительно, но простой рабочий говорит: «Мне Украина ничего плохого не сделала, не собираюсь с ней воевать». И сыну то же самое внушает. И мы же понимаем, что это тоже наши люди, что они так считают не по злобе душевной, а от давно внушённого им ложного пацифизма. Нам нужно бороться за них, не оставлять наших с вами сограждан один на один с ютубом и другими западными соцсетями, подпитывающими подобные настроения. И вот что мы делаем у себя в «Сибирском телеграфе» для противодействия настроениям подобного рода...».

Хороший период получился, живенький, натуральный. Мастерства, как говорится, не пропьёшь.

Доклад понравился. После завершения формальной части конференции кремлёвский эксперт управления по общественным проектам запросил у Кружкова текст его выступления. Стас передал девочке на побегушках из числа мелких клерков аппарата представителя президента в Сибирском федеральном округе заранее заготовленную папку с докладом и финансовым обоснованием проекта «Воины света», проследил за реакцией главного арбитра их панели. Эксперт принял папку, бегло просмотрел содержимое, нашёл глазами Стаса, одобрительно кивнул. Дело, судя по всему, сделано. Можно звонить Нариману с докладом, что на следующий год проектное финансирование «Сибирскому телеграфу» обеспечено. Впрочем, это можно сделать на вокзале, до которого ещё добраться нужно. Стас посмотрел на часы, до поезда оставался час. Только начал ставить задачу «Яндекс-такси», за рукав взял вежливый человек скромного внешнего вида:

— Буквально на пару минут, Станислав Александрович, — спокойный тон, холодная улыбка. — Давайте вон там присядем ненадолго.

Повернулся и пошёл в глубину холла в полной уверенности, что Кружков следует за ним. Расположились в мягких креслах у круглого низкого столика, подальше от расходящихся участников конференции.

— Толковое выступление, Станислав Александрович, мне понравилось, — незнакомец смотрел благожелательно, уверенно.

— Спасибо, — поблагодарил Кружков. — С кем имею?

— Пожалуйста, — незнакомец протянул скромную визитку без указания занимаемой должности: просто неизвестные Стасу фамилия, имя, отчество, телефон и электронный адрес. — Надеюсь, доклад будет оценён в нужных кругах соответствующим образом. Но меня интересует не конечный результат, а буквально незначительный эпизод вашего выступления. Не возражаете?

— Не очень понимаю, о чём речь, но, в принципе, не возражаю.

— Да сущая ерунда, — собеседник достал блокнот и ручку. — Вы упомянули некоего попутчика Николая. Мне бы хотелось получить о нём любую дополнительную информацию... Нет, если это исключительно плод вашего воображения, придуманная деталь для убедительности излагаемой картины мира, то и вопросов нет. Вы безусловно вольны в своих фантазиях.

Представитель тех структур, сотрудничества с которыми Стас старался избегать всю свою сознательную жизнь, даже сделал попытку встать с понимающим и всепрощающим выражением лица.

— Что значит, фантазии? — возмутился очевидным наветом Кружков. — Абсолютно реальный человек. Сел на поезд в Барабинске, работает в посёлке Витим оператором «Транснефти». Фамилию не спрашивал. И разговор у нас с ним был ровно такой, какой я озвучил в качестве примера. Я журналист, в нашей профессии не заведено придумывать несуществующие факты. За такое, знаете, в моей молодости канделябром били.

— Я верю, верю, — собеседник спрятал в карман блокнот с зафиксированными сведениями. — Вы нам очень помогли. И не беспокойтесь, Станислав Александрович, мы из чисто профилактических соображений: сами понимаете, человек с такими взглядами работает на газопроводе федерального значения. А ну как он диверсию измыслит? Сами понимаете. В общем, спасибо за сотрудничество, установить вашего Николая теперь совсем просто будет. При необходимости с вами свяжутся сотрудники нашего регионального управления. Будьте здоровы.

Человек в скромном костюме вежливо улыбнулся и пошёл в сторону выхода.

«Напьюсь, — решил Стасик. — Сяду в поезд и напьюсь». В портфеле лежала ещё одна бутылка виски. Хорошо что тогда у них с Николаем сил на неё не хватило. «И дай мне, господи, пустое купе, — молитва была искренней. — Чтобы ни одного попутчика. Ни одного».

Просьба имела реальный шанс быть услышанной. В эти предновогодние дни поезда по Транссибу ходили полупустыми. Тем более, купейные вагоны.

Глава 4. Стаханов

Шёл сорок шестой день войны. Первые тридцать случились ещё в декабре, во время первой командировки Стаса Кружкова на Украину. Тогда Нариман внеурочно приехал в редакцию после обеда в среду, пригласил главного редактора, налил Стасу и себе сразу по полстакана виски, поглядывал виновато, что вызывало чувство холодной неуютности ближайших перспектив.

Перспективы не замедлили проясниться.

— Стаханов знаешь? — спросил генеральный директор.

— Все знают, — пожал плечами Кружков. — Шахтёр, передовик, впоследствии алкоголик, если верить позднейшим биографическим исследованиям.

— Я тебя русским языком спрашиваю: «Стаханов?» Если бы хотел про шахтёра, так бы и спросил: «Стаханова знаешь?» Пусть я малограмотный курд, журналистике не обучался, но не нужно делать из меня карикатуру, да? Короче, не знаешь.

— А должен? — Стас начал заводиться — и от излишней дозы виски, и от сложных восточных заходов в тему.

— Ещё как должен, — Нариман налил по второй. — Стаханов находится на карте под Луганском, Стасик, это город такой на территории ЛНР. Сегодня на совещании у губернатора принято решение о том, что наш регион берёт над ним шефство.

— О как, — вторая порция «Блэк Лейбла» легла на прояснение ситуации. — Погоним теперь, значит, туда за счёт бюджета технику, стройматериалы, гуманитарку. У нас же самих-то денег девать некуда. Совсем они уже там охренели.

— Где там, в Кремле? Ты дурака-то выключай: не сам же губернатор себе придумал в ногу стрелять, прямое указание пришло. Время военное, приказы не обсуждаются.

— Да уж, скоро год как война, а конца края никак не вырисовывается. Теперь ещё Стаханов этот на нашу шею.

— И на твою конкретную, Стасик, уж извини.

— В смысле? — наконец дело дошло до главного.

— Поедешь туда, в Стаханов, — Нариман перестал прятать глаза, впервые посмотрел открыто.

— Зачем? — вопрос был глупый, но кто бы не затупил в такой ситуации.

— Оказывать шефскую помощь местной газете в проведении качественной информационной политики, — Нариман достал телефон, надел очки. — Вот, я записал: «Стахановские известия».

— Пиздец, — сказал Стас, не ругательства ради, а констатации для.

— Ну, — согласился генеральный. — А что делать?

Да ничего тут не поделаешь. Кружков не первый год жил на этом свете, расклад понимал: в администрации президента взяли карту страны и обложили российские города и веси дополнительным финансированием населённых пунктов так называемых освобождённых территорий из своих региональных

бюджетов. Нам достался этот самый Стаханов. Теперь в Кремле ждут здоровой конкуренции в реляциях с мест об исполнении поставленной задачи.

Собрать даже пять грузовиков первой мало-мальской гуманитарной помощи — неделя уйдёт, не меньше. А там теперь фиксируют каждую информацию о телодвижениях в этом направлении и опоздать с докладом о начале работы на подшефной территории — значит, заведомо проиграть на фронте управления внутренней политики, где в зачёт идёт каждый лишний баннер военно-патриотического содержания, не говоря уж об исполнении новейшей политической инициативы.

Но если не можешь отрапортовать в первые дни о выдвижении колонны грузовиков, украшенных лозунгами «На Донбасс!» (а эти кузовные тенты ведь ещё и изготовить нужно), то отчего бы усиленно не подсветить на федеральных каналах проводы на Луганщину специалистов информационного фронта: и темп не потеряя, и усилий никаких. Нет, толковый ход, чего уж. Можно было бы и поаплодировать губернатору в другой ситуации.

— А что, никого другого не нашлось? — для порядка спросил Стас. — Мы вроде как частное СМИ, негосударственное. Чего не Волкову из «Сибирской губернии» или Преснякова из ГТРК?

— Все нашлись, все поедут. И ты, и Волкова, и Пресняков, и Кенгиревский из «Бизнес-вестника». Вахтовым методом, по месяцу каждый. «Сибирскому телеграфу» оказано особое доверие открыть эту почётную вахту: Сергей Тарасович настоял, так что, сам понимаешь, обратного пути у тебя нет.

— Когда? — Стас устал от объёма лишней информации, подставил стакан. — Наливай. Молодцы вы с Осипом, конечно, удружили.

Нариман разлил остатки из бутылки, кивнул, соглашаясь: удружили, мол, не спорю, но на то была воля владельца газеты, ему виднее. А вслух сказал:

— Губернатор выделил специальный грант под это дело: каждая командировка — двести тысяч. И Осипенко ещё столько же обещает тебе доплачивать. Цени, у «Сибирской губернии» таких доплат не будет, они и шагу за пределы своей статьи областного бюджета сделать не могут. А лететь тебе в воскресенье.

На местном военном аэродроме Кружков почувствовал себя белым верблюдом: все участники делегации, возглавляемой заместителем губернатора Фибухом, были одеты в нечто разнообразно-камуфляжное, и лишь Стас выделялся пуховиком цвета мирного времени. Оттого понимающие момент камеры местных телеканалов старательно обходили его вниманием, концентрируя свои объективы на brutальных чиновниках, геройски отправляющихся на фронт. Ну и на напутствующем их губернаторе, конечно. Соответствующие речи, указы, Z-символика, все дела. Всё для пользы, всё для победы в святом деле отчётности в Кремль.

Из Ростова долго ехали на микроавтобусе комфортабельной импортной марки в Луганск. Там тяготясь ждали двух бэтэров сопровождения, и в Стаханов прибыли уже в сумерках понедельника.

Здесь зеркально повторилась церемония встречи в местной администрации: телекамеры, Z-плакаты, ритуальные проклятия киевской хунте, объяснения в нерушимой взаимной любви Донбасса и Сибири. Когда Фибух доставал из пакета и тряс над головой горстью земли, специально привезённой им из Сибири для ещё более лучшего побратимства, кажется, только Кружков переживал мучительный кринж, остальные ничего, аплодировали. Во вторник делегация сибирских рискованных людей отправилась обратно. Фибух долго мял

остающемуся Стасу руку, называя его миссию героической и судьбоносной. Телекамеры фиксировали.

Утром Кружкова у гостиницы ждала редакционная «Волга» и, собственно, сама главный редактор «Стахановских известий» Ольга Воленчик — сухая, невысокая женщина в дешёвых чёрных джинсах, не скрывающая седины короткой стрижки. Никаких пошлых «редакторок» Ольга Валентиновна не признавала: отношение к новой этике и прочим феминитивам они со Стасом прояснили ещё вчера, во время первого знакомства на протокольном мероприятии.

— Это лишнее, — ткнула пальцем в стасиковский бронежилет, успевший натереть ему шею.

Он и сам уже понял, хоть и свыкся за последние сутки с неизбежностью дурацкой тяжёлой амуниции. Хорошо, каску (или правильно, сферу) догадался в номере оставить. Прохожие стахановцы, судя по всему, не отличались приверженностью к модному стилю милитари и как-то обходились в повседневных нарядах без касок и броников. Кружков отстегнулся от бронежилета и пихнул его на заднее сиденье, поинтересовался:

— Какой план действий, Ольга Валентиновна?

— Здесь вы начальник, — пожала плечами Воленчик. — Какой прикажете.

Стас вздохнул: не нравится он здешнему редактору, да и ему самому вряд ли пришёлся бы по душе непонятно зачем и невесть откуда вдруг назначенный комиссар с руководящей и направляющей ролью в мандате.

— Ладно, давайте вы мне обзорную экскурсию по Кади'евке устроите для начала.

— Ка'диевке, Станислав Александрович, Ка'диевке, — сухо улыбнувшись, поправила Воленчик. — Ударение на первый слог, если уж вам угодно величать Стаханов прежним укропским названием.

«Второй прокол за пять минут, — отметил про себя Стас. — И это только начало». Редактор тем временем уже села за руль «Волги», спросила: «На заднем сиденье предпочитаете или на переднем?» Кружков демократично выбрал место рядом с водителем, в смысле, с Воленчик.

Машину она вела уверенно, не нервно. Попутно комментировала окружающий городской пейзаж:

— Можно было бы и Серго припомнить: так наш город перед той ещё войной с немцами переименовали в честь Орджоникидзе... А вот тут спорткомплекс был, прошлым летом разбомбили... Слева памятник самому Алексею Стаханову. Здесь Кружков попросил остановиться. Достал из рюкзака «никон», сделал несколько снимков. Первый стахановец держал отбойный молоток на плече, как винтовку, да и каска на голове, опять же. Город боевой и трудовой славы.

— Пил он, говорят, сильно после войны? — «Волга» тронулась дальше.

— Все шахтёры пьют, — пожала плечами Ольга. — До Москвы, говорят, не больше других пил. Так он сразу после своего рекорда, считай, туда и уехал. А когда вернулся из столицы в пятьдесят седьмом, то уже алкоголиком... Вон в той стороне дорога на Центрально-Ирминскую шахту ведёт, где Стаханов 127 тонн за смену нарубил. На прошлой неделе туда мощный прилёт был.

— По мирным прилетело или военные там стояли?

Воленчик повернула голову, смерила Стаса долгим взглядом, помолчала.

— Не стоит такие вопросы задавать, Станислав Александрович. Не в России.

Кружков уже открыл рот, чтобы сообщить, что как раз в России, согласно принятым изменениям в Конституции РФ, но вовремя себя остановил: не в России так не в России.

Потом они приехали в редакцию, Ольга Валентиновна заселила новоявленного комиссара в свой кабинет, не слушая возражений: «Ничего, я в соседнем отсеке себе стол поставила, там в бухгалтерии мне и компьютер уже подключили. За меня не переживайте, если понадобится, можете просто в стену кулаком стукнуть».

Кабинет редактора был, что называется, беденький, но чистенький. Стас открыл ноутбук и написал в «Телегу» первый свой репортаж с Луганского фронта боевых действий. А с Воленчик они потом ничего, сработались.

Те первые две недели войны дались Стасу непросто: не в смысле постоянной опасности получить «хаймарс» в голову, а в смысле погружения в ситуацию. Городок Стаханов жил своей давно привычной прифронтовой жизнью, включавшей в себя воздушные тревоги, военные патрули на улицах, разношёрстных бойцов, норовивших без очереди закупиться в магазинах, стойкий запах соляры бронетехники. Но всё это было лишь камуфлирующим антуражем относительно мирной жизни с повседневной работой, толкотнёй в автобусах, песнями Лепса в вечерних заведениях ресторанного толка. Такое странное сосуществование войны и мира, в котором и сам граф Толстой не разобрался бы за месяц командировки.

В редакции работало одиннадцать сотрудниц газетного фронта и один инвалид первой военной кампании, потерявший на ней кисть левой руки, — он числился охранником. С мужчинами в Стаханове случился дефицит по случаю массовой мобилизации прошлого года, а работа в СМИ, в отличие от российской практики, гарантией от призыва в ряды защитников Отечества не являлась, оттого престижной считаться не могла.

Но «Стахановские известия» как-то всё же жили своими привычными провинциальными заботами — с отчётами о работе местных властей, с новостями рыночной экономики городского рынка, с репортажами об отправке добытых объёмов угля в матушку-Россию и с несчастными некрологами бойцов, павших смертью храбрых в войне против НАТО.

В первый день Воленчик представила коллективу Станислава Александровича Кружкова как «главного редактора «Сибирского телеграфа», оказавшего честь нашей газете своим участием в формате её дальнейшей интеграции в медиaprостранство Российской Федерации». Еле уловимая ирония звучала в тональности руководителя «Известий», а может Стасу так только показалась.

Редакционные тётки равнодушно приняли информацию к сведению и разбрелись готовить очередной номер о проблемах городской канализации и затянувшемся восстановлении очередной штольни Ирминского рудника.

Экономика газеты держалась исключительно на городском бюджете: тираж бесплатно распространялся через предприятия и домоуправления, полумёртвый сайт жил отдельной от потенциальных рекламодателей жизнью. Но если такая ситуация устраивает издателя «Стахановских известий», то кто я такой, чтобы что-то тут менять, решил для себя Кружков. Через пару дней знакомства с газетой и общей обстановкой Стас решил озвучить свою арию сибирского гостя.

— Давайте упростим ситуацию, Ольга Валентиновна, — предложил он сидящей на стуле для посетителей в своём редакторском кабинете Воленчик.

— На всё ваша воля, Станислав Александрович.

— В общем, я здесь вам не враг, не ревизор и не вершитель судеб. Мне, знаете, эта поездка тоже на хрен бы не сдалась, если бы не политическое решение в каких-то верхних коридорах. Так что здесь мы с вами в одинаковой позиции потерпевших, согласны?

— Вам виднее. Мы тут решения руководства не оспариваем, а принимаем их к исполнению.

— Ну бросьте, Ольга Валентиновна, — поморщился Кружков. — Я же упростить всё хочу, а не усложнить.

— Ну, давайте попробуем, — Воленчик, похоже, решила временно согласиться на взаимное доверие. — Вряд ли вам удастся, Станислав Александрович, изменить существующий порядок вещей в газете. Мы, шахтёры, знаете ли, упёртые, нам чужого не нужно, но и своего не отдадим. Спасибо России, конечно, за помощь и поддержку, но Стаханов намерен и дальше жить своей жизнью, а не навязанной извне. Это если коротко и по существу.

— Да и живите на здоровье, я разве против? — Стас откинулся назад в редакторском кресле. — Давайте так, вот у вас только внештатный фотограф, как я понял. И снимки в газете, вы не обижайтесь, так себе качества, если не сказать больше.

— Очевидный факт. И что вы предлагаете?

— Я предлагаю вам хороший, современный фотоаппарат, пару диктофонов для журналистов и принтер на полный формат А-3, а то вы, гляжу, страницу из половинок полосы на корректуру отправляете. Больше пока ничего не предлагаю, нужно ещё осмотреться. То есть, реальная шефская помощь, а не это вот всё. Согласны?

— Более чем, — Воленчик впервые допустила мирную интонацию в голосе. — Это нормально и правильно. Но техника — прекрасно, а вы сами чем намерены у нас тут заниматься?

— Виски пить, — дружески подмигнул Кружков. — Есть в Стаханове нормальный виски?

— В Стаханове всё есть, если знать где искать. А серьёзно?

— Да я почти серьёзно. Телеграм-канал заведу «Стахановские известия», попытаюсь вам его раскрутить. А большей частью буду писать репортажи о здешней жизни в собственную газету. Своих земляков начну здесь среди военных искать, создавать, так сказать, портреты героев СВО. Как-то так, что ли. Договорились?

— Пожалуй, — глаза Ольги Валентиновны потеплели, впервые утратив серый стальной оттенок. — Со своей стороны, готова всячески способствовать в сборе нужного материала. Да, в таком формате сработаемся... Только вот что, Станислав Александрович, я сегодня ваш первый репортаж из Стаханова прочитала на сайте «Сибирского телеграфа». Очень точный стиль, фактура не переврана, настроение передано: в общем, сделано рукой мастера, я серьёзно. Только, как бы это попроще, есть нюансы, которые в двух словах не объяснишь. Было бы правильно, если бы вы перед публикацией давали мне прочитать текст — глядишь, что-нибудь важное и подсказала бы, чтобы критических ошибок не допустить. У нас тут не Россия, у нас всё по-взрослому.

— Договорились, — согласился Стас. — И вот ещё что, давайте «на ты», если можно, мне так всегда удобнее было. Мы с вами ведь примерно ровесники. Судя по всему, Ольга была лет на десять постарше Кружкова, но тонкий комплимент ещё никогда никому не вредил. А что касается предлагаемой

Воленчик цензуры, то перебеётся, решил Стас: меня в России свои цензоры задолбали, не хватало ещё и луганских.

На том и расстались и в дальнейшем ни одной загогулины во время первой командировки Стаса в Стаханов между ними не случилось.

А тут уже и вторая поездка на исходе, сорок шестой день личной Стасиковой войны на Украине. Три больших репортажа о праздничной встрече гуманитарных конвоев из Сибири, интервью со счастливым строителем, прибывшим из-за Урала, чтобы восстанавливать разрушенный бандерофашистами Стаханов, краткие ежедневные победные сводки с Луганского фронта: судя по числу заходов на сайт «Сибирского телеграфа», читателям нравится информация собственного корреспондента с места событий. А всё потому что живой взгляд, человечинка, а не это вот тупое враньё (зчркнт) сухое изложение живого процесса вливания Донбасса в Россию пресс-службой минобороны и прочими телевизионными говорящими ртами. Нежнее нужно быть с потребителем информации, товарищи генералы и политики, изобретательнее, мягче. Тонкая пропаганда — это вам не боевой комар НАТО, тут талант нужен, душевность, подход к читателю...

— Не занят? — заглянула в свой некогда бывший кабинет Воленчик.

— Заходи, Оля, присаживайся, — благодушно кивнул Шахтёрке (так он привык называть про себя стахановскую коллегу) Кружков. — Рассказывай, что нового, чем могу помочь.

— Знаешь, это я помогать тебе пришла, — неожиданно напряжённым голосом сообщила Воленчик. — Ты меня знаешь — я человек прямой, вокруг да около ходить не умею и не буду. Что хочешь думай, но я в первую очередь для тебя старалась, для твоего правильного понимания действительности, чтобы ты осознал свои ошибки и не допускал их в дальнейшем. Потому что есть в тебе какая-то недоделанность, что ли, поверхностность, недооформленность. Оттого и потенциальная вредоносность нашему общему делу.

— Ты, Ольга Валентиновна, с ума сошла? — спазм сжал Стасу горло, слова прорывались с трудом. — Что ты несёшь?

Это был тот редкий случай, когда на глаза опускалась пелена, за которой Кружков взрывался таким гневом, от которого дрожали стёкла и прятались по кабинетам корректорки с дизайнерками «Сибирского телеграфа». Вот сейчас Воленчик подаст свою реплику, и Стаса ничто уже не удержит. Жаль, конечно, но...

— Пойдём, Стасик, тебя ждут, — встала со стула Воленчик, пошла к двери в полной уверенности, что Кружков не осмелится ослушаться.

Он и не ослушался. Шёл за Шахтёркой к выходу на задний двор редакции и думал о том, что Воленчик была права: Донбасс — не Россия, здесь не любят пришлых из так называемой родной гавани, ради которой — кавычки — они готовы терпеть хоть камни с неба. Нет, они совсем другие, они нас здесь только терпят, им не нужны ни Киев, ни Москва, они хотят жить по своим шахтёрским понятиям, довольно убогим, но единственно им приятным.

И меня этой Ольге по-человечески жаль, она хочет, чтобы я искренне обратился в хорошего, честного парня, в её, воленчиковском, понимании. Добра она мне, дрянь, желает, не спрашивая, хочу ли я этого её добра. Тут другой мир, другие люди, другое понимание добра и зла. Украинская родовая травма, тут и думать нечего. Тупорезы, короче.

На заднем дворе в тенистой беседке сидел плотный молодой офицер с бритой головой, выбирал из целлофанового пакета вишню покраснее. На столе лежали скриншоты последней заметки Стаса в «Сибирском телеграфе».

— Присаживайтесь, — по-хозяйски кивнул Кружкову военный, представился.

— Капитан госбезопасности ЛНР Михайлюк. Спасибо за скрины и за помощь, Ольга Валентиновна, мы теперь тут сами дальше.

На скамейке у стены здания увлекались той же вишней два автоматчика.

Дальним громом над городом висел фон привычной артиллерийской канонады.

— Для твоего же блага, Стасик, сам потом спасибо скажешь. — вновь заверила Кружкова коллега, попрощалась с капитаном. — Будь здоров, Олег. Позвони потом.

Ушла независимой походкой человека, выполнившего важную миссию. Олег с хрустом качнул головой от левого плеча к правому, повернул к Стасу бумажные листы:

— Вашего авторства творение, Станислав Александрович?

— Естественно, — подтвердил очевидное Кружков.

— И снимки ваши?

— Мои.

— Гордитесь?

— Чем?

— Ну, не знаю — качеством проделанной работы, уникальностью фактуры. Как там у вас всё это называется, у профессионалов печатного слова.

— Обычная информация, обычная работа, — пожал плечами Стас.

Слукавил чуть, не без того. Повезло в недавнем разговоре с одним автором «Стахановских известий» узнать, что в недалёком посёлке Алмазном в охранении большой базы армейского снабжения несёт службу подразделение добровольческого батальона «Барсук», сформированного в родном городе.

Съездил, взял короткое интервью у командира роты охраны, с удовольствием попозировавшим с ручным пулемётом для фото на фоне огневого гнезда из мешков с песком и передавшего приветы жене Нине и дочурке Варваре.

Добротный репортаж вышел, без этого всеобщего обязательного расчеловечивания врага, а наоборот с очеловечиванием лика войны, с объяснением того, что люди остаются людьми в любых, самых тяжёлых обстоятельствах. Читателям материал понравился, заходов на него было зафиксировано за неделю втрое больше, чем в среднем по сайту, да и комменты под публикацией оставлялись сплошь положительные с оттенком умиления. Умел Кружков подавать текст с особым изяществом, тут не отнять, если без ложной скромности и дешёвого кокетства. Но не объяснять же это местному гэбисту, лениво кидавшему в рот вишню, что тебе Печорин на дуэли с Грушницким.

— На документки ваши позвольте полюбопытствовать? — попросил луганский герой нашего времени.

— Извольте, — в тон ответил Стас и выложил аккредитацию от министерства обороны РФ и пресс-карту, подписанную премьер-министром Луганской народной республики.

Аккредитацию капитан брезгливо отложил в сторону, а пластиковую карту положил в папку вместе со скриншотами стасиковского текста в «Сибирском телеграфе».

— Гордитесь, значит, проделанной работой, — констатировал странный собеседник с неприятным взглядом и неожиданно предложил. — А позвольте

взглянуть на линию вашей жизни — правую ладонь покажите. Так, хорошо. И левую ещё.

Когда Стас протянул капитану вторую руку, тот неуловимо быстрым движением застегнул на кистях собеседника пластиковую стяжку, а между лопаток Кружков ощутил сильный тычок автоматного ствола. Одновременно на голову и лицо опустился мешок из плотной чёрной ткани. Сердце свалилось куда-то в кроссовки и там забилося в понятной истерике.

— Эй, что за дела? — голос подвёл Стаса, прозвучал сдавленно-испуганно.

Вопрос был риторическим, ответа не требующим. Крепкие руки подняли Кружкова, развернули в сторону выхода со двора.

«Что происходит? — паника навалилась давящим удушьем. — Что не так с документами? Каким боком тут материал о наших военных из Алмазного?

Причём тут моя гордость за исполненный текст?»

И совершенно не к месту вдруг вспомнился давний случай из далёкой прошлой жизни. Или к месту.

Тогда они завершили сплав с Игорьком Смирновым по далёкой таёжной реке. Сходили в местный поселковый магазин, купили водки, долго сидели вечером у костра на берегу. Ранним утром сложили палатку, байдарку и поднялись с тяжёлыми рюкзаками на дебаркадер ждать в город «Метеор» на подводных крыльях. Сложили бутор на скамью, сидели, отдыхались.

Неподалёку, оперевшись локтями на металлический леер, молча смолили «приму» два аборигена в телогрейках и кирзачах: одному на вид лет сорок пять, другому что-то в районе двадцати. Тишина, густой молочный туман, красота, в общем.

Вдруг из тумана раздалось цоканье каблуков. По дощатым тротуарам к дебаркадеру спускалась роскошная молодая деваха в красной дутой куртке, мини-юбке, чёрных сапогах выше колена и с большой сумкой через плечо. Тоже в город собралась на «Метеоре», куда же ещё.

Молча наблюдали за приятной глазу картиной Стас с Игорем, молча смотрели туда же двое местных жителей. Потом тот что постарше спросил молодого:

— Стал бы?

Молодой солидно помолчал, затянулся сигаретой, цвыркнул слюной в воду и наконец вынес вердикт:

— А то.

Старший выпрямился, бросил бычок за борт и сообщил со скрытой ноткой гордости:

— Моя дочь.

— Олег, ты же мне обещал только профилактическую беседу провести, — голос Шахтёрки доносился в мешке глухо, как из потустороннего мира. Но сопровождающие остановились.

— Обстоятельства изменились, Ольга Валентиновна, — чуть извинительным тоном сообщил капитан госбезопасности. — Ночью вибухи слышали со стороны Алмазной? Ну и вот, нет там теперь больше базы хранения, накрыли «хаймарсами».

— А его вы теперь куда?

— На подвал, — равнодушно ответил Олег. — Будем разбираться, обычная это россиянская дурь или тут дело реальной спланированной диверсией пахнет через фотографии военного объекта в открытой печати... Пошёл.

Сопровождающие двинули потенциального шпиона к ступенькам лестницы.

— Я этого не хотела, — тонкая ладонь Ольги Воленчик провела по плечу проходящего мимо Кружкова. — Прости, Стасик.

Шли 46-е сутки стахановской войны Стасика, как частный случай войны большой, длившейся уже 480 дней.

Часть четвёртая. 47-65

Глава 1. Женя Шаров

Широченная жёлтая дорога лунного света поперёк реки раздражала Полковника.

Он бы предпочёл сырое небо в плотных облаках, а не эту выставочную картинку, будто бы выписанную Архипом Куинджи. Тот, правда, был мариупольским греком и, кажется, в Сибири ни разу не бывал, а больше продвигал в своих работах тот самый Днепр, поминать который все нынче считалось делом неприличным и позорным, поскольку на нём стоит Херсон. А где нынче тот Херсон и тот Днепр? Вот то-то и оно.

И вспомнился Полковнику недавний разговор с Кружковым, где Стасик вдруг ополчился на Гоголя, тряс своим длинным пальцем и вопрошал: «Покажи мне ту птицу, которая не долетит до середины Днепра? Где он нашёл такую немощную редкую птицу? Или Гоголь курицу имел в виду? А может, пингвина? Вот и всё у них так».

После возвращения из памятной луганской командировки, где Кружкову ретивая местная контрразведка по ошибке перебила пальцы на руках и сломала два ребра, Стас, вопреки мало-мальской логике, укрепился в своей правоте и чем дальше катился вниз по обломкам карьерной лестницы, тем яростнее защищал режим и сопутствующие ему приметы времени. Странно устроен человек прямоходящий, ну так на то он и человек.

Полковник с ним не спорил — он давно расстался с навязчивой иллюзией, что самого упорного патриотика можно переубедить логическими построениями. «Кто на кого напал? — Если бы не мы, они бы нас камня на камне не оставили». Вот и весь разговор, и ничего никому не докажешь. Сейчас они все сдвинулись на превентивном ядерном ударе, потому что «а что ещё делать?» Бессмысленно возражать, тут какой-то психологический блок, снимать который должны квалифицированные клинические специалисты — лучше из пресловутых солдат НАТО, конечно.

Ужинали тогда они на открытой веранде стасиковской дачи, где в юности было выпито немало пива и водки, переговорены десятки планов на светлое и ясное будущее, но окружающая унылая современность не давала вернуться в тёплое прошлое, душила его тоскливой подушкой всепроникающей государственной истины.

Ант сидел с пылающими ушами, склонив голову и уперев взгляд в стол. Вера вздыхала, подавая запечённую на мангале рыбу, и периодически заводила глаза к небу, когда супруг, обращаясь к Полковнику, вновь и вновь изрекал познанную им суть явлений: «Вот нам с тобой уже по сорок семь лет, мы взрослые состоявшиеся люди, пусть даже у которых многое в прошлом. Но я был главным редактором, ты уволился из армии полковником... Ладно, пусть подполковником, неважно... Мы с тобой строили эту страну, работали на её будущее, вот для таких как он... Что значит, «подавитесь своим будущим»? Ты не понимаешь, Антошка, ты ещё молодой, тебе здесь жить, здесь, а не в америках с европами, куда ваше поколение побежало, когда жареный петух клюнул... Так о чём это я? Да, мы построили нестыдную страну, которую сегодня приходится защищать от внешних и внутренних врагов. И если не

сейчас, то позже нам выставит справедливую оценку история. И это будет отличная оценка, как бы вот такие ни кривили сегодня нос... Ты слушай, слушай, Антон, потом поймёшь, как отец был прав. И потому ты нынче такой гордый и смелый, что папа выправил тебе белый билет, а то лежал бы сейчас, как твои сверстники, в окопе под Валуйками... Что там, Вера, у нас с рыбой, осталась ещё?»

Полковник достал из кармана пачку сигарет, вопросительно поглядел на супругу Стаса. «А вон там, Витя, у качелей пепельница», — махнула в сторону пленницы Вера. Через минуту подошёл Антошка, присел рядом на мягкий качельный матрас.

— А я говорил, что не стоит приходить, — Кружков-младший зло дёрнул шеей.

— Он давно уже с катушек слетел окончательно.

— Это твой отец, Ант, принимай его таким как есть. Временное помутнение, придёт в себя, я его знаю. А пока старайся жить с ним ровно, тебе всё равно ничего другого не остаётся. Наломать дров легко, а вот потом сложить их обратно в такую складную поленницу сложно.

— Так стыдно же, дядя Вить, слушать. Ну, вот когда он такое несёт.

— Это хорошо, что стыдно. Нам всем сейчас за нас же самих стыдно, время такое. Но он твой отец, не забывай про это... Ладно, пойду прощаться. А с тобой мы завтра увидимся, да?

— Конечно, я помню.

На том и разошлись.

Рация прохрипела:

— Вышли на исходную.

— Понял. Движение по сигналу.

Полковник последний раз кинул взгляд на полномасштабную Луну, сплюнул на счастье и махнул в сторону реки. От прибрежного кустарника отделились три тени и потянулись к высокому бетонному откосу начала моста, венчавшемуся будкой охраны РЖД. Ещё бы этот чёртов спутник Земли кто бы выключил, было бы совсем хорошо.

...Такая же полная Луна висела над полигоном, когда комдив ставил задачу его танковому полку на пересечение украинской границы в районе КПП «Изварино», чтобы идти на помощь луганским сепаратистам. Танки уже были погружены на тралы, прибывший вчера на соседнюю позицию дивизион «градов» поливал Украину регулярными пусками, западный горизонт озарялся вспышками дальних разрывов. Выслушав приказ, Полковник достал из планшета рапорт на увольнение, вручил его комдиву, развернулся уставным манером и пошёл из армии прочь, не обращая внимания на несущуюся в спину угрожающую брань. Никто его не остановил: плюшевое было время, 2014-й год от рождества Христова, сейчас бы увольнением по полному служебному несоответствию не отделался... Ну и чёрт с ней, с Луной.

Полковник давно уяснил, что чем сложнее постановка тактической задачи, тем вероятнее её провал. Потому план был максимально прост — по возможности бесшумно захватить высоту противника, бескровно нейтрализовать двух вышедших сегодня на смену немолодых одышливых охранников железнодорожного моста и дать старт санитарной «таблетке», загруженной под завязку ящиками с тротилом и ждущей сигнала на выдвижение. Затем обеспечить её прорыв к третьей опоре, дать время на отход транспортному десанту и привести в действие радиовзрыватель.

При максимально удачном раскладе останется время на отход к «газели» с номером маршрутного такси, ожидающей диверсионную группу в ближайшем от зоны отчуждения жилмассиве. Проходы в ограждении из колючей проволоки уже были проделаны во время сегодняшнего выдвижения к месту проведения операции.

Наверху Полковник дал подчинённым отмашку пальцами левой руки «один, два, три!». Штурмовая группа разом выскочила на полотно, направила стволы укороченных АКС в сторону будки, Полковник распахнул дверь. В будке никого не было.

— Старлей, смена прошла штатно?

— Так точно, лично наблюдал, — доложил Полковнику крепыш с хвостом длинных волос, торчащим сзади из-под балаклавы.

— Когда они выходили на последний обход, Прапор?

Сухой пожилой мужчина потянул вверх вязаную маску, сверился с наручными часами:

— Полчаса назад.

— Могли уйти только за последние минуты, когда мы выдвинулись с позиций,

— спокойным голосом предположил третий штурмовик. — Что-то здесь не так.

— Сам вижу, что не так, Майор, — Полковник размышлял не больше десяти секунд. — Отступать поздно, до поезда пять минут, даю сигнал. По позициям!

Прапор с Майором метнулись через рельсы, залегли, направив стволы автоматов в сторону моста. Старлей с Полковником присели за фронтальным укрытием, являющимся будкой, и взяли в прицел сектор для ведения настильного огня по железнодорожному полотну, ведущему на мост. Старший группы достал фонарь и дал световой сигнал буквой «к», «катенькой» — длинный, короткий, длинный. Ждать оставалась минута, много две.

И всю эту минуту Полковник думал о том, что в случае удачного подрыва моста эшелонам с резервами, накопленными на востоке страны, придётся продвигаться на фронт дальним объездным путём через Казахстан — и не факт, что Москве удастся быстро договориться с Астаной о перемещении военной техники и личного состава российской армии по территории сопредельного государства. А ну как они вдруг решат выйти на полдороге и пойти боевым порядком на Алма-Ату с Чимкентом? Тут дело такое, невнятное.

В любом случае, движение по Транссибу будет прервано не меньше, чем на полгода, а пропускная способность Турксиба в разы меньше и путь на добрую тысячу километров длиннее, даже если Кремль договорится о транзите. Одно такое действие в глубоком тылу даёт преимущество Украине в одну-две дивизии — значит, дело того стоит. И значит, не зря на эту задачу полгода работала группа Полковника, не зря тщательно подбирались люди, велось наружное наблюдение, соблюдалась жесточайшая конспирация. Никто не спрыгнул с подножки, никто не продался. Значит, всё не зря, всё правильно. Вдали показались фары санитарного «уазика», сейчас Капитан с Сержантом выкатят с грунтовок по заранее проложенным деревянным мосткам на межрельсовое пространство и на полной скорости рванут, трясясь по шпалам, к точке подрыва. Неужели так всё просто?

Полковник не успел суеверно скрестить пальцы: фары «таблетки» вдруг резко ударили вертикально в небо, и сразу земля под ногами вздрогнула от взрыва сумасшедшей силы. «Мина», — промелькнуло последнее понимание у отставного подполковника российской армии Виктора Отчалова, прежде чем

его прошла пулемётная очередь с заранее подготовленной позиции на противоположном берегу реки.

«Таким образом, хорошо подготовленное и экипированное бандформирование украинских диверсантов было уничтожено в глубоком тылу нашей Родины, — завершал свою минуту славы директор ФСБ. — Хочу заверить президента Российской Федерации, наших сограждан, что враг не пройдёт, как бы об этом не мечталось бандерофашистам и их заокеанским покровителям. Спасибо за внимание».

«Пожалуйста», — проявил вежливость Стас и выключил телевизор, который вот уже третий день не уставал рассказывать дорогим россиянам об уничтожении диверсионной группы Отчалова. Хорошо что Витькины родители не дожили до такого позора, поскольку даже ему, Стасу Кружкову, сейчас нестерпимо стыдно за прошлую дружбу с человеком, оказавшимся самым настоящим врагом народа — и это нисколько не фигура речи, а самая что ни на есть суровая правда жизни. «А ведь я ему когда-то даже собаку чужую украл у заслуженного ветерана, фронтовика, — вспомнил Стас. — Какой же я дурак был. Стыдно-то как, господи».

Он уже сходил вчера к участковому и передал тому собственноручное изложение всей истории давнего знакомства с террористом Отчаловым, вплоть до последней встречи двухмесячной давности на даче. С предметным сожалением о том, что не сумел разглядеть в приятеле детства изощёренного врага. Участковый обещал передать покаянное письмо в нужную инстанцию, глядел строго и сочувственно, как и подобает смотреть человеку с чистой совестью на оступившегося гражданина...

Ладно, раскаяние раскаянием, а и работу работать нужно. Нынешний кабинет Кружкова был скромнее даже в сравнении с кабинетом недоброй памяти Шахтёрки и являлся прямым следствием того давнего недоразумения в Стаханове, когда компетентные органы приняли его за пособника ВСУ. Чего тут обижаться, время такое нынче, он вот и сам не распознал в друге детства законченного террориста, что уж тогда ждать от луганских спецслужбистов, которые до того в глаза Стаса не видели и не могли знать о его преданности стране и президенту. Разобрались же в конце концов, а пальцы так уже и не болят вовсе. Лишь бы настоящих врагов не упускали, а мы уж как-нибудь перетерпим временную несправедливость, не сахарные.

А что из главных редакторов его убрали по итогам того нелепого события, так начальство тоже можно понять: негативная информация из ФСБ по шпиону Кружкову прошла, пусть и с последующим признанием его добропорядочным гражданином. Реагировать нужно было? Нужно и срочно. Вот и отреагировали. Не возвращать же назад в заведомо нынешнего редактора «Телеги» Лёху Груневича. Он-то в чём виноват? А Стас и в качестве ответственного за выпуск приложения к газете сумеет себя проявить, потому что не место красит журналиста, а журналист место. Тем более, сам он когда-то стоял у истоков своего нынешнего издания, специфику работы понимает лучше любого другого. Кружков открыл в компьютере пересланное Нариманом письмо в газету, требующее срочной публикации в текущем номере с обязательным портретом героя на первой полосе. С фотографии на Стаса глядел тревожным взглядом мальчишка в строгих не по возрасту очках и красной футболке с принтом «За правду!» Пикселей достаточно, дизайнеры уберут лишнюю тень под носом — нормально, пойдёт.

Итак, кто это у нас такая важная персона, удостоенная чести в приказном порядке быть размещённой на первой полосе? Какой-то Женя Шаров. Кажется, хоккеист играл с такой фамилией в местном «Нефтянике», но тот давно уехал в НХЛ, вряд ли его сын. Так и есть, отец — бывший прапорщик армейского спецназа, награждённый медалью «За отвагу» во вторую чеченскую. Стас, конечно, человек обширных знаний, но даже ему известен всего один прапорщик в отставке, да и тот отец Игоря Смирнова. («Ещё одного украинофила, — вздохнул Кружков. — Да сколько же их на мою голову».) Пробежался дальше по тексту и похолодел, даже нос зачесался: да у нас тут сенсация федерального уровня, если не мирового! Ай да Нариман, вот удружил так удружил!

И Стасик внимательнейшим образом погрузился в письмо тринадцатилетнего Жени Шарова, автоматически смягчая бюрократизмы: понятно, что готовилась публикация где-то в самых верхних кабинетах, но чем выше кабинеты, тем безграмотнее их обитатели — давняя аксиома, проверенная временем. «Должен сказать вам, ребята», — так начинался второй абзац, который завершал вводную часть и переходил к смысловой нагрузке. Стас исправил несуразность фразы и дальше просто завис над текстом, как рядовой необученный читатель. И текст того стоил.

«Вот что я вам скажу, ребята. Самое дорогое, что у нас есть, — это наша прекрасная Родина. Она дороже самых любимых тебе людей и даже домашних животных, потому что если не будет Отчизны, не будет вообще ничего. Мы превратимся в рабов Америки, наподобие негров в рабовладельческие времена. Я этого не хочу, и вы, уверен, не хотите. Потому каждый из нас обязан стоять на страже, не давать ни малейшего шанса врагам ослабить нашу страну, превратить её в сырьевой придаток Запада. И ради этой святой цели мы с вами всегда готовы пожертвовать всем, что имеем. Потому что это правильно. О том, что мой отец Шаров Валерий Николаевич является террористом, я узнал совершенно случайно: искал в гараже старый насос для велосипеда и увидел несколько ящичков, которых там раньше не было. Открыл верхний, а там он весь полный тротиловых шашек. Я бы, наверное, раньше и не понял, что это такое, но недавно нам в школе на уроке защиты Родины учитель Егор Семёнович показал такой брусок и объяснил как им пользоваться, если враг дойдёт до нашего города и нам придётся уйти в партизаны как пионеру-герою Великой Отечественной войны Володе Дубинину.

Я ничего не сказал папе, но стал внимательно вслушиваться в его телефонные разговоры. Чаще всего он говорил с каким-то полковником, а раньше у него никаких знакомых полковников не было, потому что уволился он из армии старшим прапорщиком. И говорил он как-то странно, отрывисто, словно старался, чтобы никто не догадался о сути разговора. И однажды вечером на кухне он сказал по телефону: «Ясно, полковник. Один вопрос: а если поезд пойдёт по мосту?.. По обстановке, значит... Понял, груз будет доставлен завтра. Отбой».

На следующий день я проследил за отцом, когда он вечером пошёл в гараж, и увидел, как они ещё с двумя мужчинами грузят в санитарную машину ящички с тротилом. Я на крыше гаража лежал, потому сумел заметить, что в «уазике» таких ящичков было много, выше окон.

А утром папа сказал маме, что через три дня он уезжает в командировку и что по этому поводу нам всем нужно будет собраться за накрытым столом,

попрощаться и весело провести время, потому что давно уже ничего не праздновали. Какая может быть командировка у охранника в гастрономе, я не очень понял, но мама поверила, обрадовалась. А мне вдруг стало очень страшно. И после обеда я пошёл в приёмную ФСБ и попросил пропустить меня к главному офицеру для рассказа о важной информации. Вначале меня никуда пускать не хотели, а потом один мужчина выслушал дежурного по поводу моей просьбы, сказал: «Выпишите ему пропуск». Провёл к себе в кабинет, я ему там всё про папу рассказал. Он попросил подождать, позвал ещё одного мужчину, и я ему повторил свой рассказ. Они оба меня похвалили и сказали, чтобы я никому об этом визите в управление ничего не говорил, и маме тоже. Я и не сказал, что я маленький, что ли?

А через три дня получился тот самый бой на мосту, где папу убили. Мне его очень жалко, но если бы такой случай повторился, я всё равно поступил бы точно также. Потому что Родина важнее, ребята. Родина у нас одна».

Стас снял очки, потёр уставшие глаза, посмотрел ещё раз на современного пионера-героя Женю Шарова: серьёзный мальчик, настоящий патриот, но написал совсем коряво, или кто там за него это писал. Здесь косметической правкой не обойтись — тут весь текст перелопачивать нужно, чтобы получился образ настоящего живого пацана, пожертвовавшего своим отцом во имя великой цели, а не это вот бюрократическое назидание подрастающему поколению. Ничего, справимся, тут на час работы-то всего. А парень хорош, спору нет, настоящий герой нашего смутного времени. И фактура — ах, какая фактура! Но настоящая сенсация должна подаваться на дорогом изысканном блюде, вот сейчас мы его и будем изобретать.

Ответственный за выпуск приложения для детей и подростков «Вагнерёнок» надел очки и приступил к творческой переработке публичного признания Жени Шарова в крайней степени патриотизма. «Знаете что, ребята, — так теперь начиналось открытое доверительное письмо искреннего мальчика, — принято считать, что Иуда был нехорошим человеком, но у меня давно сложилось другое мнение...»

На суд, постановивший арестовать на полгода подозреваемого в террористической деятельности студента гуманитарного университета Антона Кружкова, Стасика не пустили. Туда вообще никого не пустили: нынче закрытых судебных слушаний стало едва ли не больше, чем обычных, какие он нередко посещал на заре своей журналистской деятельности. Тогда, помнится, Стас несколько дней потратил на суд над участниками заговора, готовившими государственный переворот в отдалённом северном районе области и набравшими в свои ряды чуть ли не роту заговорщиков-коммунистов. Но что сравнивать давние ельцинские времена с нынешними.

Потом старший Кружков неделю вёл сложные телефонные разговоры, используя все свои прошлые связи и знакомства. А нужно ведь было ещё и добираться каждый день к Вере в больницу на окраине города, куда её увезли на скорой прямо во время задержания Анта и обыска в их квартире. Но давние знакомые высокие чины силовых структур в итоге решили снизить до опального ныне бывшего главного редактора «Сибирского телеграфа» и дали команду допустить его до свидания с сыном. Неофициального, без адвоката. Следователь был равнодушно-добродушен, и когда в кабинет привели Антошку, закурил и отошёл к окну, выражая спиной показное нелюбопытство к проявлениям семейных и прочих чувств.

Ант сел за стол напротив, держался спокойно. Как-то он враз повзрослел — то ли из-за клейма террориста, то ли по факту нахождения в специфической обстановке. Но заметно рад был встрече.

— Привет, пап. Как там мама?

— Всё в порядке, уже совсем хорошо. Обещают выписать в пятницу.

— А сегодня какой день?

— Вторник.

Помолчали. Затем Стас спросил главное.

— Как тебя Отчалов завербовал? Можно такое спрашивать? — обратился к следователю.

Тот не обернулся, кивнул, мол, валяйте, считайте что меня тут нет.

— Не вербовал меня дядя Витя, — улыбнулся сын. — Слово-то какое, «вербовал». Нет, я сам вписался. Он меня ни в какую не допускал, но потом пришлось.

— То есть, как это «пришлось»? Ты его заставлял, что ли?

— Его заставишь. Обстоятельства так сложились. У них человек выпал, который отслеживал движение поездов на нашем участке Транссиба. Вот я и пригодился.

— Каких поездов? Зачем поездов? — не понял Стас.

— Пассажирских, — объяснил Ант. — Чтобы никто не пострадал. Вот я и наблюдал за поездами на нашем участке РЖД. Там просто всё, если в программу войти.

— И всё?

— И всё. Такая у меня была единственная задача. Но я бы и на мост пошёл, если бы меня взяли, уж поверь. Но не взяли.

Хозяин кабинета вернулся за стол, нажал на кнопку. В кабинет вошёл внутренний конвойный. Антон встал, сложил руки за спиной, кивнул отцу, двинулся в сторону двери. Стас подскочил со стула:

— Сынок, подожди! Вот, возьми: здесь бельё, куртка, бритва, мыло, еда дозволенная. Мне разрешили.

Вынул из-под ног сумку и тянул, тянул её Антошке. Следователь кивнул конвоиру: «Можно». Ант взял передачу, сказал: «Спасибо, папа. Маму поцелуй за меня». И скрылся за дверью.

Стас остался смотреть в стол невидящим взглядом. Правоохранитель достал из холодильника бутылку минералки, налил в стакан, протянул Кружкову, успокоил:

— А я ему верю. Никто бы вашего сына в боевую группу не взял — похоже, так всё и было. Есть признание, есть свидетельские показания. Очевидная история. Полагаю, через пару месяцев выйдем на процесс.

Скорбный посетитель сутулился, неосознанно сжимал себя за плечи будто в ознобе.

— Не понимаю, не понимаю, не понимаю... Ни я, ни супруга ни на минуту не сомневались, что Ант — извините, наш сын — не способен на прямое участие в террористической деятельности. Он мальчик фрондирующий, конечно, но кто в молодости не ведёт себя вызывающе? Нет, о таком ужасе и подумать было невозможно. Но если этого не подозревали даже мы, как можно было установить его причастность к группе Отчалова, вот как?

Служебный человек перестал крутить между пальцев карандаш, с интересом посмотрел на Кружкова.

— Странный вы, Станислав Александрович, ей-богу. Реально до сих пор не понимаете?

— Нет, не понимаю.

— Так вы же сами написали чистосердечное признание о контактах с Виктором Отчаловым, помните? Мы отреагировали на сигнал, проследили вероятные связи членов вашей семьи, проббили телефонные контакты. Это было несложно. Так что должен выразить вам благодарность за непосредственную помощь следствию.

Кружков ощутил, как с затылка под воротник рубашки начал проливаться ручей холодного пота.

— И сколько дадут? — Стас не верил в чудо, но что ему ещё оставалось.

Следователь долго наливал себе минералку, долго пил, двигая вверх-вниз острым кадыком, долго перебирал бумаги на столе. Затем криво пожал плечом:

— От пятнадцати. Вот ваш пропуск, Станислав Александрович. До свидания.

В опустевшей квартире недавнюю жизнь напоминал лишь голос из телевизора: записной шоумен Первого канала уже успел опросить всю родню и всех одноклассников Жени Шарова и теперь резюмировал программу под восторженные аплодисменты студии:

«Вот такой портрет получился у нас юного героя современности. А сейчас, внимание! Мне сообщают в прямом эфире, что президент России направил личную телеграмму Жене! Что же в ней? Мы все в нетерпении! Итак, вот главный текст сегодняшнего дня! «Дорогой Евгений! Я, как и вся страна, очень высоко ценю твой героический поступок. Благодаря твоему беспримерному мужеству, были спасены тысячи жизней наших солдат на фронте, спасены тысячи мирных жителей юга России. Ты вырос настоящим патриотом своей Родины и всегда будешь служить примером своим сверстникам. Сообщаю, что я сегодня подписал указ о награждении ученика 6-го класса Евгения Шарова звездой Героя России. Спасибо тебе, Женя! Так держать!»

И мы согласны с президентом! Так держать, Женя! Так держать!

А это была программа...»

Кружков переключил канал на первенство Сибирского федерального округа по синхронному плаванию. Зачитанная истеричным телеведущим телеграмма традиционно сопровождалась лишь картинкой портрета президента на экране в студии. Вживую вождь нации не появлялся не только на публике, но и в телевизоре вот уже три месяца. Фраза «президент работает с документами» теперь звучала чаще, чем «киевская хунта» или «мятежники-предатели». Но кому-то и с документами нужно работать, считал Стасик. Кому-то нужно. Кому-то.

Глава 2. Граница

Пограничное стояние не равнозначно пограничному состоянию. Хотя состояние тоже было так себе. Очередь к заветному окошку двигалась медленно, и Стас в который уже раз мысленно вернулся к предварительным расчётам: по всему выходило, что выручит он никак не меньше стапятидесяти тысяч, что за вычетом затрат на проезд, пограничный сбор и собственно за товар составляло чистую прибыль в тридцать тысяч тенге. Нормально, на две недели им с Верой хватит, а потом опять рюкзак на плечи — и через кордон. Благо граница с Казахстаном у них под боком, три часа на автобусе. А там ещё три по обходным

просёлочным дорогам — и ты на оптовом рынке Павлодара, крупнейшем в ближайших окрестностях российско-казахстанской границы.

За последние полгода Стас успешно освоил все нюансы пограничной коммерции, наладил более-менее устойчивые контакты как с торговцем-оптовиком Жупарбеком, так и с покупателем товара в родном городе Фёдором Сергеевичем по кличке Муха, тем самым закорив хоть какой-то кусочек стабильности в нервно-зыбком дрожащем киселе пространства окружающего мира.

В этом сегодняшнем пространстве было непросто найти крепкую связующую деталь, на которой обязана держаться распадающаяся в лоскуты жизнь, но Стасик её нашёл: ручка, обычная шариковая ручка, стоимостью 150 тенге, если покупаешь у Жупарбека не меньше сотни. Выхлоп с каждой после перепродажи Мухе — 30 тенге, с тысячи ручек — тридцать тысяч, а тридцать тысяч по нынешнему курсу — пятьдесят долларов, вот только где ты эти доллары возьмёшь? Заокеанская валюта давно уже стала столь же умозрительной величиной, как эталонный метр в Международной палате мер и весов: все знают, что метр это метр, а доллар это доллар, но в руках их никто не держал. По крайней мере, в нынешней России или что тут сейчас вместо неё. А тенге — это, знаете, тенге. Валюта, рядом с которой ни рубль не валялся, ни сибирка, ни даже хвалёный когда-то горе-экономистами юань. Так что, и на лекарстве Вере хватит, и на передачку Анту, и на остальное.

Рюкзак лёгкий, полупустой, не то что вон у того однорукого мужика в армейском бушлате, который попытался было впихнуть по полу две свои китайские сумки перед тёткой поближе к пункту погранконтроля. Тётка легко вызверилась, и однорукий злобно стал двигать ногой свою поклажу обратно в хвост очереди. Встретившись взглядом с незадачливым проходимцем, Кружков кивнул ему головой на место перед собой: судя по всему, тот был ветераном украинской войны, должен же хоть кто-то выказывать им своё уважение.

Мужик хмуро втиснулся в очередь, ни словом, ни взглядом не поблагодарив Стаса — оно и понятно, сразу найдётся сзади кто-нибудь возмущающийся нерегламентированным допуском в ряды страждущих вернуться на родину. А то что человек кровь проливал за Россию где-нибудь под Таганрогом, никому уже неинтересно, много этих проливателей расплодилось, замаешься каждому место в очереди уступать. Эх, люди, люди...

А рюкзак, понятно, удобнее сумок, которые в пятьдесят стасиковских лет здоровья не хватит тягать через границу. И что этот мужик, интересно, такое тяжёлое тащит? Аккумуляторы нынче в особой цене, это да, электродрели с шуруповёртами всякими, гвозди, опять же. Ладно, не наше дело.

Наше дело — авторучки. Почему и куда пропал незамысловатый канцтовар из свободной отечественной торговли, никто сказать не мог. Ну так никто не мог и объяснить, куда подевались неподсанкционные топоры с рубанками и гвоздями, газовые горелки, сковородки, резиновый клей. Но то товар был неподъёмный для больной кружковской спины и ломаных рёбер, а вот ручки — в самый раз. Ещё столько же можно было бы у Жупарбека в рюкзак загрузить, но оборотного капитала, оставшегося после продажи машины, хватало аккурат на тысячу авторучек, а выручки после их перепродажи — на полмесяца жизни. А так бы, конечно, одна поездка в Казахстан вместо ежемесячных двух вдвое снизила бы накладные расходы на коммерцию, но ничего, мы и так как-нибудь, как-нибудь...

Тем временем очередь автобусных челноков вплотную подошла к границе. Хмурый ветеран уже протянул в окошко паспорт с вложенными двадцатью тысячами тенге — стандартного выездного штрафа за незаконное пересечение границы.

Собственно, никакой границы с российской стороны вот уже год как не существовало. Дураков нести службу за бесплатно найти по нынешним временам невозможно — будь ты хоть из бывших журналистов, хоть из бывших фээсбэшников. Да и сама недавно всемогущая ФСБ как-то незаметно испарилась из российского смутного географического пространства. Телеграм-каналы наперебой писали, в каких южных странах ныне всплывают с пухлыми счетами в зарубежных банках бывшие генералы и прочие капитаны с майорами службы безопасности, ну так кто бы сомневался в таком благополучном исходе силовиков: время зарабатывать деньги закончилось, пришло время их тратить. Кто на что учился. А граница, так и хрен с ней, с границей, как и со всей Россией в целом и её так называемой безопасностью, в частности. Такие пришли нынче времена, да.

Но казахи молодцы. Быстро уяснив, что контролировать семь с половиной тысяч километров рубежей с Россией фактически невозможно, объявили нерегламентированный въезд в страну россиян делом незаконным, но поправимым. А регламентированный оставили исключительно по тяжёлым семейным обстоятельствам, по дорожке разовой бизнес-визе и для оформления вида на жительство, стоимостью с хорошую трехкомнатную квартиру в Новосибирске. Ну и кто по таким квотам будет официально въезжать в Казахстан? Тем более, что дорог в приграничной степи много, а ушлых умельцев беспощадной доставки россиян до Павлодара ещё больше. Зато теперь всякий российский гражданин при официальном возвращении на родину обязан заплатить прямо на границе штраф без каких-либо последующих санкций, и всё, свободен — хоть завтра велкам обратно заветными тропами. А что, всем хорошо: казахстанский рынок с нашествием челноков с севера растёт как на дрожжах, казна получает стабильный доход с фактического налога на границу, россияне у себя какой-никакой, а торговый бизнес развивают, некоторые даже рискуют вывозить товар из Казахстана нелегальными стёжками-дорожками. Но тут у казахов строго, прошлым летом вышел приказ без разговоров стрелять контрабандистов на поражение. Теперь только лишь редкие сумасшедшие отморозки рискуют действовать нелегально, зато на границе очереди выросли — теперь можно и два, и три часа проваландаться на пропускном пункте.

Казахский пограничник изучил паспорт однорукого, сказал: «Шапку снимите, Егор Андреевич. В камеру смотрим». Тот сдёрнул с головы форменную зелёную балаклаву, вперил угрюмый взгляд в объектив. Пограничник шлёпнул ему в паспорт штамп и кивнул следующему в очереди Стасу Кружкову. Границу пройти — дело быстрое и нехитрое. Главная засада — таможня, которая расположена в этом же помещении, в десяти метрах от пункта погранконтроля. Тут и очередь помедленнее движется к досмотровым терминалам, и осложнения всякие случаются. Хотя многое от таможенной смены зависит, конечно.

Стас снял рюкзак с плеч, поставил его на пол рядом с клетчатými сумками вперидстоящего соседа по очереди.

— Первая ходка? — поинтересовался Кружков у вероятного бывшего военного: всё равно делать нечего, хорошо если в час на таможне уложиться удастся.

— Вторая, — через паузу ответил Егор Андреевич и добавил едва ли не сердито.

— Спасибо, братан, что пропустил.

— Не за что. Чем промышляешь? Тяжёлый груз, гляжу.

Однорукий отвернулся, промолчал. Что ж, имеет право. Но потом буркнул:

— Ножи. Кухонные.

— И как? — заинтересовался Стасик, про такой товар услышавший впервые. —

Процентов двадцать по итогу выходит?

Собеседник неопределённо пожал плечом, спросил странное:

— А что тут у них запрещено к вывозу?

— Так вон на стене наглядная агитация: наркотики, оружие, валюта, продукты питания, продукция военного назначения, ещё там что-то. Никто не читает, каждый здесь везёт разрешёнку, не с чуйской же дурью в чемодане таможенно проходить.

Егор Васильевич неопределённо кивнул, как бы соглашаясь с несправедливостью мироздания в данной точке его применения, поинтересовался:

— Покурить тут можно выйти?

— Никак, только после таможни.

— Херово. За час пройдем?

— Может быть, но не факт.

Очередь слегка продвинулась. Ветеран пихнул ногой вперёд сумку, вторую ему переставил Стас. Решив, что, пожалуй, уже можно раздвинуть формальные границы общения, спросил обыкновенное, кивнув на пустой рукав:

— На войне? — и тут же добавил нужное самоидентифицирующее. — Я в ЛНР там был, в Стаханове.

— На войне, — подтвердил однорукий, но тему развивать не стал, отвернулся.

А тут как раз из недр погранзоны вышли ещё двое таможенников, запустили второй терминал. Очередь занервничала, а Кружков сразу сориентировался, подскочил к загрузке самодвижущейся ленты, махнул рукой новому знакомцу. Тот успел перепихнуть свои сумки и встать перед Стасом сразу за шустрой бабёнкой с тремя чемоданами на колёсах.

Её поклажу просветили быстро и однорукий отправил на таможенный терминал свои нелепые сумки, прошёл через рамку, приготовился принимать их обратно, но молодой казахский таможенник остановил ленту, распорядился:

— Эту сумку откройте.

— Чего ради? — зачем-то окрысился челнок. — Там всё по закону.

— Открываем, не задерживаем.

— Сам открывай! — вдруг пошёл вразнос Егор Андреевич. — Тебе нужно, ты и открывай! Сидят тут дармоеды нерусские!

Очередь начала возмущённо роптать, на шум подошли ещё двое таможенников, которым офицер дежурной смены ткнул пальцем в невидимый челнокам экран монитора, что-то объяснил на казахском языке. Один из таможенников сказал пару фраз в наплечную рацию.

Однорукий тем временем скинул сумки на пол, лихорадочно дёргал на них замки, орал на весь погранпункт:

— На, блядь, смотри-любуйся! Вот тебе весь товар! Здесь смотри, здесь смотри, сюда глянь! Где тут наркота, где план? Глаза протри, может шире станут! Гляди, гляди! Вот изоленга, к ней вопросы есть?

Таможенник брезгливо залез двумя пальцами в сумку, вынул оттуда связку ножей, положил на стол, достал рулетку, замерил длину кухонного инвентаря.

Ножи были цельнометаллические тяжёлые, нарядные. Стасик подумал, что и им с Верой на кухне такой бы пригодился.

— Тридцать пять, — спокойно констатировал таможенник. — Разрешены к вывозу ножи до тридцати двух сантиметров. Эти две связки изымаем, остальной товар можете забирать после уплаты штрафа за попытку контрабанды: двенадцать тысяч тенге.

— Подавись ты этими ножами! — в уголках губах однорукого пузырилась пена. — Грабь фронтовика! Я руку на Украине оставил, чтобы к вам бандеровская зараза не пришла, а мне тут чуркозадые права качать будут! Забирай, всё забирай, нет у меня денег на штрафы!

Очередь набухла шумом негодования — не на таможенника, понятно, а на незадачливого соплеменника. Однорукий задышливо осёкся, вперив ненавидящий взгляд в казахского форменного человека. Тот невозмутимо молчал, смотрел свысока с чуть уловимой брезгливостью на мелкого суетливого русского инвалида. Из служебного входа к месту конфликта спешили люди в бронежилетах и с автоматами.

Неожиданно для себя Кружков сказал: «Я заплачу», отсчитал двенадцать тысяч синими купюрами. Таможенник пожал плечами, выписал квитанцию.

— Опять спасибо, братан, — скандалист курил, закрывая в кулаке сигарету от колючего снежного ветра. — Я отдам дома, не ссы. Сейчас вообще пустой. Сдам товар, свяжемся, верну с верхом. Как зовут-то? Меня — Гоша.

— Станислав, — Кружков пожал левую руку Гоше. — Сильно попал на деньги-то с этой реквизицией?

— Да херня, — отмахнулся сигаретой однорукий. — Эти перья и так на порожняк списаны были. На фарт вёз, не проканал.

— Что, хорошо идут на рынке ножики?

— Смотря на каком, — Егор, он же Гоша, ловко выщелкнул окурочек в сторону таможенного поста, тот пролетел по длинной дуге и разбился об асфальт, пустив сноп искр в позёмку. — Людей надо знать, Стасик. Охотничьи магазины же закрылись, а нормальный пацан без ножа не мужик. Сюда смотри. Однорукий расстегнул бушлат. Там поверх свитера на боку подмышкой висели кожаные ножны. Гоша достал из сумки кухонное изделие, нож лёг по месту строго и аккуратно.

— Нормальные эти финки у казахов. Рукоятку только правильно изоляцией обмотать и можно работать. Мы в Бахмуте и не такие приспособляли к делу. Лучше в рукаве или на голени крепить, но мне несподручно, сам понимаешь. А спрос есть, Стасик, есть спрос.

Кружков достал телефон, записал номер Гоши. Тут как раз и автобус подъехал, челноки начали грузить товар в багажный отсек, рассаживаться по свободным местам в тёплом салоне. Вагнеровец успел удобно устроиться в первых рядах, Стас нашёл свободное место на одном из задних сидений, рядом с молчаливым стариком-казахом. Автобус тронул на север, Россия впустила его молча и незаметно, предъявив лишь тёмные окна своего пустого пограничного пункта.

Не спалось. Кружков за всю свою долгую уже жизнь так и не выучился спать сидя — в самолёте ли, в поезде ли, в автобусе. За окном катилась назад поздневечерняя привычная лесостепь, высвечивая в лучах фар редких встречных машин чахлый придорожный кустарник. Думал о том, что Муха обещал дать телефон оптовика, торгующего куриными голеньями: тот по звонку

должен вроде как сделать уступку по цене, если купить сразу пять килограммов. Всё равно дорого выйдет, конечно, но Вера любит куриный бульон, ей нужно. Ничего, какнибудь, какнибудь...

Через пару месяцев после инсульта супруга оправилась, начала ходить, приволакивая левую ногу, и речь вернулась, пусть не вполне, но изъясняться Вера могла более-менее внятно, если привыкнуть. Стас привык, только смех жены пугал — слишком странно он звучал, если не сказать, страшно. Но смеялась Вера теперь редко, мало смешного осталось в их с ней жизни. Кружкова за сына она не простила и не простит никогда, с этим он тоже давно смирился. Но деваться друг от друга им было некуда, инвалидной пенсии Веры не хватило бы и на оплату коммуналки, которую при всей окружающей катастрофе ТСЖ взимало исправно, повышая тариф не реже, чем ежеквартально. К должникам председатель Вадим Михайлович являлся, как правило, в сопровождении двух крепких доброхотов из правления, без церемоний заходил в квартиру, осматривался оценивающе и диктовал: «Записывай, Владимир Петрович. Телевизор «Самсунг», диагональ 43 дюйма. Ноутбук «Леново», диагональ четырнадцать. Столовый сервиз чешский на шесть персон. Книги... Ладно, и книги найдём кому пристроить. Пиши: собрание сочинений Николая Гоголя в шести томах, «Мастер и Маргарита», четыре детектива Устиновой... Что, говорите? В пятницу оплатите? Ладно, придём в пятницу, если что. А в сто двенадцатой квартире когда хозяева появляются? После семи? Ну и хорошо. Бывайте здоровы». Много с такими поспоришь, ага. Нет, хочется не хочется, а доживать им с Верой свой век вместе, вместе и сына ждать. Может и простит она своего неразумного Стасика, когда Ант вернётся. Но важно же ещё, чтобы и сын простил. Кругом сам виноват, кругом. Но сделанного обратно не воротишь. Ничего, справимся, не одни мы нынче в России такие горемычные. Странно, но при общем крушении государства пенитенциарная лагерная система продолжала вполне себе функционировать. Антона скоро два года как перевели в колонию строгого режима ИК-2 в Ангарске. Кружков-старший так и не смог выбраться ни разу к сыну: вначале Веру не получалось одну оставить, потом сам попал в неврологию со спиной. А главное, Ант категорически запретил приезжать — нечего, мол, на зэка в тюремной робе любоваться, вот список, что в посылку собрать: против них у него нет возражений, четыре посылки в год и столько же бандеролей, каждый раз будет сообщать, что нужно. Это он поначалу в письмах писал, а теперь даже звонит ежемесячно. Тоже, говорит, денег звонок стоит, но сын и работает там, и ещё откуда-то приработок имеет. Правда, с отцом Антон только поздороваться, потом сразу просит телефон маме дать, а уж с ней они долго. Вера потом привет от Антошки обязательный передаёт и список, который он ей надиктовывает. У Стаса быстрее и проще это бы получилось, но пусть уж они сами, если так хотят.

Страшные времена в стране настали, трудные, но и надежда появилась, что не придётся Анту весь свой шестнадцатилетний срок на зоне тянуть. «Либеральный фронт» объявил об амнистии всех политзаключённых на подконтрольных ему территориях. Включали они, правда, пока только Москву, Питер, Тверскую и Смоленскую области, но уверенно двигался слух, что Сибирская федерация тоже готовит аналогичный рескрипт. Значит и Иркутскую область он затронет вместе с Ангарском, хорошо, что Антошку туда срок отбывать направили, а не поближе к дому, как надеялись Стас и Вера.

Дома-то как раз складывалось всё непонятно: от Урала до Енисея губернаторы оставлять свои посты не спешили, мутно декларируя приверженность вертикали власти, хотя признаков наличия как вертикали, так и собственно федеральной власти вокруг наблюдалось всё меньше и меньше. Столичные либералы, дорвавшись до Кремля, отобрали лицензии у всех центральных каналов, но новое федеральное телевидение вот уже год запустить не могут: половину пропагандистов арестовали, другая половина успела смыться в Минск, а оттуда разлетелась по миру, аки пчелиный рой. Остальные сотрудники попали под фильтрацию, люстрацию и поражение в правах, потом случилась диверсия в центре спутникового вещания, вот и сидит вся страна без информационного окормления и целеполагания, вот и сыплется всё с грохотом в тартарары. А тут ещё и армия сразу после ухода из Крыма с Донбассом объявила о своём категорическом неучастии во внутренних политических процессах, ограничившись взятием под контроль Псковской, Рязанской и Тульской областей, объявив их зоной ответственности ВДВ или неофициально «Маркеловским плацдармом». Там теперь в моде комендантский час, трибуналы, военно-полевые суды и утренние построения на предприятиях перед разводом на работу. Запад каждый день выпускают в прессу inferнальные сценарии грядущего конца света в связи с выходом из-под централизованного контроля российского ядерного потенциала, но как-то пока всё обходится без этого, а дальше как уж повезёт, ясное дело.

Где сейчас находится недавний вождь и отец нации, никому неизвестно, но в ютубе пару раз в месяц появляются странные обращения президента к народу. В них он по-прежнему клеймит НАТО, озвучивает указы о повышении прожиточного минимума и рассказывает о запуске новой космической программы освоения Марса. И всем уже наплевать на то, пятый по счёту это двойник открывает рот или сам недавний вершитель судеб человечества. Карикатура не может вызывать сколь-либо серьёзных эмоций, не говоря уже о настоящей ненависти. Так, лёгкую брезгливость. Впрочем, не у всех, далеко не у всех.

Страшнее всего сейчас на юге России. В Воронеже, Курске и Белгороде, попавших под контроль донецких и луганских формирований, идёт не просто чёрный передел собственности, но и фактический геноцид коренного мужского населения, массово репрессируемого просто по факту его неучастия в недавней войне. Отсутствовал в окопах под Волновахой и Краснодоном? Милости просим на подвал, где тебя допытают до степени выписывания дарственной на машину, квартиру и дачу. В лучшем случае.

А от Астрахани до Нальчика режут друг друга пригожинские с кадыровскими. Похоже, вагнерам изначально объяснили, что вот вам давно уже знакомая южнорусская вотчина до Воронежа и Волгограда, севернее не суйтесь, будет больно, а там распоряжайтесь смело, чем сумеете. А те и рады стараться — попытались проглотить Северный Кавказ, в ответ Кадыров отправил своих джигитов во Владикавказ и Нальчик. Ну и понеслось. Беженцы из Ростова со Ставрополем уже разбили палаточный лагерь близ городской свалки, и с каждой неделей Стас видит всё больше нищих тёток с детьми в подземных переходах с табличками «Помогите семье из Геленджика». Сибиряки помогают не сказать чтобы шибко охотно: помним, помним ваши цены в Геленджике, когда мы к вам в отпуск приезжали десять лет назад. Были бы из какой-нибудь Вологды, тогда другое дело.

Нет, в Сибири пока что жилось более-менее сносно. Относительное подобие порядка в области обеспечивали частью очагово работающие подразделения полиции, а в основном, «барсуки» — региональное военизированное формирование «Барсук», созданное на начальном этапе украинской войны, успевшее вовремя оставить рассыпающийся фронт и в потрепанном, но дееспособном состоянии боевым порядком вернувшееся к родным осинам с кедрами. Примерно так же обстояли дела и в соседних регионах, державшихся на штыках всевозможных «Вепрей», «Медведей» и «Рысей».

Регулярно в телеграме появлялась информация о начале процесса формального объединения соседних регионов то в автономный Таёжный край, то в Приобскую конфедерацию Сибири, но дальше разговоров дело не двигалось: губернии пока предпочитали выжидать и выживать самостоятельно, не спеша делиться полномочиями и невеликими оставшимися статьями дохода местных бюджетов с вновь создаваемыми непонятными надрегиональными структурами. Пока тут у нас каждый за себя — что территории, что люди. Мессенджером, конечно, веры мало, но газет уже никаких нет ни в печатном виде, ни в электронном. Прошли времена госфинансирования, да и реклама в качестве двигателя торговли сгинула как самодостаточный бизнес — кто и что тут станет нынче рекламировать? Тем более, за деньги.

Умерла российская журналистика, умерла. Но хоть была когда-то, и Стас был в профессии не последним человеком, и «Сибирский телеграф» гремел на всю страну, и читатели писали, что у него лучшие репортажи в городе. Эх, какую страну просрали, какую профессию. Эх, если бы не эти либералы, если бы не НАТО, если бы не Украина...

Автобус затормозил так резко, что дремавший рядом старик ткнулся лбом в спинку переднего кресла. «Так, просыпаемся, — усиленный микрофоном голос водителя зазвучал вместе со включённым в салоне освещением. — Опять эти клоуны блок-пост выставили. Кто в первый раз, слушаем внимательно: без паники, резких движений, словесных обострений. Из салона выходим без толкотни, после досмотра загружаемся без давки. Отрядные тут не на ваши шмотки нацелились, а на... Хер его знает на что, в общем. Короче, не скандалить, не пререкаться, не истерить. Полчаса — и дальше поедем. Пока курите на свежем воздухе, расслабляйтесь».

Передняя дверь автобуса, зашипев, сдвинулась в сторону. В салон запрыгнул лёгкий, сухой старичок с АК-47, сунул ладонь водителю, забрал микрофон, уверенно приветствовал пассажиров: «Добрый вечер, господа барыги! Прошу всех покинуть автобус для досмотра личных вещей и прослушивания политической информации. Быстро дело сделаем — быстро дальше отправитесь, и нам хорошо, и вам сподручно. Выходим, выходим, не задерживаемся!»

Большая часть челноков хоть и чертыхалась, но надевала куртки и шапки без нервов, спокойно двигалась к выходу, минуя суetyщихся в креслах мало что понимающих в происходящем неофитов приграничной коммерции.

Однорукий встал со своего места сразу за Стасом, спросил в спину, дохнув свежим перегаром:

— Чего это, а? Кто такие, что им надо?

— Не психуй, Гоша. «Отряды Путина», обычная канитель. Покрасуются тут перед нами, повыступают на публику и пропустят. Я уже дважды на такую засаду попадал.

Спрыгнули на очищенную ветром от снега обочину, огляделись. Дорогу перед автобусом перекрывала пассажирская «газель» с георгиевской лентой во весь борт и портретами Путина во всех стёклах салона. Из двух репродукторов на крыше машины в снежную степь блажил Николай Расторгуев: «А на войне как на войне, подруга, вспомни обо мне. А на войне, неровен час, а может мы, а может нас...» Водитель автобуса повозился с ключом, открывая багажный отсек, потом отошёл в сторону, закурил, повернувшись от ветра к публике широкой спиной в лёгкой куртке с поднятым воротником.

Отрядных нынче Стас насчитал восемь человек, вооружённых большей частью охотничьими двустволками. Трое мужчин, пятеро женщин. Командовал ими, похоже, тот самый дедок с калашом, который сразу объявился в салоне. «Хотя, какой он дедок, — поправил себя Кружков. — Мой ровесник, пожалуй. Может, года на два-три постарше». Командир приказывал двум молодым парням, которые, казалось, чувствовали себя в этой обстановке неловко — возможно, просто были сыновьями или внуками кого-то из членов нелепого дозора, притянутыми старшими к странному способу проведения досуга, — те доставали багажную поклажу. Первой на свет божий появилась неказистая объёмная сумка на колёсиках.

— Чей груз, мешочки? — задорно обратился к челнокам старший отряда.

— Моя, — сделал шаг вперёд сосед по креслу Стаса. — В гости к внукам еду, гостинцы везу: боурсаки бабка напекла, таких у вас не делают. Одежда тут, кроссовки в подарок. Ничего больше нет.

— Верю, ата. Всё в порядке, давай следующий.

Парень вытащил красный чемодан с выдвижной ручкой.

— Чей?

— Ну, мой, — призналась тётка в короткой чуть потёртой каракулевой шубе. — Обычный товар там, ничего запрещённого.

— Открывай.

Челночиха раскрыла чемодан, который оказался доверху забит импортным мылом с одинаковой лыбящейся красавицей на обёртке.

— Хоть бы разных набрала, — пожурил тётку командир. — Никакого понятия об ассортименте не наблюдаю. Но что с вас, спекулей, возмёмшь. Закрывай.

Следующий, последний на сегодня.

Молодой отрядный потянул уже было наружу стасиковский рюкзак, но тут из салона выскочила заполошная тётка, потрясая в одной руке ружьём, а в другой — книжкой в неприметной чёрной обложке.

— Вот! — вопила отрядница во всю ивановскую. — Сердце моё чуяло, что не зря в дозор сегодня вышли. Нашлась вражья зараза! Вот что они нам сюда везут, вот!

— Дай-ка глянуть, Альбина Никитишна, — протянул руку старичок-распорядитель, а молодым людям сказал. — Закончили досмотр багажа.

Пока водитель закрывал отсек, посмотрел на обложку, пролистнул несколько страниц, объявил громко-презрительно:

— Борис Акунин, значит. «Коронация».

— Именно, Христофор Яковлевич, именно что Акунин, — подтвердила досмотрщица салона. — Я главное, сослепу-то поначалу подумала, сумочка дамская лежит на сиденье, присмотрелась, а тут вон чего: Акунин целый! Так я сразу и к вам.

— Молодец, Альбина Никитишна, благодарю за службу, — и теперь уже к пассажирам. — Я не стану спрашивать, чья эта мерзкая книжонка. Я хочу,

чтобы вы поняли раз и навсегда: если ты читаешь книги врагов России, ты и сам частично обращаешься во врага. Сегодня у тебя Акунин в голове, а завтра ты уже педофил или там гомосек какой. Не зря мы тут стоим на страже наших традиций, значит, и устоев. Сегодня книжку Акунина изъяли, завтра Быкова найдём, Улицкую или Шендеровича — всё меньше идеологической заразы придёт в страну... А включи-ка нам, Юра, песню главную, очищающую душу от западной скверны, а мы её все тут дружно подхватим. Как допоем до конца, так и поедете дальше с богом. Вы всё же наши люди, русские, хоть и спекули, конечно.

Один из юных отрядников сел на водительское место в агитационной машине, развернул «газель» навстречу автобусу, прижал её к обочине. Свет фар чётко фиксировал границу света и тьмы. А может, ту самую грань добра и зла, за которую упала сейчас территория, инерционно называемая Россией. Докрутить мысль Кружков не успел, сзади по плечу похлопал однорукий Гоша:

— На, Стасик, глотни, — протянул объёмистую плоскую металлическую фляжку, достал из кармана надкушенное яблоко. — Водка. На пару глотков хватит.

Стас не стал обижать инвалида, допил невеликую дозу, плюхавшую на дне фляжки, вернул пустую баклажку Гоше, тот расстегнул бушлат, засунул её куда-то внутрь. Достал пачку, вытащил сигарету, предложил Кружкову.

Спросил:

— Долго ещё это бакланьё нас тут тормозить будет?

«Бакланьё» как по заказу запустило из матюгальников по ветру знаменитый гимн «отрядов Путина»: «Нам от северных морей вдаль до южных рубежей, от Курильских островов до балтийских берегов...».

— Да сейчас они песню свою допоят и отпустят. Так раньше у них было.

Жора заметно помрачнел, заметил сквозь зубы: «Придурки». И не поспоришь, но, в общем, безобидные они, эти фанатики прошлого мира. Христофор Яковлевич вообще Стасу понравился, он и сам считал, что все эти новые интеллектуалы-эмигранты сделали для разрушения страны больше, чем США и НАТО вместе взятые. И когда командир отряда, дирижируя хором своих бойцов и примкнувших к хоровому исполнению челноков, подошёл к ним с Жорой, Кружков почти дружески улыбнулся главному распорядителю вечера на свежем воздухе, который воодушевлённо вторил репродукторам: «На земле сей был бы мир, но если главный командир позовёт в последний бой: дядя Вова, мы с тобой!» Старичок хлопнул ладонью по спине Гоши, вдохновенно отбивая ритм сухоньким кулаком: «Подхватывай, молодёжь! «Дядя Вова, мы с тобой!». И тут однорукий вдруг ощерился гримасой бешенства:

— Пидор твой Путин, дед. Пусть сосёт.

— Чего-чего? — командир отряда потянул с плеча автомат.

— Того, — уточнил Жора, как-то очень ловко выхватил из под бушлата нож и ударил им симпатичного Стасу активного дедка в горло сбоку.

Кровь ударила ленивым пульсирующим фонтаном, отрядные тётки заголосили на разные лады. Кто-то бросился к осевшему на дорогу Христофору Яковлевичу, кто-то пытался направить стволы на челноков, кто-то выцеливал неверной рукой петлявшего на скорости по снегу в близкий придорожный берёзовый колок инвалида Гошу. Но ситуация обостриться до крайнего предела не успела: быстрее всех сориентировавшийся водитель автобуса метнулся в кабину, выскочил на подножку с автоматом, дал над головами окружающих длинную очередь и резкую команду: «В автобус, быстро!» Пассажиры, сталкиваясь в

дверях, рванули в салон. Водитель водил стволом автомата, держал в секторе обстрела отрядников и отрядниц Путина, веско убеждая: «Даже не думайте, не надо». Запрыгнул за последним пассажиром в салон, закрыл дверь. Автобус вильнул, объезжая стоящую на обочине нарядную «газель», и, быстро набрав скорость, возобновил маршрут к месту назначения.

«За гранью добра и зла, — навязчиво крутилась в голове Стаса расхожая формула. — Мы давно вышли за грань, за границы дозволенного. Мы в приграничной полосе от нормы. Ничего, как-нибудь, как-нибудь...»

Глава 3. Обмен

Не излечившийся от дурной привычки рифмовать окружающую реальность, старший советник областного комиссара релокации и реинтеграции Георгий Дитрикс завершил поэтический набросок не сказать чтобы вполне приличной строфой:

Войной и разрухой распятым,
из боли, крови, нечистот
мне щерился двадцать девятый
стандартной херовости год.

Просилось в размер цензурное «тоскливости», но поэзия требует точности, а точность укладывалась именно в твёрдую обценность, как более обобщающее понятие текущего момента. Ладно, всё равно никто этой графомании не увидит. Жора упаковал новорождённые строчки в папку «стишки» на мониторе ноутбука, заварил чай и вернулся к внеурочной домашней работе с бесконечной таблицей. Сегодняшняя сводка датировалась 17 июня 2029 года и включала в себя пятнадцать позиций. Двенадцать из них советник успел отработать в офисе, ещё три забрал домой на вечер, потому что если оставлять незакрытые позиции на следующий день, то к концу недели нарастающим итогом наберётся работы на все выходные. А за каждой строкой стоят живые люди, которые ждут твоего решения, и ты обязан это решение найти в максимально сжатые сроки: потому что на дворе новые времена, новая реальность. Не при пыне, чай, теперь живём, а в свободной Сибирской республике.

Ну то есть, не вполне ещё республике — окончательную редакцию нового государства примет в августе Конституционное собрание, но Жоре ближе была республиканская форма правления, чем унитарная Сибирь или наоборот, Сибирская конфедерация. Впрочем, конституционалист из Дитрикса был, как из свинины форшмак, и потому советник оставил бесплодные мысли о грядущем и вернулся к конкретной работе.

Первой в списке значилась странная фамилия Восьмелович. Пол женский. Ксения Эдуардовна. Не замужем, детей нет, других родственников тоже. Сертификат о сданном объекте недвижимости имеется: стандартная панельная однушка в городе Торжок Тверской губернии. Фильтрационная проверка завершена 30 апреля. Вот все бы такие простые позиции были, можно бы было груши в офисе пинать, а не на дом работу тащить каждый вечер. Жора сверился с таблицей Оськина, второго советника, сводившего в неё ежедневно окончательные цифры свободного жилого фонда комиссариата. Что ж, вполне себе удачные варианты для Ксении Восьмелович, сорока трёх лет, члена партии «Яблоко» с 2008 года: так и запишем в графу «паритетные

предложения» — однокомнатная квартира в девятиэтажке райцентра Сейска и малосемейка на окраине Заречного района областного центра. Как правило, подобных соискателей новой жизни за Уралом устраивал любой адрес. Главная цель — выбраться из Святой Руси, бывшей до прошлого года Российской Федерацией — уже осуществилась, а после прохождения коридоров тамошней выпускной Комиссии нравственности и духовности эйфория обретения личной свободы делала реинтеграцию евров (незаметно быстро вошедшее в обиход идентификационное обозначение массовых переселенцев из России) бесконфликтной и бесстыжательной. На первых порах, разумеется, но разрешением дальнейших проблем новообращённых сибиряков занимался отдельный департамент комиссариата, а задача Дитрикса — дать достойную крышу над головой переселенцам, чтобы никто, по возможности, не считал себя обиженным. Конкретная задача, важная работа на будущее строящегося сегодня государства. Чего ж ещё желать чиновнику средней руки новой демократической Сибири? Не дворцов же в Геленджике или Ницце — не в Москве, чай, живём. Стишков вот за последние десять лет на добрую книжку набралось, её можно бы было пожелать. Но суетиться на предмет издания было бы как-то неправильно, некрасиво. Так что, лучше мы сейчас к следующей позиции перейдём.

Семья Турмилиных из Астрахани: муж с женой, двое детей, отец мужа — инвалид первой группы, родители жены — пенсионеры. Собака породы немецкая овчарка. В России сданы два дома площадью 45 и 97 кв. метров, частично благоустроенных. Да, здесь засада, здесь придётся поломать голову, подбирая подходящий вариант заселения, но кто обещал, что будет легко?..

Все взятые на дом позиции Жора закрыл, когда часы монитора показывали без четверти одиннадцать. Почистил зубы перед сном, с привычным лёгким сожалением отмечая в зеркале крепкую уже лысину в окружении поседевших чёрных кудрей. И когда пошёл в спальню, готовясь завалиться в постель с новой книжкой Димы Быкова, стоящий на зарядке телефон разразился поздним звонком.

Поздних звонков советник не любил, они обещали неожиданность, которая вряд ли могла сочетаться с приятностью. Номер высветился незнакомый, но за полгода после возвращения в родной город Дитрикс смирился со служебной необходимостью отвечать на звонки с любых телефонов, чувствуя себя ответственным за тех перемещённых граждан, которых он приручил размещением в жилье свободного фонда комиссариата релокации и реинтеграции.

Но трубка сказала голосом довоенного прошлого: «Привет, Жора. Это Стасик».

Они сидели на открытой террасе пивного ресторана «Золотая кружка». Запреты на частную жизнь в новой Сибири не приветствовались, дымить теперь можно и внутри помещения в зале для курящих, но летний вечер был тих и уютен, панорама реки, проглядывавшая сквозь кроны тополей на набережной, соответствовала расслабленной атмосфере субботнего вечера, и оттого большинство посетителей заведения пивного общепита предпочитало свежий воздух замкнутому ресторанному пространству, откуда глухо вырывались на свободу песни вечно живой группы «Кино». Легкий комариный звон вполне гармонировал бессмертному цоевскому тексту «Группа крови на рукаве», но кого в Сибири напугаешь кровососущими? Если это не недавние кремлёвские.

Стасик за минувшие десять лет изменился мало: голову только припорошило сединой, но кому из нас её не припорошило? Разве что, лысым. Жора автоматически провёл ладонью по своей изредчавшей причёске, заодно чуть подосадовав и на собственный выпирающий из джинсов живот. Кружков вон только похудел за эти годы, стал суше и звонче голосом. Что ж, каждый стареет как умеет.

— А ты так и не женился? — спросил Стасик, уже успевший рассказать о том, что похоронил Веру в недоброй памяти двадцать седьмом.

— Поздно мне жениться, — предсказуемо ответил Жора. — Нет, были в Питере разные там, но семейная жизнь, как окончательно выяснилось, не для меня. Ничего, я привык. Сложно менять образ существования на шестом десятке.

— А Машка приезжала из своей Швеции? Встречались? — Кружков спрашивал про Машу Эклунд ровно: то ли удачно имитировал равнодушие, то ли действительно отгорело у него всё, отболело.

— Приезжала, встречались, — Жоре не было нужды щадить Стасика, потому он довёл ответ до логического финала. — Нет, не спали. Про тебя не хотела говорить категорически. Так-то у неё в Гётеборге всё складывалось нормально: работала в каком-то фонде для эмигрантов из Украины, мужик там у неё шведский, как я понял, организовался. Что там сейчас с Машей — не скажу, не знаю.

Помолчали, неторопливо потягивая пиво и наблюдая за солнцем, опускающимся в заросли ивняка на противоположном берегу реки.

«Хорошо с тобой да плохо без тебя...» строго напоминал из динамиков внутри ресторана Цой ровно так же, как он напоминал об этом и десять, и двадцать, и тридцать лет назад, когда они все были беспечно молоды, бесконечно талантливы и бессмысленно счастливы. Когда судьба ещё не разбросала по разным городам и странам, не развела по разным фронтам минувшей войны, не подвела к разным итогам утекающей сквозь пальцы жизни.

И можно было бы сидеть вот так, просто оставив за границами этой террасы личную историю каждого за минувшие двадцать лет, как будто они вышли сейчас из давнего, доброй памяти Дома печати догнаться пивом после редакционной водки, и сейчас к ним подтянутся Маша Эклунд с Ритой Белецкой, Генаха Синюгин, Толян Широков, Игорёк Смирнов. И колесо судьбы повернётся вспять, чтобы потом закрутиться заново, вывернуть на другую колею, где все вновь будут дружны, веселы и живы. Но нет, жизнь сложилась как сложилась, чего уж теперь. Потому лучше не трогать прошлого, стараясь оставаться в нейтральности зыбкого настоящего. Оба понимали невысказанное, пытались соответствовать.

— А что, каспаровские до сих пор не нарисовали программу автоматического подбора жилого фонда для евров? — любопытствовал Кружков. — Это же бред какой-то, в двадцать первом веке ручками искать подходящие квартиры релокантам. Ладно бы там, в ретроградной России, но вы же прогрессоры, вы же с искусственным интеллектом на ты, а всё руками колоду тасуете.

— В корень зришь, — оживился Жора. — Самого достало. И бесит, знаешь, новая бюрократия, когда твоя работа требует конечного согласования в трёх инстанциях, где у каждого чиновника свой взгляд на проблему. Комиссариат уже трижды направлял заявку на получение кода унификации в систему центрального ИИ, но те только обещаниями кормят: «Система центрального искусственного интеллекта анализирует вашу заявку. Результаты анализа с предоставлением кода унификации ожидаются в конце третьего квартала

текущего года». Вот и приходится пока вручную искать варианты. А что поделаешь, реинтеграция всего полгода как запущена, поток евров не снижается, если их не расселять каждый день, коечного фонда в накопителях хватит на неделю. А мы обязаны обеспечить еврам максимально комфортный и быстрый коридор перехода, иначе грош цена всем достигнутым договорённостям, и возникает новый риск полномасштабных столкновений по всему Уралу. Такие, Стасик, дела у нас сейчас, да.

— А что, действительно, как говорят, обменный жилой фонд Сибири чуть ли не вдвое больше российского? — Кружков поднёс к губам пиво, чуть усмешливо смотрел на Жору поверх бокала.

Неприятный был вопрос, политически скользкий. Дитрикс опять вспомнил, что Кружков, ладно, пусть не враг — открытые враги ныне в тюрьмах и СИЗО обретаются, — но человек, разделявший недавнюю агрессивную политику режима и засветившийся в некогда шумном деле ликвидации героической группы Виктора Отчалова. Без финального злого умысла, с последующими трагическими последствиями для своей семьи, но всё же, всё же, всё же.

С другой стороны, о сложившейся прискорбной тенденции с обменным жилым фондом в свободной сибирской прессе не написал только ленивый. Официально Временное правительство Сибирской автономии никак не комментировало информацию в СМИ, но упорное молчание властей более чем красноречиво подтверждало очевидный факт: да, формировавшиеся базы свободных жилых фондов Сибири и России были количественно несопоставимы.

Желающих покинуть свободную Сибирь после принятия Пакта о взаимной релокации и реинтеграции оказалось значительно больше стремящихся уехать из Святой Руси за Урал. Довольно печальная тенденция текущего момента, открывающая широкий простор для издевательских комментариев с российской стороны и выражения осторожной озабоченности со стороны западных политиков.

И не так уж важно для внешнего наблюдателя, что значительный процент жителей России, как утверждают социологические исследования, и не прочь бы были жить в свободной от тоталитарной государственной духовности Сибири, но не готовы променять жизнь в привычном комфортном Чертаново или там в Нижнем Новгороде на прописку в Новосибирске, Омске или Иркутске. То есть, уезжают только те, кому совсем неведомо перспектива оставаться в этой, прости господи, Святой Руси. Остальные традиционно надеются, что как-нибудь всё утрясётся и можно будет и при нынешнем Синклите жить, работать, ходить в кино и театры: пусть и на продукцию режиссёров Бондарчука с Богомоловым, так если других нет, что ж поделать.

И Жора не стал спорить с очевидным:

— Ну, не вдвое. Где-то на треть.

Кружков, нужно отдать ему должное, просто кивнул, не стал выказывать чувства глубокого удовлетворения фактом торжества консервативной идеологии над либеральной. И без ситуации категоричного выбора, в которой сегодня оказались все без исключения жители бывшей Российской Федерации, любому вменяемому человеку было понятно, что традиционалистов в стране гораздо больше, чем граждан, ставящих личную свободу выше интересов государства.

Впрочем, прогрессоры в завершившихся не так уж давно боях защищали географический ареал своего мировоззрения зло и ожесточённо. К исходу третьего месяца полномасштабного вооружённого конфликта, а по сути,

гражданской войны между защитниками традиционных нравственных ценностей и адептами западного мировоззрения, Либеральный фронт был вынужден оставить все регионы Центральной России, откатившись на рубеж Челябинск — Пермь. Легионы Святой Руси безусловно дожали бы мятежников в обозримо короткий период, но случился Тагильский контрудар, в мясорубке которого погибли, по различным оценкам военных экспертов, от пятнадцати до тридцати тысяч легионеров и прогрессоров. Державший до того нейтралитет армейский Сибирский корпус неожиданно вступил в конфликт на стороне Либерального фронта, закономерно побрив под ноль казачьи дружины войсковых атаманов Никольского и Коряжко, штурмовая авиация завершила разгром легиона Николая-угодника, и на Уральском театре военных действий возникла оперативная пауза, заполненная формированием резервов с обеих сторон, возведением фортификационных оборонительных линий и подготовкой к дальнейшему масштабному кровопролитию.

До сих пор не вполне понятно, Китай ли выступил главным миротворцем, Ватикан ли или не обошлось без вездесущего американского госдепа, но вдруг скоротечно была созвана Сингапурская мирная конференция, на которой Синклит Святой Руси и Временное правительство Автономной Сибири заключили Пакты о ненападении и о взаимной релокации и реинтеграции. Война остановилась на достигнутых рубежах, а стороны конфликта объявили о трёхлетнем периоде свободного перемещения граждан в любую сторону от неофициальной уральской границы, в течение которого должны быть сформированы институты двух новых государств, образовавшихся в результате крушения Российской Федерации (или Российской империи, как не уставали твердить украинцы, поляки и жители балтийских стран).

И вот теперь завершался первый год Пакта, в результате которого Жора Дитрикс одним из первых вернулся в родной город и теперь трудился на ниве релокации и реинтеграции граждан западного Зауралья, стремящихся начать новую жизнь в свободной Сибири. Евров, короче говоря. А Стас Кружков... Со Стасиком было непонятно и Жора решил прояснить ситуацию:

— Ты сам-то как, остаёшься или готовишься в пилигримы?

Вопрос был, в общем, некорректный, акцентировать в частных разговорах насущную тему мировоззренческого выбора считалось делом не то чтобы неприличным, но имеющим необратимые последствия: во времена коренного разрыва родственных и дружеских связей специально расчёсывать этот вопрос — ну, мягко говоря, такое. Но Стасик давно не принадлежал к кругу дитриксовских друзей, Жоре было наплевать на его реакцию, он примерно понимал, что Кружков по другую сторону исторической баррикады, просто хотелось наведения чёткой оптики, а не блуждания в размытых контурах невербальных полутонов. Да и третья кружка пива, понятно, способствовала.

— Остаюсь, Жора, — без лишних затей ответил Стас. — Ант в Россию никогда не поедет, и что мне там без него делать? Вера на Старомайорском кладбище лежит, родители там же. Куда мне ехать? Здесь буду доживать, в свободной, значит, этой вашей Сибири.

— Как там у сына дела? Звонит?

— Пишет пару раз в неделю: «здоров, всё нормально, обстановка спокойная».

— Так действительно спокойно сейчас под Соликамском. Говорят, после предварительной демаркации большей части мобилизованных разрешат уволиться. Вернётся, жизнь наладится, женится, внуков будешь растить.

— Наладится так наладится. Хорошо бы... У меня просьба к тебе будет Жора, по старой дружбе.

— Выкладывай, не стесняйся.

— В общем, такая история. Давний мой знакомый, хороший мужик никак не может получить выездной сертификат. У него квартира на жену оформлена, а та ещё во время войны уехала в Сербию и возвращаться обратно не собирается, но и на оставленную жилплощадь не претендует. А ваши формалисты не желают вникать в суть дела, отказывает в перемещении по факту неоформленной передачи в свободный жилфонд квадратных метров. Квартира у него в центре, шикарная, в двух уровнях, любому еврею подойдёт, будь он хоть релокантом из Садового кольца. Отказное письмо от супруги есть, но она там прописана, вот и бьётся мужик уже который месяц, но пробить ваших бюрократов не в состоянии. Двинул бы ты, Жора, как-нибудь там у себя это дело.

— Ладно, попробую. Фамилию напиши, примерную дату первичного обращения в комиссариат.

— Вот здесь всё, — Стасик достал из кармана прозрачный файл с вложенным листком бумаги, придвинул Дитриксу. — Я сейчас с тобой не от его имени, а по собственной инициативе, он и не в курсе, что я здесь за него ходатайствую. Просто жалко мужика, он мне немало помог, когда совсем лихие времена настали. Встретились как-то на рынке, посидели в кафе, он мне эту историю и выложил. А я про тебя вспомнил: всё равно собирался позвонить, встретиться, прошлые времена повспоминать. Вот и повод нашёлся, а то никак решиться не мог.

— Посмотрю, что можно будет сделать, — не таким уж сложным представлялся Жоре искомый случай, Оськин двумя руками ухватится за возможность оформить в обменный фонд престижную квартиру в центре города. — Ну что, по домам? Таблетки вечерние принимать да давление мерить?

— Хорошо ещё хоть не клизму ставить после ресторанных излишеств, — поддержал Стасик не лишённое правды жизни шутливое наблюдение Дитрикса, полез за бумажником. — Что там у нас по счёту вышло?

— Не выдумывай, — остановил благородный порыв бывшего товарища советник. — Нам, бюрократам, на то и зарплату платят, чтобы мы в ресторанах за подведомственное население расплачивались.

— Вольному воля, — не стал спорить Кружков. — А хорошо посидели, Жора, правда? Как в старые добрые времена.

— Хорошо, — согласился Дитрикс. — Времена нынче другие, но тоже неплохо.

«Да, такое, милые, у нас тысячелетие на дворе, такие настали времена, — расслабленно размышлял Жора в такси. — Время несётся вскачь, за ним уже не угнаться. Казалось, ещё вчера пили водку каждый день со Стасиком в редакции, подсказывали друг другу искромётные заголовки, отстаивали свободу слова, косились на сиськи коллег женского пола, а то и мять их доводилось, а ныне с трёх кружек пива уже тянет на диван, сиськи трогают воображение больше теоретически, и таблетки действительно ждут на прикроватной тумбочке. А как им не ждать? Какое стальное сердце выдержит катастрофу последнего десятка лет? Да что там десяток, раньше всё началось, много раньше. Когда мы последний раз со Стасиком держались вместе? Да лет двадцать назад, пожалуй, когда только надвигался свинцовый каток диктатуры, когда ещё можно было бороться печатным словом и протестным делом.

Но уже Крым развёл людей по разным тротуарам от стремительной проезжей части текущего бытия. И центробежное движение только ускорялось: пандемией, украинской войной, послевоенной разрухой, кровавым противостоянием российского Синклита и Сибирской автономии. И кто сегодня может знать, окончательно завершился процесс крушения России или это только временная передышка перед каким-нибудь конечным ядерным апокалипсисом? Ну и как тут без вечерней дозы конкора с кардиомагнилом? И все же странно, что Кружков, давно и всерьёз обратившийся в верного апологета диктатуры, решил остаться в стороне от глобального миграционного процесса на территории от Калининграда до Чукотки. Казалось бы, самое место ему там, за Уралом, в духовитой скрепными традициями Московии, грезящей имперским возрождением и окончательной победой над заморскими трансвеститами. Причин подобной трансформации личности может быть сколько угодно, но ни одна из них не даёт окончательно объяснения процесса обращения либерала в патерналиста, если не давать более грубых определений. Почему Грегор Замза вдруг превратился в жука? А Кафка его знает. Да и то не факт. Так природа захотела. Почему? Не наше дело. Для чего, не нам судить. Так ведь не один такой Кружков остаётся в Сибири. Много их, недавних сторонников диктатуры, не решившихся обменять привычную географию места обитания на комфортную для их мироощущения территорию европейской Святой Руси. Не так много, как перебирающихся сейчас за Урал, но более чем достаточно.

Острые дискуссии на тему дальнейшей возможности сосуществования в едином государственном пространстве различных форм человеческой жизни не прекращались в сибирских медиа. Наиболее убедительными представлялись доводы сторонников эволюционного процесса, доказывающие неизбежность обратного превращения любого закоренелого консерватора в неопита нового либерализма по факту развития гражданских свобод и неизбежного последующего экономического рывка, гарантирующего растущее благосостояние народных масс. Не исключено. Как и не исключено традиционное сползание обратно в имперский ресинтемент. Сто раз проходили. А Стасик, ну что Стасик? Нормальный герой нашего времени — не в смысле физического героизма Геракла и Ильи Муромца, а в пушкинско-онегинском, брызгливом: «И устарела старина, и старым бродит новизна». Типичный образчик не лишнего, но востребованного государством человека и ответившего государству благоприобретённым верноподданичеством. Их тьмы, и тьмы, и тьмы. Но приходится работать с тем, что есть, а не с идеальным человечеством. А нужно бы попробовать разобраться в «феномене Замзы» хотя бы на примере Кружкова: вызвать на откровенный разговор, чтобы объяснил, как он дошёл до жизни такой и как ощущает себя сейчас, когда всем уже здесь, в свободной Сибири ясна людоедская сущность режима, которому Стасик служил верой и правдой. По недомыслию? По искренней убеждённости в собственной правоте? По привычке присоединяться к строю, печатающему парадный шаг в указанное светлое будущее? Показалось, что бывший близкий приятель не утратил способности говорить откровенно на сложные темы.

Ладно, при следующей встрече. Кстати, не забыть озвучить Оськину историю с квартирой для обменного жилого фонда стасиковского знакомца. Вот и повод будет для встречи и предметного разговора на заданную тему».

— Ну и как тебя сегодняшний Лёха? — Оськин всегда входил в кабинет Жоры с вопросительной интонацией. То ли считал, что без конкретного вопроса его визит можно счесть праздничатанием (как будто это что-то плохое), то ли реально считал, что у старшего товарища есть ответы на любые загадки мироздания.

— Что он там ещё выдал в эфир? — старший товарищ в силу возрастного скепсиса вполне критично относился к разоблачениям команды Навального и предпочитал узнавать о них не из интернет-трансляций, а из уст восторженных адептов строгого оппозиционера, не устающего критиковать из своего иркутского штаба лидеров Сибирской автономии то за мягкотелость и нерешительность, то за политические перегибы на местах, то за недостаточную внимательность к рецептам переустройства мира от вечного критика любого режима, будь он хоть самый раздемократичный и свободоориентированный.

— Расследование о коррупционных схемах Ходорковского! — Илюша Оськин светился от счастья обретенного знания всем своим рыжим тридцатипятилетним организмом: молодой ещё, имеет право. — Как тот устроил экспорт нефти из Находки иранскими танкерами под либерийским флагом.

— И аятоллы, значит, делятся нетрудовыми доходами с Ходором, да?

— Прямых доказательств, ясен конь, нет, но сама схема не оставляет сомнений в его прямой заинтересованности. А ещё верховный комиссар экономики и финансов, — Илья выглядел обиженным ребёнком, которому злой дядя рассказал, что Деда Мороза не существует.

— Угу, Ходорковский спит и видит, как ему новую Сибирь нагреть на пару миллионов, — отмахнулся Дитрикс. — Ты бы чем глупости всякие смотреть, подсказал бы, где в центре большую светлую квартиру найти, желательно со стеклянным потолком. Тут один модный столичный художник пожелал в наш город определиться, так этому, как бы выразиться помягче, творцу, апартаменты с мастерской потребны, а я таких в твоей сводке не вижу. Нет ничего в спецзапасе?

— Да вроде нет, — Илюха почесал конопатый нос. — Сводка после обеда обновится, буду иметь в виду. Тут бы в двух уровнях что-нибудь... А кстати, помнишь, ты меня просил вопрос порешать с твоим давним знакомцем, который хлопотал за приятеля с примерно такой квартирой, записанной на супругу?

— Помню-помню, — Жора заинтересованно оторвался от сводки. — И как там, срслось?

— Срслось, — неопределённо поморщился Илья. — Да в другую сторону. Рассказывать или идти фондовый ресурс искать твоему московскому живописцу?

— Я добрый и только потому ты ещё жив со своими шуточками. Выкладывай.

— Тут ведь как? Я по твоей просьбе обменный формуляр поднял — там вроде бы, простой вопрос, технический, и дефицитная жилплощадь, считай, уже у нас в кармане, если бюрократический барьер снять. И собственно, ерунда оставалась — фильтрационную отметку поставить. Позвонил в службу фильтрационных приставов, попросил в виде исключения ускорить процедуру в отношении этого коммерсанта Мухина Фёдора Александровича, торговца мелкой руки контрабандными канцтоварами. И что ты думаешь? Не прошёл фильтрацию Фёдор Александрович, греет нары теперь в СИЗО дружок твоего приятеля.

— Ого, — удивился Жора. — Вот где реальная сенсация, а не эти твои громкие псевдорасследования.

Негласно по Пакту полагалось обеим сторонам закрывать глаза на мелкие криминальные грехи экономического характера перемещаемых граждан. И если из России изредка доносились жутковатые истории о случаях самодурства со стороны тамошней выпускной Комиссии нравственности и духовности, то фильтрационный департамент Комиссариата по релокации и реинтеграции крайне редко радовал ценителей жареных фактов информацией подобного рода.

— Будет ещё сенсация, — успокоил Илья. — Я только вчера вечером подробный отчёт от них получил. Хотел тебе с утра ещё рассказать, да сразу работы навалилось выше крыши. Вот, только сейчас вспомнил.

— Так что там с этим, как его?..

— Мухиным Фёдором Александровичем, известным в криминальных кругах по кличке Муха.

— Маньяк, что ли, оказался? Некрофил? Серийный убийца?

— Да нет, проще всё. Один раз ему послали вызов на фильтрацию, другой, — он не является в департамент. А я же поторапливаю их периодически. Ну там психанули, в общем, отправили приставов к нему на дом с опросным формуляром. А Фёдор этот Александрович говорит, мол, я полагал, тут ошибка какая-то, я, дескать, раздумал релоцироваться, а что рассказывал о прошлом стремлении случайному знакомому, так это чисто по пьяни, не каждый разговор нужно на веру принимать. И нервничал, рассказывают, очень. Ну и чтобы, значит, не совсем уж холостой вызов по адресу фиксировать, провели они там поверхностный досмотр жилища, но и его хватило для задержания. Шевроны вагнеровские нашли, бронезилеты, золота в слитках килограммов пять, которое он, типа, на шариковых ручках честно заработал. Как бы не совсем уж полный криминал, но парни заинтересовались, на дачу к этому Мухе поехали. Ну а там уже полный ассортимент: заводские ящики с АК-47, гранатомётами, взрывчаткой. Сейчас разбираются, простой ли он торговец оружием или там кончик хвоста террористической организации прихвачен. Так-то его квартира всё равно в наш обменный фонд перейдёт, но когда теперь ещё: пока следствие идёт, потом суд, затем конфискация — только через год, не раньше. А фильтраки просили твоему приятелю кланяться и устную благодарность передавать: если бы не его своевременный сигнал, то так бы этот Муха и ходил бы на свободе. А что он дальше учинить собирался, пусть следствие разбирается. Так что, хотел твой ходатай или не хотел, но большую помощь оказал обществу. Так ему и передай.

— Обязательно передам, Илья, всенепременно. Впрочем, легко можно было сразу ожидать чего-то в этом роде. Так уж всё устроено у Стаса Кружкова, всю его жизнь.

— Что устроено? — не понял Оськин.

— Неважно, — не стал уточнять мысль Жора. — Спасибо, что не забыл, поделился. Но заболтались мы с тобой, работа сама себя не сделает.

— И то, — Илья Оськин согласно кивнул и вышел из кабинета.

А старший советник Дитрикс вновь склонился над сводкой, которая предлагала ему найти паритетный вариант обменного жилого фонда очередному еврею, народному художнику Российской Федерации Николаю Сафронову.

Куст калины горел осенним красным пожаром, отчётливо ярким на фоне тёмно-зелёных лап вымахавшей в небо здоровенной сосны, которую, помнится, они сажали вместе с отцом здесь, на только что приобретённой даче. Давно, когда деревья были большими или, наоборот, маленькими — эту же сосёнку они тогда несколько лет подряд наряжали на Новый год шарами и гирляндами, пока она не выросла настолько, что папиного роста перестало хватать для насаживания блестящей новогодней ёлочной верхушки. Нет уже давно отца, нет мамы и Веры тоже нет, зато есть Леночка, смешно корчащая рожу деду, выглядывая из-за калинового куста. Смотреть на внучку Кружкову было приятно.

Сын приехал в отпуск домой впервые за последние три года. Леночка за это время выросла, стала совсем другим, почти взрослым человеком: шутка ли, на следующий год уже в школу. Там, в Минске, Антоша говорит, неплохие школы: программы современные, педагоги внимательные, детки культурные. Но всё равно, начинается у внучки другая ступень жизни, где и полезного будешь набираться, и всякого дурного. Всегда так было, и сейчас вряд ли что кардинально поменялось, как бы современная молодёжь не уповала на передовые технологии, сделавшие нынешний мир не просто более комфортным, но качественно другим: как утверждают современные медиа, глобальным, прозрачным и безопасным.

Стасик в нынешнем возрасте Леночки тоже верил, что взрослые всё делают правильно, что скоро не будет войн, голода, неизлечимых болезней, границ, и человечество двинет на Луну и на Марс, навсегда отринув дурное наследие минувших веков. А оно вон куда вывернуло в итоге, чуть до всеобщей гибели дело не дошло, хорошо тормознулись на самом краешке, когда уже в бездну заглянуть успели.

Так что, ещё неизвестно, к какому будущему приведёт этот их Иван Иванович, обещающий электорату самые что ни на есть распрекраснейшие перспективы. Все так начинали, от Христа до Ленина, и что в итоге вышло? Ерунда какая-то вышла. Вот и сейчас кругом такое красивое, непонятное, интересное, — но посмотрим на конечный продукт лет через тридцать, проверим. Ну как, посмотрим? Леночка посмотрит, а дед вряд ли. Иван Иванович вместе с Ильёй Ильичом много чего обещают, но даже они не гарантируют человеку возможности заглянуть подальше за текущий горизонт событий. А хотелось бы, конечно, поглядеть на Леночку в 2070-м, но что ж теперь о несбыточном.

— Деда, смотри как я умею! — внучка повисла на ветке сосны и раскачивалась, подогнув ноги с поцарапанными коленками и улыбаясь во весь рот с щербиной выпавшего переднего молочного зуба.

— Ловкая какая ты у меня, молодец, — похвалил дед Стасик, но не преминул добавить взрослого, скучного. — Руки только в смоле испачкаешь, никаким мылом не отмоешь.

— Отмоешь, — категорически не согласилась Леночка, прыгнула на землю, забежала в летнюю беседку, сказала строго. — Опять ты куришь! Папа тебе не велит, а ты не слушаешься, как хулиган какой-то. Курить вредно. А это что у тебя?

Пытливая белокурая бестия потянула со стола стасиковский бигфон со страницей, открытой на агитационной площадке Ивана Ивановича. Ткнула в портрет, развернула пальцами во весь листок:

— Кто этот дедушка? — предвыборный баннер являл миру благообразный образ крепкого не так уж чтобы старого мужчины с седой бородой и

умудрёнными жизненным опытом пронзительно-весёлыми глазами. — На Деда Мороза похож, только в костюме и галстук.

— В каком-то смысле, действительно Дед Мороз, — согласился с внучкой Кружков. — Обещает, по крайней мере, дать всякому желающему точный совет и верную рекомендацию на любой жизненный случай. Есть у тебя самый трудный вопрос в жизни?

Леночка задумалась, потом согласно кивнула белой чёлкой.

— Есть. А быстро он отвечает?

— Обещает, что не позже, чем через два часа.

— Долго.

— Так и Дед Мороз ведь не сразу твоё желание исполняет, когда ты ему письмо с заветной просьбой пишешь, а только в новогоднюю ночь. А тут всего два часа. Спросим?

Внучка кивнула, но уточнила:

— Только это секретный вопрос, ты же его никому не расскажешь, Стасик?

— Обещаю.

— Тогда спроси: кто меня больше любит — мама или папа?

— А дедушка?

— Ладно, и про тебя тоже спроси.

Дед Стасик предложил мягкую поправку:

— Тогда давай ещё спросим, кто тебе больше всех нравится? А то так будет нечестно: ты узнаешь, кто тебя любит сильнее, а мы не узнаем.

— Я всех одинаково люблю, не придумывай.

— И мы все тебя тоже любим, но ты же хочешь знать, кто больше? Вот и мы хотим.

— А откуда он узнает правду про меня, я же ему не говорила? — вдруг засомневалась Леночка.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю, — развёл руками дедушка. — Как уж они там про нас, грешных всё ведают, неизвестно. Не жизнь у них там, а сказка. А наше с тобой дело, верить в эту сказку или нет.

По скрипящим ступеням (которые каждый день обещал себе поправить Кружков, но забывал потом, конечно) в беседку поднялась из бани Марта, мама Леночки, с укатанной полотенцем головой.

— Я и забыла уже, как хорошо у вас на даче, Станислав Александрович, — села в плетёное кресло, поманила к себе Лену, усадила на колени. — Вода в душе нагрелась, прямо горячая сейчас. И чем вы тут с дедушкой занимаетесь, дочь? Леночка сорвалась к столу, забрала у Кружкова бигфон, показала маме экран с симпатичным Иваном Ивановичем.

— Вот он обещает ответить на любой сложный вопрос. Мы со Стасиком придумали что спросить. Давай ты то же спросишь, что и я?

— Нет, Лена, это глупая какая-то игра, мне не нравится. Не верю я нынешним неожиданным волшебникам, обещающим рай на земле и простые ответы на сложные вопросы. Илья Ильич это? — уточнила Марта персонализацию портрета у Кружкова.

— Иван Иванович, — Кружков охотно просветил мало интересующуюся политикой жену сына. — Текущий фаворит этой недели. Ну так что, спрашиваю?

— Спрашивай, Стасик, — утвердила решение Леночка. — И про маму спроси обязательно!

Дедушка откашлялся, ткнул пальцем в тонкий мягкий экран и отчётливо произнёс немножко чужим, официальным голосом:

— Лена Кружкова, шесть лет, два вопроса. Кто меня больше любит: мама, папа или дед Стасик? Кого я люблю больше всех? Марта Кружкова, тридцать три года, два вопроса: кто меня больше любит...

— Не нужно от моего имени спрашивать, я же просила! — Марта поднялась с явным намерением забрать у свёкра дурацкий гаджет, но его владелец отстранился и довершил процедуру.

— ... дочь Лена или муж Антон? И кого больше всех люблю я? Спасибо.

Бигфон отозвался приятным мужским баритоном: «Благодарю за вопросы. Надеюсь, вам понравятся ответы и моя предвыборная программа. Успехов во всех начинаниях».

— Марточка, не сердись, мы же с Леночкой просто в шутку спросили, — Кружков умиротворяюще сложил ладони и склонил перед невесткой голову, лукаво подмигнув внучке исподлобья.

— И ничего и не в шутку! — не согласилась маленькая белокурая чертеняка. — Как там про орешек, Стасик?

— «Орешек знаний твёрд, но всё же мы не привыкли отступать. Нам расколоть его поможет тележурнал...

— «Хочу всё знать!» — громко завершила древний девиз Леночка хором вместе с дедом, и оба счастливо расхохотались.

— Что стар, что млад, — улыбнулась мама, сняла полотенце, встряхнула мокрыми светлыми волосами. — Пойдём, дочь. Поможешь мне голову сушить и расчёсывать.

— А я мясом займусь, часа через два готово будет, — озвучил свой план действий дед Кружков. — Антоша успеет вернуться к обеду?

— Обещал, — сказала Марта, и они побежали с Леночкой наперегонки к старому дачному домику.

Когда говядина уже обжарилась вместе с луком, чесноком и парой стручков острого перца, Стасик оставил в мангале только раскалённые угли, проложил поверх мяса плотным слоем нарезанные ровными кружками яблоки, плеснул внутрь полстакана красного сухого и накрыл казан крышкой. Через полчаса нужно добавить чёрный виноград, чуть перемешать и после десятиминутного томления «мясо по-флорентийски» можно подавать на стол. Ант, сообщила Марта, уже подъезжает из города, как раз к обеду поспеет. А пока никто не видит, можно и сигарету выкурить, и стакан вина, приобретённого в качестве обязательного ингредиента к кулинарному рецепту, выпить, там треть бутылки всего и требуется-то.

Готовить Кружков умел и любил с юности. Всегда с любопытством наблюдал за отцом во время его священнодействия на кухне или у таёжного костра. Очень уж ловко у того получалось управляться с мясом, рыбой или добытыми на охоте утками. Стасику нравилось нетерпеливое ожидание обеда непричастной публикой, её бурно-одобрительная реакция на очередное вкусное отцовское блюдо, нравилось как тот шутливо раскланивался под тосты, поднимаемые гостями в честь кулинарного умельца. И если многие родительские наставления и побуждения к различным формам трудовой повинности (дачно-копатальной, например) закономерно казались бессмысленной и нудной обязательной программой воспитания подрастающего поколения, то помогать лепить пельмени или учиться разделять судака на филе Стаса заставлять не нужно было: всё сам и с удовольствием.

Потом начал пробовать готовить без родительского догляда. Как-то сразу у него это дело задалось и потом лишь приобретались необходимые навыки, расширился список удачных рецептов блюд и увеличивался круг благожелательных едоков. До определённого предела, конечно. Нынче творить фирменную гастрономию уже, по сути, не для кого, — хорошо, сейчас вот Ант с Леночкой и Мартой приехали — а для себя редко когда и картошку не лень пожарить. Всё проходит вместе с востребованностью окружающих в тебе и твоих скромных талантах. Новое время требует новых песен: вон, статистика утверждает, что от мясных продуктов сознательно отказалось уже 45 процентов европейцев. Хорошо, что Ант с Мартой до сих не повелись на эту новомодную повальную вегетарианщину — хоть и молодые, а понимают что такое хорошо и что такое плохо. А уж чем питаться станет поколение Леночки, нам не дано предугадать, но вряд ли вкусной и здоровой пищей. И куда только катится этот мир?..

Так, пора добавлять к мясу виноград. А запах какой, что ты! Как говорил Игорян Смирнов про такие кулинарные ароматы, «лучшее в мире слюноотделительное». И все ведь соглашались.

А была же целая история у них с этим рецептом. Приехали как-то сюда Игорёк Смирнов с Витьком Отчаловым. (Когда это было? Наверное, в девяносто девятом или в двухтысячном — ну да, Отчалов ещё в курсантах ходил). Без звонка — мобильников, считай, тогда ни у кого не водилось. Водки, конечно, захватили, а насчёт закуски не побеспокоились: к Кружкову же едут, тот всегда чем-нибудь вкусным накормит. Виноград только зачем-то привезли и яблоки. А нет, это к вину, они тогда вместо водки сухого красного набрали бутылок шесть. В холодильнике добрый кусок говядины лежал, картошка нашлась, пара луковиц.

Можно было, конечно, просто мясо пожарить, но это же скучно. И тогда Стасик объявил, что угостит их «мясом по-флорентийски», в которое по одному малоизвестному, но знаменитому рецепту как раз и потребны яблоки с виноградом и вином. Вот и нафантазировал на ходу, и получилось, и парни ели да нахваливали, пока он уже после обеда не признался, что придумал только что это блюдо сам, что может и существует где-нибудь в природе рецепт с таким названием, но как-то максимально отдельно от незамысловато изобретённой еды. Но ведь зашло тогда и запомнилось. Потом уже нет-нет да и просили Смирнов с Отчаловым специально исполнить «мясо по-флорентийски», и другие гости тоже радовались говядине в яблоках с виноградом. Но где сейчас те гости, где Витька с Игорьком?

Витёк понятно где, а Игорь нынче вице-президент украинской Академии медицинских наук, светило тамошней нефрологии, как читал в виртуальной сетке Кружков лет восемь, что ли, назад. И телефон там академика Игоря Олеговича Смирнова был предъявлен широкой публике.

Два дня тогда собирался с духом Стасик, прежде чем позвонить старинному приятелю: просто чтобы услышать почти забытый голос юности, спросить «как дела?», поболтать минут пять о минувших годах, узнать о детях и внуках — так, привет из прошлого, ничего серьёзного.

«Как о вас доложить?» — спросил женский голос в трубке. «Станислав Кружков, друг детства», — Стасик представил, как потеплеет в улыбке лицо украинского академика, как он отложит в сторону текущие важные бумаги, и как они станут обмениваться старыми шуточками и вспоминать прежние весёлые времена. Трубка хранила молчание долгих пять минут, потом тот же

официальный женский голос сказал: «Игорь Олегович занят. И просил передать, чтобы вы больше не звонили, он не знает такого старого друга. До свидания». Ладно, не знает так не знает. Совсем там они уже в своей Украине повернулись и когда обратно развернутся, непонятно. Жаль, Стасик хотел как лучше, но что уж теперь. Кружков налил ещё полстакана вина смыть горечь давней обиды. «Чёрт, картошку-то вариться так и не поставил!» — вдруг вспомнил семейный кулинар и поспешил в домик включить плиту под кастрюлей с грядущим гарниром.

— Отличное мясо, пап, — похвалил отца Антон. — Давай стакан, вина подолью.

— И мне, — попросила Марта. — Действительно, очень вкусно. Спасибо, Станислав Александрович.

— На здоровье, мои хорошие, — поблагодарил за оценку своих стараний дед Стасик, глянул на внучку. — А тебе понравилось?

— Нормально, спасибо, — Леночка ещё не вышла из возраста прямых ответов на прямые вопросы. — Мне больше рыба нравится, форель. Как мама готовит.

— Ну и хорошо, — не обиделся дед. — Что там в городе, Ант? Как дебаты, кто победил сегодня?

— Наш победил, Илья Ильич, — удовлетворённо потянулся Антон. — Ваш Иван Иванович невнято озвучил позицию экологического дизайнера, сразу минус шестнадцать пунктов. Но держался в целом неплохо, врать не буду. Хотя всё равно его это не спасёт: Илья Ильич моложе, активнее, быстрее в реакциях. Минск победит, не сомневайся.

— Да и на здоровье, — не стал ввязываться в политическую дискуссию Кружков-старший, давно уже решивший, что в день выборов в любом случае отдаст свой голос за Ивана Ивановича.

Причём, голос в прямом, не фигуральном смысле: на смену электронному голосованию идёт голосование голосовое, чёрт бы побрал эту невозможную тавтологию. Ну а как ещё назовёшь избирательную процедуру, которая впервые будет осуществляться путём произнесения ртом в листок бигфона с открытой страницей «Выборы-2040» одного из двух возможных словосочетаний — «Илья Ильич» или «Иван Иванович»? Голосование голосом, возвращение к истокам, к первоначальному смыслу демократической процедуры. Впрочем, важна не процедура, а итог: вся текущая социология показывает, что массовый избиратель моложе 45 лет намерен отдать предпочтение минскому Илье Ильичу, тогда как старшее поколение Белороссии выбирает московского Ивана Ивановича. Они и на условных портретах изображались соответственно предпочтениям своего электората — седобродый элегантный Иван Иванович и демократично-небрежный Илья Ильич с фиолетовой причёской.

— Я только одного в толк взять не могу, — добродушно заметил дед Стасик. — Зачем на эти дебаты вживую ездить смотреть, если их результат через минуту после завершения очередного раунда появляется во всех сетях? Марта вон не стремится.

— Это же как футбол, — объяснил сто раз разъяснённое психологами Антон. — Открытое столкновение идеологий, прямое состязание, интеллектуальный спорт. А спорт без азарта болельщиков невозможен.

— Азартные игры, вы же понимаете, Станислав Александрович, — уничижающе пожала плечами Марта. — Развлечение великовозрастных детишек. Хорошо хоть, что прямые трансляции в сети запретили — пусть

лучше на этих аренах сумасшедшие избиратели собираются, чем он здесь бы нас своими комментариями изводил.

— Вас изведёшь, — подал оправдательную реплику Кружков-младший, поднялся из-за стола, пошёл к выходу. — Я за вином. Белого принести, красного?

— Мне всё равно, — сказала Марта.

— Белого, — сказал дед Стасик.

— А мне Фёклу принеси, — сказала Леночка. — Такую с рыжими волосами в синем платье. У меня на кровати лежит.

Возвращаясь с бутылкой и куклой Фёклой, сын походя заметил устроившемуся с сигаретой на прибеседочной лавочке отцу: «Опять куришь? Да что ж вы за люди-то такие».

Какие есть, подумал Стасик. Старые мы уже люди, нас не переделаешь. А вы-то сами какие, некурящее непьющее поколение, чего вы добились своим здоровым образом жизни? Белороссию учинили вместо великой России, сумевшей преодолеть последствия недавнего раскола на Сибирь и Московию? Ну, может и хорошо в сравнении с недавним кровавым хаосом: успокоилась страна, объединилась в новое государство, встала, как говорится, на путь исправления. Ладно, пусть. Но вот эти новомодные заигрывания в цифровой прогресс до добра точно не доведут. В свихнувшихся европах могут делать что хотят: решили передать государственное управление в руки искусственного интеллекта — на здоровье. Экономика там стала расти как на дрожжах, социальное напряжение снизилось, преступность сократилась — это всё замечательно, но пять благополучных лет не показатель, а микросекунда на пути развития человеческого. И куда такой прогресс может в итоге завести, одному богу известно и никак не Ивану Ивановичу или даже суперсовременному Илье Ильичу.

Оба перспективных спасителя объединённой России или, по-новому, Белороссии разнились не только происхождением, но и заложенным в них мировоззрением. Если созданный московскими прогрессорами искусственный интеллект, получивший конечную кодификацию «Иван Иванович», был изначально заточен на поступательное консервативное развитие подведомственного общества, то заливчатский минский «Илья Ильич» исповедовал теорию «большого прыжка», предполагающую резкий переход государства в качественно иное пространство всеобщего мира, спокойствия и благоденствия — пусть и при неизбежных на этом пути социальных и прочих турбулентностях. Ранее с президентского забега искусственных интеллектов сошли оказавшиеся неконкурентоспособными постправославный «Игорь Игоревич», неолиберальный «Икар Икарович» и этноцентричный «Игнат Игнатович». И теперь, на финишной прямой предвыборной гонки два искусственных интеллекта всерьёз бились за голоса избирателей на публичных дебатах, проходящих на специальных информ-аренах в присутствии немалого количества политически ангажированных зрителей, таких как Ант.

Психологи утверждали, что такая сублимация эмоций благотворно влияет на возбуждённый электорат и сама по себе даёт отложенный положительный эффект в деле психического здоровья общества. Хотя сам Кружков-ситарший в психически нездоровых не держал ни себя, ни Марту, которая, несмотря на своё литовско-белорусское происхождение, нисколько не переживала за земляка Илью Ильича и ко всему предвыборному гевалту относилась с большой долей

иронии и скепсиса. И тем была симпатична Кружкову-старшему, вдобавок к прочим вполне себе положительным чертам её характера.

Бигфон Кружкова мелодично-призывно присвистнул на веранде, и дедушка столкнулся на крыльце с внучкой, спешившей к нему со свёрнутым листком гаджета, подаренного Антоном в их прошлый приезд и успевшим устареть за эти три года с куда большей скоростью, чем стареют даже самые старые старики — настоящие, живые, а не этот розовощёкий, глядящий на него с экрана, многомудрый Иван Иванович.

Дед Стасик вернулся на своё место за общим столом, ткнул в страничку вызова. Антоша подлил ему вина в опустевший бокал. Иван Иванович одобрительно наблюдал за процессом, деликатно молчал. Затем вытянул указательный палец в экране, лукаво-доверительно спросил:

— Вы желаете прослушать ответы на вопросы, заданные от имени Леночки Кружковой, шести лет из города Минска?

— Желаем, желаем, желаем! — хлопала в ладоши и подпрыгивала от нетерпения внучка.

— Что ещё за вопросы? — удивился Антон, а Марта лишь сморщилась и отрицательно покачала головой.

— Желаем, — согласился с Иваном Ивановичем дед Стасик.

— Сообщаю. Леночку Кружкову в одинаковой степени любят мама, папа и дедушка. Леночка Кружкова любит маму в доле 24 процента, папу в доле 20 процентов, дедушку в доле 15 процентов, Глеба Клиневича, шести лет из города Минск, в доле 41 процент. Спасибо за внимание, будет приятно услышать ваш голос, отданный за меня в день выборов. Вместе в лучшее будущее, помня о прошлом!

Оракул-кандидат поднял большой палец, благосклонно подмигнул и отключился.

— Антоновна, какой ещё Глеб? — спросил, улыбаясь, у дочери папа.

— Ольги Клиневич сынок, — ответила Марта, сочувственно наблюдая за Леночкой. — Из издательства, помнишь?

А Леночка ничего не сказала, она смотрела в стол. Потом тряхнула чёлкой, подняла голову и сказала:

— Я ничего не поняла про эти проценты.

— А про Глебку поняла? — спросила Марта.

— Он хороший, — призналась Леночка. — Он Кириллу руку заломил, когда тот меня совком ударил. А вы все меня любите одинаково, вот тут дедушка в бигфоне всё правильно сказал. И я вас всех одинаково люблю... Папа, посади меня на плечи, пойдём за забор к соседям поглядим, там всегда интересно.

— Пошли, Антоновна, — Кружков-младший сграбастал дочь поперёк туловища, выволок её, хохочущую, из беседки, поднял на плечи, и они пошли меж грядок смотреть за забор к Гумбиным, у которых жила в конуре собака Белка дворовой породы, смешно лающая и виляющая хвостом каждый раз при виде головы Леночки, неожиданно возникающей над сплошным металлическим забором, как будто она великанша какая-то.

Марта собрала со стола грязную посуду, стала её мыть в пластиковом тазу нагретой в чайнике водой, разбавленной холодной колодезной из ведра. А Кружков-старший потягивал вино, смотрел как летят паутинки в распахнутую синь последних дней бабьего лета, как шуршит опавшая листва под ногами сына, несущего на плечах внучку обратно к беседке, как тянется в небе косяя

строка журавлиного клина, направляющегося в тёплые края. Хорошо было так сидеть в окружении родных людей и красивой сентябрьской природы, комфортно.

Послезавтра и Леночка вместе с папой и мамой полетят обратно в Минск. А пока нужно наслаждаться каждой минутой этого краткого семейного счастья, дарованного на старости лет уверенностью в твёрдом будущем сына, спокойствием и женской мудростью невестки, звонким смехом внучки, вернувшейся с Антошей на веранду.

— Чай будем пить? — спросила Марта. — Я булочки свежие утром в магазине купила.

— Не будем, — отказалась Леночка.

— Будем, — возразил папа.

И тут нежную сентябрьскую осень вновь пререзал вызов стасиковского бигфона. Со странички опять глядел снисходительно-благообразный Иван Иванович со знакомым уже предложением:

— Вы желаете прослушать ответы на вопросы, заданные от имени Марты Кружковой, тридцати трёх лет из города Минска?

— Не желаем, — быстро сказала Марта. — Выключайте его, Станислав Александрович.

— Желаем! — завопила Леночка. — Мама, так нечестно! Мне этот дедушка в бигфоне ответил про какие-то проценты, пусть и тебе ответит!

Иван Иванович благодушно слушал дискуссию, поглаживая рукой белоснежную бороду.

— Ну чего ты? — улыбнулся Антон Марте. — Пусть ответит: нам всё равно, а Лене приятно. Впрочем, как пожелаете, я воздерживаюсь. Лена «за», мама «против», слово за тобой, дед — как скажешь, так и будет. У нас демократия или как?

Иван Иванович в гаджете скрытно-выразительно посмотрел на свои наручные часы. Показалось, вздохнул.

— Стасик, ну ответь ему, что желаем! Ну, пожалуйста, — заканючила, чуя близкую победу, Леночка.

— Не нужно, — серьёзно покачала головой Марта.

Но внучка так просительно заглядывала в глаза, что дед Стасик позволил себе встать на сторону внучки и махнул рукой:

— Желаем.

Иван Иванович чисто по-человечески откашлялся, вежливо прикрыв рот кулаком, сказал:

— Простите. Сообщаю. Марту Кружкову любит дочь в доле 42 процентов, муж в доле 39 процентов, свёкр в доле 19 процентов. Марта Кружкова любит дочь в доле 41 процент, мужа в доле 21 процент, свёкра в доле 12 процентов, Евгения Петровича Булыха тридцати лет из города Минск в доле 26 процентов. Спасибо за внимание, мне будет приятно...

Что будет приятно Ивану Ивановичу, Леночка так и не узнала, потому что дед Стасик отключил страничку искусственного, мать его, интеллекта.

— Это не то что ты подумал, Антон, — голоса Марты звучал спокойно, но хрипло.

— Да я ничего и не подумал, — тускло ответил папа Леночки.

А сама Леночка только вздохнула:

— Опять какие-то дурацкие проценты. Что попало.

Марта подозвала дочь, обняла, закрыла ей ладонями уши и сказала Кружкову:

— Старый вы мудень, Станислав Александрович, — и повела Леночку в дом за свежими вкусными булочками.

Кружков-старший мял в руках сигарету, просыпая табак на застеленный цветной радостной клеёнкой стол. Виновато пожал плечами:

— Леночка просила, Антик. Я хотел как лучше, прости.

— Как всегда, пап, — Антон поёжился. — Ты хотел как лучше. Как всегда.

И пошёл в дом следом за Мартой и Леночкой.

Кружков остался не веранде один. По высокому сентябрьскому небу плыли лёгкие белые облака. Между крошками по столу ползали три муравья с длинными усами-антеннами. Недавняя светлая лёгкость сменилась в душе предчувствием скорой сырой свинцовой осени.

Стасик сделал долгий выдох и пошёл домыывать недомытую Мартой посуду.

Исход. 65.

Альма

Леночка уже успела рассказать деду о противных близнецах Дугиных, говорящих на переменах плохое слово на букву «ж», о том, как папа чинил кран на кухне, а потом они пускали по водному потоку на полу бумажные кораблики, пока не пришёл слесарь с инструментами и не остановил струю, бегущую из-под раковины, о Лидии Сергеевне, объяснявшей сегодня на уроке о различиях между Колобком и Покатигорошком. Потом на панельном экране появилась Марта, поздоровалась со свёкром, напомнила внучке, что завтра вставать утром в школу и потому пора чистить зубы и ложиться в постель. «До свидания, Стасик!» — помахала рукой Леночка, невестка тоже попрощалась: «Спокойной ночи, Станислав Александрович», — и выключила бигфон.

Ну да, даже в Минске уже половина десятого, а у нас тут в Сибири давно ночь. Кружков подошёл к окну, оглядел пустой двор с занесёнными снегом крышами машин, освещённых тусклым светом приподъездных фонарей, пробивающимся сквозь метельную круговерть. В такую погоду организм всегда отказывается спать — не счастливых леночкиных восемь лет ему, а целых уже шестьдесят пять. Но на то старость и дана человеку, чтобы навёрстывать за счёт сна недобранные в здоровой и безмятежной юности эмоции. Тогда они, правда, были разнообразные и натуральные, а теперь всё больше искусственно наведённые, но и на том спасибо техническому и прочему прогрессу.

Станислав Александрович вернулся в спальню, включил виртуальную всемирную библиотеку, полистал на экране классификатор, остановился на «классическом фэнтези», выбрал фамилию «Толкиен».

В те далёкие счастливые времена, когда он был всего лет на пять старше Леночки, у них в доме появился трёхтомник никому ранее не известного английского писателя, где на форзаце была изображена древняя карта с таинственно-красивыми топонимами Гондор, Фангорн, Андуин, Минас-Тирит, Изенгард, Рохан. Карта сразу погружала в странный мир людей, эльфов, гномов, орков, урукхаев, в мир долгой, кровавой и вечно непреходящей борьбы между Светом и Тьмой.

Но это, конечно, позднейшие интеллектуальные наслоения в понимании книги Толкиена, а тогда, помнится, они с родителями просто глотали запоем «Властелина колец»: Стасику разрешалось читать после выполнения школьного домашнего задания, на эти час-полтора в приключения Фродо и Арагорна погружалась мама, а по ночам книжкой безраздельно владел отец. И все они в те дни увлечённо обсуждали миры Средиземья, спорили о правильных

ударениях в именах персонажей, восторгались неожиданным воскрешением Гэндальфа и печалились по поводу финального исхода эльфов в Валинор. Тогда впервые Стасик ощутил своё вхождение на равных во взрослый мир. И даже если это наоборот взрослые временно вернулись в правильно устроенное писателем Толкиеном детство, — неважно. Важно, что общее семейное знакомство в книгой (или даже Книгой) отложилось в памяти радостным тёплым воспоминанием. Потом уже, много лет спустя случилась и классическая кинотрилогия Питера Джексона «Властелин колец», но всё это уже было не то, совсем не то.

Почти всегда Кружков останавливал библиотечный поиск на книге Толкиена, потому что все мы родом из детства, все мы из самых лучших и тёплых воспоминаний, из любимых персонажей тогда прочитанных книг. А заглавным героем «Властелина колец» у Стасика с самого начала был не мужественно-глянцевый Арагорн, не трагический Фродо или могущественный Гэндальф, а противоречивый Боромир. Читательскому сердцу не прикажешь, будь ты хоть самый знаменитый и авторитетный литературный критик. И пользователь библиотеки с никнеймом Stasyk-1977 вызвал в мнемонике профиля ранее сконструированный образ Боромира, погрузившись в альтернативные приключения героя по виртуальному Средиземью...

В сегодняшнем финале Боромир-Кружков, победивший в решающем поединке Сарумана, обратился к ликующему воинству Гондора с проникновенной речью, в которой отдал дань памяти героическим полуросликам Фродо Бэггинсу и Сэммиуму Скромби, добровольно передавшим кольцо Всевластья в руки единственно достойного хранителя, сумевшего распорядиться им максимально надлежащим образом, и предложил почтить память хоббитов минутой молчания. И встали на одно колено, и склонили перед ним головы Гэндальф, Арагорн, Леголас, Гимли, Мерри и Пипин. И зацвело Белое Древо, и озарилось Средиземье восходящей звездой новой эры великого воителя Боромира. Тут и сказочке конец.

Выключив библиотечную альтернативную реальность «Властелина колец», Кружков вскипятил на кухне чайник и с горячей кружкой в руках опять смотрел на сереющий зимним рассветом двор. Метель кончилась, дворник Ильдар прочертил лопатой первые узкие дорожки через сугробы тротуаров. Скоро первыми на них выйдут добросовестные собачники со своими питомцами, потом поспешат выбравшиеся из тёплых квартир другие жильцы: автовладельцы станут чистить от снега лобовые стёкла машин, кто-то отправится в сторону автобусной остановки, ребяташки двинутся понурыми нахохлившимся воробьями на первый утренний урок. И Леночка, наверное, точно таким же обиженным ранним подъёмом птенцом отправляется каждое утро в свою минскую школу. У неё там своя сложная детская жизнь. И у Анта своя, и у Марты.

Они далеко, звонят редко, этим летом опять не приедут, потому что обещали показать дочери Грецию, где когда-то создавали о себе мифы Геракл, Одиссей, Орфей и прочие герои, которыми сейчас так увлечена внучка. Пусть покажут, конечно, если есть уже такая возможность. Только опять у Стасика впереди пустое лето, впрочем, другие времена года ничуть не лучше.

Как так получилось, что на финишной прямой и поговорить-то живём не с кем, кроме дворника Ильдара? Когда Жорка вернулся, хоть с ним раз в пару месяцев встречались в шахматы сыграть несколько партий под кружку-другую пива. А

потом уехал Дитрикс в Москву, как специалист по реинтеграции, вершить обратный объединительный процесс России с Сибирью. И пропал с тех пор, не звонит, не пишет. Да и никто не звонит, Леночка только. Но и она скоро подрастёт, не до деда ей станет. Что ж, так жизнь сложилась, никто в этом не виноват. Просто пришёл возраст ночи, хоть и рассвело уже почти, поспать бы часа три...

Кружков допил чай, пошёл в спальню, завернулся в тёплое одеяло, привычно подоткнув его под правый бок. Закрыв глаза, призвав какое-нибудь тёплое воспоминание на сон грядущий. Отчего-то память вытащила в этот раз из своих закровов давний Новый год в Немировке. Вот и славно, вот и хорошо.

Кому пришла в голову эта безумная идея, сейчас уже и не вспомнить. Да Смирнову, наверное, и пришла: это у него остался дом от деда в глухой таёжной деревне на севере, в двухстах с лишним километрах от города. И Витьке Отчалову тогда отпуск как раз зимой дали, приехал навестить родителей и старых друзей в конце декабря. Вот и придумали встретить Новый год вдали от городской суеты, в заснеженной деревне на берегу Щучьего озера, окружённого тихим и мощным сосновым бором. И раньше несколько раз туда выезжали за грибами, порыбачить, отдохнуть пару-тройку дней, но то летом, а тут вдруг придумали в разгар зимы.

И как-то вдохновились все этой идеей: списки необходимых продуктов бросились составлять, шампанское с водкой закупать, перед знакомыми хвастаться грядущим нестандартной встречей Нового года. Ну и дохвастались до того, что компания новогодних отшельников разрослась до обычных праздничных размеров. Удастся ли всех вспомнить сейчас? Мы, значит, поехали с Верой, Смирнов с Аллой и Отчалов — это на «шкоде» Игоря. А в машину Лёхи Груневича поместились Дитрикс, Маша Эклунд и Рита Белецкая. Ну да, вроде никого не забыл, девять человек. И ничего ещё тогда у нас с Машей не было — ну, почти ничего.

Добрались без приключений к вечеру 30 декабря. Пока долго протапливали выстывший дом, нажарили шашлыков, девчонки выставили пару заготовленных дома салатов, водки, понятно, накатили. Ничего, согрелись к полуночи, уторкались как-то все в двух комнатах — кто на старинных кроватях с панцирной сеткой, кто на полу в спальниках, а Жорка даже устроился на полатах русской печи и долго оттуда уговаривал присоединиться к нему Риту Белецкую, но не уговорил, уснул.

Утром Дитрикс с Отчаловым плотно подсели на пиво, а остальные пошли приходить в себя на единственную немировскую улицу, вдоль которой стояли с десяток пустующих домов. Правда, у одной избы теперь появился большой красный минивэн, из-забора доносился собачий лай и детский смех: похоже, ночью или утром из города ещё кто-то приехал встречать Новый год в таёжную Немировку.

А тут было нереально хорошо, тихо. Три дня как отступили морозы, и сыпавший сейчас на бор лёгкий отвесный снежок, периодически стряхивался с мохнатых сосновых лап, смешно скатывался за шиворот и таял на разгорячённой шее. И удивительно к месту была ледяная водка, разливаемая по кругу в единственный захваченный из дома стакан, под нарезанное тонкими ломтиками сало из тёплых рук Маши Эклунд. А когда возвращались назад, вновь образовавшиеся соседи в числе мужчины и женщины чуть постарше возрастом стасиковской компании, вытаскивали яркие пакеты из открытого

багажника минивэна. Вежливо поприветствовали друг друга по-аборигенски, познакомились, поздравили с наступающим. Приятные ребята оказались, дом они здесь прошлым летом купили для отдыха на природе, вот игрушки ёлочные сейчас достают, маленькую сосенку во дворе наряжать станут для сына. Пусть настоящий праздник у него будет, с реальной живой ёлкой, не искусственной. Ну что, хорошее дело, правильное. Груневич им водки предложил — культурно отказались, дескать, попозже бы с удовольствием, но сейчас никак. Что ж, дело хозяйское.

Вернувшись с прогулки, обнаружили, что ленивые жопы Жорка с Витькой уже перешли с пива на водку, потому что сварили пельмени, а они не собаки, чтобы их просто так вот есть. Причём, Отчалов сидел уже в синем зипуне Деда Мороза, только ватная белая борода лежала отдельно на табурете. Оказывается, привёз с собой старинный новогодний наряд, в котором их в детстве поздравлял с Новым годом дядя Серёжа Отчалов, папа Витьки. Девчонки, правда, сразу всех усовестили: попоправлялись и будет, пора уже потихоньку праздничный стол готовить, а то знаем мы, как вы набираться успеваете, да ещё не свежем воздухе. Один вон пусть сыр натирает, другой селёдку чистит, третий мясо разделяет, и до старого Нового года ни грамма чтобы больше. Это, конечно, всё больше мужей Вера с Алкой нагнетали, но так-то и без того все понимали, что праздник сам себя не сделает.

А часов в одиннадцать вечера, когда стол был накрыт, а в чугунном котле на раскалённой конфорке русской печки уже начала тушиться баранина по-кружковски, раздался стук в дверь и на пороге появился давешний сосед с бутылкой виски. Имя у него ещё какое-то было непривычное — Герасим, что ли. Не отказался присесть, культурно выпил предложенную рюмку и обратился с просьбой: мол, видел, что тут кто-то в костюме Деда Мороза по двору ходил, так если не затруднит, пусть сказочный Дедушка зайдёт к ним поздравить чадо с праздником, где-нибудь за полчаса до Нового года, а?

— До курантов вряд ли, — рассудил Витька Отчалов. — Пока старый год проводим, то да сё. В полпервого, пожалуй, придём, край, в час. Ладно?

— Боюсь, спать уже Илья будет, — вздохнул Герасим. — Да и после курантов какое уж тут волшебство... Хорошо, постараемся дождаться. А вот тут в пакете коробка с подарком, пусть дедушка вручит — вертолёт купили ему, который запускать можно в небо... Нет-нет, больше не буду, не наливайте. В общем, ждём.

Гость ушёл, впустив в избу облако холодного пара. Лёха Груневич покрутил в руках подаренный виски, сказал: «Нигде покоя от людей нет». Разлил по рюмкам, выпили.

— Тебе трудно, что ли, сходить? — спросил Кружков посмурневшего Витьку.

— Да я вообще никуда не пойду, — Отчалов спокойно закусывал солёным огурцом. — Я ещё перед ротой могу приказ зачитать, а чтобы с детишками разговаривать, это точно не ко мне. Пусть вон Жора сходит, у него язык без костей.

— А чего сразу Жора? — ожидаемо вскинулся Дитрикс. — Я тоже не умею.

— Ну давайте вертолёт этот себе оставим, да? — начал заводиться Кружков. — Себе оставим вертолёт, а ребёнка оставим без праздника.

— Да, некрасиво выйдет, — поддержала Стасика Маша.

— Не пойду, — упёрся Жорка.

— Почему? — спросила Рита Белецкая.

— Не хочу.

Кружков подошёл к плите, открыл крышку чугунок, проверил аппетитно булькавшее мясо.

— Знаешь, Жора, я вот тоже совсем не хочу полдня заниматься этой бараниной, пока вы на улице снежную бабу лепите и в снежки играете. Просто кто-то должен доставить радость маленькому человеку, который прямо сейчас ждёт чуда. Ты хочешь, чтобы он его не дождался?

— Не хочу, — буркнул строптивец. — Что вы из меня злодея какого-то лепите?

— Перестань, Жора, — потормошила кудри Дитрикса Вера. — Ну какой ты злодей?

— Да и времени до Нового года двадцать минут осталось, — начал сдаваться Жорка.

— Вот и отлично, — потянул с вешалки куртку Стас. — Всё успеем, если прямо сейчас. Ну что, пошли?

И все облегчённо направились к выходу на крыльцо, сопровождать Деда Мороза в качестве шумной свиты. Типа, оленей.

— «Шишка отскочила прямо мишке в лоб!» — торжествующе продекалмировал последнюю строчку стихотворения жизнерадостный малец, которого внимательно слушали Дед Мороз и немецкая овчарка, поводящая острыми ушами рядом с сугробом, на который водрузили сына умильно-счастливые папа с мамой.

Тёплая компания, со стороны улицы наблюдавшая у палисадника за трогательной мизансценой, тоже одобрительно захлопала в ладоши — и чудесному мальчику, и поправившему финальной сговорчивостью свою карму Жоре Дитриксу.

— Семь минут до Нового года, — сверился с часами Лёшка Груневич. — Можем не успеть.

— Не страшно, — Вера тряхнула позвякивающим пакетом. — Я шампанское со стаканами захватила. На улице откроем, если что.

— А у меня и петарды с собой, — подтвердил сиюминутную готовность к празднику Игорь Смирнов.

Тем временем Дед Мороз вышел на финал.

— Вот тебе, хороший мальчик Илюша, подарок, который ты у меня просил.

Будь здоров, слушайся маму и папу, веди себя хорошо в новом году. До свидания, — повернулся и двинул к выходу со двора.

— Дедушка, а я ещё один стишок знаю, — сообщил в спину Дитриксу смыслённый ребёнок.

Публика за палисадником издала неопределённый, но явно поторапливающий Деда Мороза коллективный звук.

— Молодец, Илюша, — не останавливаясь, обернулся к мальцу Жора. — Через год мне его прочтёшь.

— А я хочу сейчас! — не согласился с невнятной перспективой юный заповинатель стихотворений Агнии Барто.

Спешащему к забору Дитриксу товарищи по стремительно уходящему старому году призывно махали руками, шампанским, петардами, выразительно стучали пальцем по циферблату наручных часов.

— Всё, мальчик, всё. Мне к другим детям поспешать нужно.

И когда подмигивающий друзьям Дитрикс уже подбегал к забору, из-за его спины раздался детский голос:

— Альма, фас!

«Хорошее было время, — успел подумать Стасик, погружаясь в долгожданный уверенный сон. — Эх, молодость, молодость».

Во сне он опять стоял у палисадника дома в Немировке, где по заснеженной улице убегали от него Вера, Игорь, Витька, Маша, он никак не мог решиться рвануть за ними. И лишь овчарка Альма стояла рядом, шумно дыша пастью с высунутым розовым языком. «Значит, так надо, — подумалось ему во сне. — Только так и не иначе».

Стасик повернулся на другой бок и сладко причмокнул губами.

Март-сентябрь 2023 года

